

ШОКОЛАДНАЯ

ВОЙНА

роbert
кормье

ВОТ ЭТО
КНИГА!

14^{от}
17
до

- [Роберт Кормье](#)
- [Шоколадная война](#)
-
- [Аннотация](#)
-
-
- [Роберт Кормье](#)
- [Шоколадная война](#)
-
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
-
-
-
-
-
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
-
-
- [Глава двадцатая](#)

- [Глава двадцать первая](#)
-
-
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
-
-
-
-
-
-
-
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Глава тридцатая](#)
-
- [Глава тридцать первая](#)
- [Глава тридцать вторая](#)
-
-
-
- [Глава тридцать третья](#)
- [Глава тридцать четвертая](#)
-
-
- [Глава тридцать пятая](#)
-
-
-
-
- [Глава тридцать шестая](#)
-
-
- [Глава тридцать седьмая](#)

- -
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 -
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

**Джон Диксон Карр (под
псевдонимом Картер Диксон)
«Убийства единорога»**

Глава 1

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

Позвольте мне изложить вам дело и спросить, как бы вы поступили при таких обстоятельствах.

Вы в Париже на каникулах, в том месяце, когда весна почти становится летом. На душе у вас легко, и вы в полном согласии со всем миром. Однажды в сумерках вы сидите на террасе кафе «Лемуан» на рю Руаяль, попивая аперитив. Потом вы видите идущую к вам девушку, с которой ранее были знакомы в Англии. Эта девушка — которую, кстати, вы всегда считали весьма чопорной — подходит прямоком к вашему столику и начинает с серьезным видом декламировать детский стишок. После этого она садится за столик и продолжает болтать самую нелепую чушь, какую вы когда-либо слышали. Ну?

Да, именно это я и сделал — стал ей потакать. В результате я оказался вовлеченным в серию событий, одно воспоминание о которых вызывает у меня дрожь, не только потому, что они оказались куда хуже тех, с которыми мне приходилось сталкиваться во время службы в разведке, но и при мысли о том, какие ужасные вещи может повлечь за собой безобидная ложь. Я был глупцом, но меня интересовала Эвелин Чейн, а весенний Париж подталкивает к глупостям.

Я могу предоставить лишь самые необходимые биографические данные. Согласно паспорту, мое имя Кенвуд Блейк, возраст — тридцать восемь лет, адрес — Эдвардиан-Хаус, Бери-стрит, Сент-Джеймс. О роде занятий говорить нечего — я не люблю работать и признаю это. Мне прочили дипломатическую карьеру, поэтому пичкали множеством языков. В 1914 году я отправился в Вашингтон в качестве атташе британского посольства, а год спустя, уже перейдя возрастной лимит, умудрился получить назначение в полк хайлендеров^[1] Сигрейва. Я надеялся командовать батальоном, но был

ранен при Аррасе, а когда поправился, меня признали негодным для службы в действующей армии.

Потом одним пасмурным днем в Лондоне, когда мое настроение было под стать погоде, я столкнулся с Г. М. Едва ли я когда-нибудь забуду его шагающим по Уайтхолл в сдвинутом на затылок цилиндре, съехавших к кончику носа очках и пальто с побитым молью меховым воротником. Он шел опустив голову, размахивая кулаком и бормоча проклятия по адресу правительственных чиновников, которые обвинили его едва ли не в прогерманских настроениях. Думаю, Г. М. сразу понял, как обстоят мои дела, хотя и не подал виду. Он затащил меня в свою берлогу с окнами на набережную Виктории, и таким образом я поступил на секретную службу, по его словам не имея к этому никаких особых данных, кроме отсутствия хитрости.

Г. М. утверждал, что это бесценное качество для сотрудника секретной службы, так как слишком хитрые заканчивают жизнь перед расстрельной командой или с ножом в спине. Если подумать, это не так глупо, как кажется. Он предупредил, что не сможет оказать мне никакой помощи, если у меня возникнут трудности, что было ложью от начала до конца. Я знал, что Г. М. способен поставить с ног на голову все правительство и мобилизовать все ресурсы министерства иностранных дел, дабы защитить самого ничтожного из своих агентов. Они его семья, заявлял он, а если такому-то это не нравится, он может идти туда-то и делать то-то.

Я перешел из контрразведки в разведку, что означало работу за рубежом, которая продолжалась до конца войны. Здесь не место рассказывать о моих тогдашних приключениях и о славных парнях, которые делили их со мной. Но я вспоминал о них, сидя на террасе «Лемуана» на рю Руаяль и потягивая «Дюбонне».

Была суббота 4 мая. Парижская весна погружала меня в летаргию добродушия. Деревья были в цвету, в янтарных лучах солнца светло-зеленые листья казались прозрачными, а воздух наполняли шум голосов и гудки такси.

Было около восьми вечера — подходящее время, чтобы расслабиться после обеда под звуки, весьма напоминавшие летний дождь. Капли барабанили по навесу у меня над головой, порывы ветра уносили прочь газеты и раздували белые фартуки официанток. Запомните, что я две недели не заглядывал в газеты — разве только

мельком видел заголовки. Мимо меня пронеслась одна из них, и я придавил ее ногой. Заголовки сообщали о подготовке к юбилею английского короля, беспорядках в Индии, но более всего о людях по имени Фламанд и Гаске.

Это вызвало у меня интерес, смешанный с раздражением, какой вызывает бессмысленная популярная фраза, значение которой вам непонятно. Годами люди отвечали почти на все: «Да, у нас нет бананов»,^[2] вызывая желание спросить: «Что, черт возьми, это значит?» Точно так же мне захотелось узнать, кто такие Фламанд и Гаске. Казалось, все говорили о них. Их имена наполняли Париж, как гудки такси, и слышались даже на этой террасе, где было не так уж много народу. У меня возникла идея, что они — соперничающие друг с другом боксеры или члены кабинета министров. Во всяком случае, заголовок статьи, которую мне было лень читать, сообщал, что один послал другому зловецкий вызов.

За улетевающей газетой побежал официант. Я протянул ему газету и осведомился наугад:

— Вы друг Фламанды или Гаске?

Результат был поистине удивительным. Проходивший мимо *agent de police*^[3] внезапно остановился и уставился на меня с явным подозрением, после чего шагнул на террасу.

— Ваш паспорт, месье, — потребовал он.

Официант склонился над столом и быстро провел по нему тряпкой.

— Этот джентльмен не сделал ничего дурного. Он только спросил...

— Англичанин, — промолвил полицейский, изучая мой паспорт. — Вы использовали слова, месье, которые могли служить сигналом. Поймите, я не хочу докучать безобидному путешественнику, но...

Полицейский говорил сквозь зубы, поглаживал усы, как строгий чиновник, но я не мог понять, что такого я сказал. Конечно, если это было политическое дело вроде аферы Ставиского,^[4] то я ступил на опасную почву.

— Вероятно, все дело в моем скверном французском языке, месье, — отозвался я с поклоном, чувствуя себя полным идиотом. —

По правде говоря, я спросил не подумав. У меня и в мыслях не было пренебрежительно отзываться о ваших боксерах или министрах...

— О ком? — перебил полицейский.

— О ваших боксерах или министрах, — повторил я. — Мне дали понять, что эти господа принадлежат к одной из упомянутых категорий...

Полицейский засмеялся, и я понял, что неприятности позади, хотя мы привлекли нежелательное внимание других посетителей.

— Да неужто? Наши парижане смеются над вами, месье. У них дурные манеры, за которые я извиняюсь. Простите, что побеспокоил вас. A'voir,^[5] месье.

— Но все-таки кто этот Фламанд? — осведомился я.

Пристрастие полицейского к драматическим эффектам повлекло за собой ряд трудностей.

— Он убийца, месье, — ответил полицейский, после чего расправил плечи, отсалютовал и вышел из кафе с таким видом, словно скрывался за кулисами. Я отослал официанта и в следующий момент осознал, что полицейский ушел с моим паспортом.

Бежать за ним я не стал, поскольку и так обратил на себя слишком много внимания. Пережив триумф своего драматического ухода со сцены, полицейский обнаружит у себя в руке мой паспорт и вернет его, а если нет, официант наверняка знает его номер, так что я в любом случае смогу получить паспорт назад. Поэтому я остался сидеть за столиком и вскоре увидел Эвелин Чейн.

Она прошла на террасу через дальний вход со стороны плас де ла Конкорд и, должно быть, видела, если не слышала, заключительную часть моей беседы с полицейским. Моей первой реакцией была мысль, что теперь я всегда буду выглядеть дураком в ее глазах. Заметив Эвелин на фоне темнеющего неба, я вздрогнул не от предчувствия, а скорее от удивления при виде ее и того, как она одета. Я даже был не вполне уверен, что это Эвелин.

Ее нельзя было назвать моим старым другом. До сих пор мы встречались только четырежды. У нее были темные волосы и карие глаза — не считите мою речь неподобающей, но о внешности Эвелин можно было сказать: о такой девушке мечтают солдаты, возвращаясь после трехнедельного пребывания под огнем. Однако она никогда бы не признала свое истинное *metier*.^[6] Эвелин утверждала, что хочет

быть ценимой за свой ум, и я как дурак верил ей — или почти верил. Она «занималась политикой». Это означало, что Эвелин начнет карьеру как секретарь какого-нибудь говорливого члена парламента, потом будет избираться сама и со временем может стать такой же знаменитой, как леди Астор^[7]. (ужасная мысль!).

Она с такой холодной небрежностью говорила о прогрессе, служении человечеству, его будущем и тому подобных материях, которые я считал полнейшим вздором, что я не знал, чему верить. Эвелин бросала вызов природе, нося строгие костюмы и пенсне на цепочке.

Но все это было до того вечера в «Лемуане». Я увидел Эвелин такой, какой ей следовало быть всегда. Девушка на террасе была одета во все белое, включая кокетливую шляпку, а ее кожа отливала золотисто-кофейным оттенком, который так редко встречаешь в реальности. Карие глаза были устремлены на меня — их взгляд был бесстрастным, но рука нервно щелкала замком сумочки. Она подошла к моему столику, и я вскочил.

— Привет, Кен, — поздоровалась Эвелин так же холодно, как всегда.

— Здравствуй, Эвелин.

После этого она произнесла так же серьезно:

— «Вел за корону смертный бой со Львом Единорог. Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог...»^[8]

Если бы такое произошло со мной несколькими минутами раньше, я бы засмеялся или спросил, что она имеет в виду. Но это случилось слишком скоро после непонятной истории с полицейским. Я начинал чувствовать, что мои спокойные каникулы оборачиваются цепью невероятных событий, что стрелка компаса повернулась, и я должен следовать ее направлению.

— Дай вспомнить, что дальше, — задумчиво промолвил я. — «Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог, а после их под барабан прогнали за порог».

Эвелин облегченно вздохнула и села, все еще глядя на меня.

— Закажи мне выпить, ладно, Кен? — сказала она. — Знаешь, я ужасно рада, что это оказался ты.

— Я тоже рад нашей встрече, Эвелин. Не обидишься, если я скажу, что сейчас ты выглядишь именно так, как должна выглядеть?

Она не улыбнулась. Карие глаза продолжали разглядывать меня, а брови приподнялись, слегка наморщив лоб.

— Это большое облегчение, — вполголоса продолжала Эвелин. — Вероятно, мы должны сразу кое-что выяснить. Наша предыдущая встреча... ну, тогда все казалось неправильным, верно?

— Верно, — согласился я. — И это моя вина. Если бы я не делал замечания относительно твоих эстетствующих друзей...

Эвелин усмехнулась. В этот момент она была настолько привлекательна, что я едва сдержал восклицание.

— Я могла бы сразу ответить тебе, что думаю о моих эстетствующих друзьях, Кен, если бы ты хотя бы намекнул мне, что все еще состоишь на секретной службе. Но ты делал бесстрастное лицо каждый раз, когда я пыталась затронуть эту тему... Понимаешь, я должна была это знать. Я дошла до того, что спросила Г. М, работаешь ли ты еще на него, но не получила ответа. Он ограничился двусмысленными замечаниями на мой счет — о том, что мне следует выйти замуж или еще что-нибудь... да, и проворчал о ком-то по имени Хамфри Мастерс.^[9] А теперь я перейду к делу и сообщу тебе...

Ее лицо вновь стало серьезным. Она быстро огляделась и сделала абсолютно ошеломляющее заявление:

— Сэр Джордж Рэмсен везет единорога в Лондон. Мы должны сегодня вечером быть в «Слепом», но я не знаю почему, так как сэр Джордж придет в Париж.

— Хм... — произнес я. Стрелка компаса начала дико вращаться.

Эвелин порылась в сумочке.

— Сэр Джордж вчера прибыл в Марсель. Он пользуется регулярными авиалиниями, так как не доверяет частным самолетам. Сегодня есть два рейса «Эр-Юнион» из Марселя в Париж — сэр Джордж полетит вторым, который прибывает в Ле-Бурже в 21.15... Последние полученные мною инструкции предписывают тебе и мне поехать в гостиницу «Слепой» в паре миль за Орлеаном и быть там в одиннадцать вечера. Насколько я понимаю, сэр Джордж, прибыв в Париж, по какой-то причине должен сразу отправиться в эту гостиницу. Пароль — первые две строчки стиха про Льва и Единорога, а отзыв — его завершение. Это все, что мне известно. Каковы твои инструкции?

Чтобы выиграть время, я заказал еще два «Дюбонне» и сигареты для Эвелин, после чего начал медленно зажигать трубку. Конечно, вам легко говорить, что мне следовало не лезть в это дело и сразу признаться Эвелин: я не тот, с кем она должна встретиться в «Лемуане», тем более что в любой момент мог появиться настоящий агент. Но упрямство, свойственное человеческой натуре, не поддается доводам рассудка. Я упивался сложившейся ситуацией, не хотел отпускать от себя Эвелин, а кроме того, думал, что окажусь полезен секретной службе не меньше, чем, вероятно, куда менее опытный агент, которого они прислали. Поэтому я решил занять его место.

— И ты не знаешь, что означает слово «единорог»? — спросил я.

— Нет, и хочу услышать от тебя.

— Ну... дело в том, Эвелин, что я тоже этого не знаю.

Она уставилась на меня:

— Но где ты получил свои инструкции?

— От самого Г. М. А ты его знаешь?

Конечно, Г. М. слишком ленив, чтобы отправиться во Францию и разоблачить меня. Но теперь мне стало не по себе, и я проклинал себя за то, что ввязался в эту историю. Это была нечестная игра. Но, опять же повинуюсь свойствам человеческой природы, я утешал себя тем, что вскоре скажу ей правду.

— Очевидно, мы должны сравнить нашу информацию. Тебе известно хоть что-нибудь еще?

— Ничего, кроме того, что ты видел в газетах, — Фламанд говорит, что собирается лететь тем же самолетом.

— Фламанд! — воскликнул я и обжег пальцы спичкой.

— Да. Держу пари, Кен, что это беспокоило наше начальство еще до его угрозы. Вот что делает ситуацию такой опасной. Признаюсь, что мне страшно, но я чувствую себя лучше, зная, что ты рядом. — Эвелин откинула прядь темных волос и улыбнулась, но ее глаза оставались беспокойными. — О, я знаю, что Фламанд склонен к театральности и саморекламе, но, к сожалению, он всегда делает то, о чем предупреждает. Говорят, что Гаске на сей раз его прищучит. Но я в этом сомневаюсь.

— Послушай, — спросил я, на миг ослабив бдительность, — кто такие Фламанд и Гаске? Честное слово, о них не упоминалось в моих инструкциях. Я не шучу. Кто этот Фламанд?

Эвелин скорчила гримасу:

— По крайней мере, ты должен был читать газеты. Фламанд — самый колоритный преступник в современной Франции. А здесь любят колоритных преступников и хвастаются ими, даже отправляя их на гильотину. Эта дуэль обсуждается, как футбольный матч в Англии.

— Дуэль?

— Между супермошенником Фламандом и Гаске — старшим инспектором Сюрте.^[10] Не смейся, Кен. Такое не могло случиться в Англии, но происходит здесь. Это дико, фантастично, но это правда. — Серьезное лицо Эвелин обуздало мое веселье. — Никто не знает, как выглядит Фламанд. Но, за исключением самых близких ему людей, никто не знает и как выглядит Гаске — это его главный козырь. Ни один из них не является профессиональным лингвистом, но каждый безукоризненно владеет тремя языками — французским, английским и немецким. Каждый может выдать себя, например, за англичанина или американца и обмануть тебя или меня. К тому же оба настоящие хамелеоны, способные играть любую роль. Я не имею в виду парики, фальшивые бакенбарды и тому подобное. Но поскольку никто никогда не видел Фламанд достаточно долго, чтобы запомнить его лицо, ему ничто не мешает выдать себя за врача или адвоката...

— Или архиепископа, или балерину.

Эвелин сердито посмотрела на меня:

— Не говори так, Кен, пока не увидишь его досье. Прочитав его, ты вряд ли станешь шутить. А к твоим словам я отношусь вполне серьезно. Да, он может выдать себя за архиепископа, хотя едва ли за балерину. Понимаешь, хотя никто не помнит, как выглядит Фламанд, известно, что он довольно высокого роста и у него тягучий голос... — Она открыла сумочку и достала записную книжку. — Взгляни на это, и у тебя пропадет охота к шуткам.

Ее слова невольно произвели на меня впечатление.

— Послушай, Эвелин, даже выдающиеся мастера маскировки не могут одурачить человека достаточно опытного. Но ты говоришь, что этот человек — убийца...

— Я так не говорила, Кен. Но ведь ты меня не опровергаешь? Значит, ты читал статью в утренней газете об убийстве в Марселе? Вскоре Фламанд заявит права на него. Я знаю, что именно он совершил это преступление, хотя ничто не связывает его с ним.

Впервые он был вынужден убить человека. Фламанд... — Она оборвала фразу и уставилась на меня. — Но почему ты использовал слово «убийца», Кен? До вчерашнего дня Фламанд никого не убивал. И в этом преступлении его не подозревают. Кто сказал тебе, что он убийца?

— Полицейский, — ответил я и тут же умолк.

Куда делся этот полицейский с моим паспортом?

Аннотация

Четырнадцатилетний Джерри Рено всего-то и сделал, что отказался продавать шоколадные конфеты, которыми по традиции торговали все ученики школы. Но с этого началась настоящая война. Война, в которую втянулись преподаватели, ученики и тайное школьное общество Стражей. Как обычные подростки превращаются в толпу и до чего могут дойти в травле белой вороны? Где находится грань между бездействием и соучастием в жестокости?

Чем закончится шоколадная война и удастся ли Джерри отстоять себя и свой выбор? Роман Роберта Кормье (1925–2000), впервые опубликованный в 1974 году, был восторженно принят критикой. Его сравнивали с «Повелителем мух» Уильяма Голдинга. В Соединенных Штатах книга вызвала бурные дискуссии и, несмотря на сопротивление части учителей, была включена в школьную программу. В 1988 году роман экранизировали.

Роберт Кормье

Шоколадная война

Глава 5

ХОЗЯИН СТРАННОГО ЗАМКА

Большая дверь захлопнулась за нами. Я восстановил равновесие, чувствуя себя пробудившимся в комфортабельной комнате после дурного сна. Мы находились в каменном коридоре с высоким потолком и колоннами по обеим сторонам, напоминавшем неф маленького собора и оканчивающемся лестницей в дальнем конце. Камень почернел от сырости, но пол между колоннами покрывала чистая красная ковровая дорожка. Каждая вторая колонна была снабжена железными консолями для электрических ламп.

— Он ожидает нас? — переспросил Рэмсен. — А, понимаю! Вы имеете в виду, что видели, как мы подходим к замку?

— Нет, месье, — вежливо ответил крупный мужчина в поношенном вечернем костюме, с пышными усами и покрытыми бриллиантином волосами. — Я имею в виду, что монсеньор ожидает вас со вчерашнего дня.

— Господи! — воскликнул человек в щегольском кепи и посмотрел на женщину, все еще цепляющуюся за его руку. — Вы хотите сказать...

— Что говорит этот тип? — осведомился толстяк по фамилии Хейуорд. — Я смог понять только пару слов. Вроде бы нас ожидают?

— Вот именно, — произнес по-английски новый голос. — Позвольте мне объясниться.

Я не заметил, как в коридор спустился хозяин дома, который, заложив руки за спину и глядя на нас с вежливым интересом, направлялся к нам по красному ковру между наклонными тенями от колонн.

Это был худощавый мужчина лет шестидесяти с лишним, чью ковыляющую походку компенсировали легкость осанки и искорки юмора в блестящих темных глазах под набрякшими веками, с морщинками вокруг них и на лбу, словно от привычки поднимать брови. Волосы и подстриженная по-военному бородка начинали седеть, но усы под костлявым носом оставались черными. На нем были халат, белый галстук и черная ермолка. Кивнув каждому из нас,

он поднял руку, призывая к молчанию. Его английский был вполне сносным, хотя слегка педантичным.

— Не бойтесь, друзья мои. Это не ловушка, и я не Фламанд. Ха-ха! Меня зовут д'Андрье. Все, что я знаю о сложившейся ситуации, содержалось в письме, которое я имел честь получить от самого Фламанда. Э-э... кто из вас сэр Джордж Рэмсен?

Он посмотрел на Г. М., который оставался бы наиболее колоритной фигурой в нашей группе даже без мокрого носового платка, прилипшего к лысине. Рэмсен, шаривший глазами по коридору, почти виновато вздрогнул.

— Это я, — ответил он. — Прошу прощения, сэр, но откуда вам все это известно?

— Письмо все объяснит. Вы переведете его вслух?

Рэмсен взял лист бумаги, который протянул ему хозяин дома, пробежал его глазами и поднял рыжеватые брови к мокрым полям шляпы.

— В жизни не видел подобной наглости! Слушайте!

«Монсеньор!»

Имя месье графа д'Андрье всегда было известно мне как принадлежащее человеку, в прошлом обожавшему охоту. Если она все еще его интересует, могу предложить месье графу увлекательнейшее занятие — охоту на единорога.

Позвольте объяснить. Этим вечером я узнал, что на завтрашний вечерний авиарейс из Марсея в Париж зарезервировано место для некоего сэра Джорджа Рэмсена — англичанина, чье доброе сердце я высоко ценю, но при упоминании об интеллекте которого невольно начинаю смеяться...»

— Как видите, — поспешно вставил наш хозяин, — письмо отправлено вчера вечером из Марсея.

— «Невольно начинаю смеяться...» — повторил Г. М. — Угу. Продолжайте, Рэмсен. Что там дальше?

«Меня интересуют сэр Джордж Рэмсен и то, что он везет с собой. Поэтому я зарезервировал место на том же самолете.

Я много думал о месте для посадки и в конце концов выбрал изолированный район около Вашего знаменитого замка. В должное время я приму меры, чтобы обеспечить вынужденную посадку. Так как на солидном расстоянии от этого места больше нет ни одного дома, мы, вероятно, нанесем Вам визит. Здесь у меня будет время для работы, хотя много времени мне никогда не требуется. Могу я попросить Вас приготовить легкую закуску для пассажиров? К сожалению, даже я не могу сообщить Вам точное время нашего прибытия, а в данный момент и количество пассажиров. Но холодных закусок будет достаточно, и я едва ли оскорблю месье графа, добавив, что полагаюсь на его хороший вкус в выборе не слишком сладкого шампанского...»

Рэмсен издал звук, как человек, получивший удар в живот.

— Что касается шампанского, — сказал д'Андрье, — могу предложить вам «Рёдерер» 1921 года. Надеюсь, это вас удовлетворит?

— Еще бы! — с одобрением отозвался толстяк Хейурд. Все повернулись к нему. Его широкая физиономия покраснела, и он вцепился в переносье роговых очков, словно поправляя их. — Я только имел в виду... Ну, вы понимаете. Продолжайте, Рэмсен.

«Об одном, месье, я глубоко сожалею. Среди пассажиров самолета, безусловно не блещущих умом, вероятно, окажется настолько тупой, что я бы не стал навязывать его Вам, если бы не был почти готов убить его. Это субъект низкого происхождения, именующий себя Гаске. В данный момент я не могу информировать Вас, к какой неуклюжей маскировке он прибегнет на сей раз. Но Вы легко узнаете его, месье, по возмутительного

размера ушам, близко посаженным глазам и носу, который на расстоянии двадцати шагов почти неотличим от помидора...»

Молодой человек в щегольском кепи — очевидно, американец — начал смеяться. Он снял кепи, и все посмотрели на него. Привлекательное лицо с карими глазами, широким носом и таким же широким добродушным ртом свидетельствовало скорее о богатом воображении, нежели об остром уме. Светлые волосы прилипли ко лбу. Нисколько не смущенный устремленными на него взглядами, он задумчиво почесывал нос. Женщина или девушка рядом с ним казалась обеспокоенной. Насколько я мог судить, она не была ни американкой, ни англичанкой, ни француженкой — скорее немкой или австрийкой, вероятнее всего из Вены. Она была маленького роста, с высокой грудью, почти прозрачной кожей и чисто венским темно-красным ртом. Ярко-голубые глаза и темные волосы придавали ей особое очарование. На ней были голубой берет и открытая кожаная куртка, какую носят автомобилисты, под которой угадывалась весьма соблазнительная фигурка. Я заметил, что покрытая грязью Эвелин смотрит на нее неодобрительно. Когда ее спутник засмеялся, она упрекнула его по-немецки.

— Ладно, Эльза, — усмехнулся он. — Могу добавить, что хотел бы взглянуть на ответ, написанный Гаске.

Глаза нашего хозяина блеснули.

— Можете это сделать, сэр, если пожелаете.

— Вы имеете в виду, что получили письмо и от Гаске?

— Оно пришло сегодня после полудня. Я нахожу обоих необычайно забавной парой... э-э... — он щелкнул пальцами, — микоберов.^[22] Но я забыл о хороших манерах. Дамы, должно быть, испытывают неудобства. Пожалуйста, простите старого ветерана. — Он поклонился им. В ответ на приветствие Эвелин коснулась рукой головы, а женщина по имени Эльза присела в реверансе. — Я редко принимаю гостей, — продолжал д'Андрье, — но вы найдете требуемые месье Фламандом «легкие закуски» приготовленными для вас. Если хотите принять ванну и переодеться, мой дом в вашем распоряжении. Мои слуги могут принести ваш багаж...

Рэмсен уставился на него:

— Вы хотите сказать, что выполнили указания автора письма?

— Конечно. Он пообещал мне интересное развлечение.

— И вы даже не сообщили об этом полиции?

Д'Андрье нахмурился:

— Разумеется, нет, если не считать дозволенного в последних абзацах. Вы не дочитали письмо? Позвольте мне. — Он взял письмо у Рэмсдена.

«Хотя я предпочел бы, чтобы Вы не связывались с местной полицией, я достаточно знаком с их интеллектом, чтобы не предвидеть серьезных осложнений. Но я не возражаю, чтобы Вы, если хотите, связались с Гаске. Напротив, я хочу, чтобы он заранее получил известия о своем грядущем поражении. Чтобы сделать охоту более возбуждающей, можете написать ему в марсельское или парижское отделение Сюрте. Этим вечером я напишу в газеты, сообщая, что буду на борту завтрашнего самолета. Он прочитает это. Но в качестве личной информации можете передать ему все, что я сообщил Вам.

Напишите следующее: «Завтра великий Фламанд будет в самолете с сэром Джорджем Рэмсденом. Он обеспечит вынужденную посадку около Шато де Л'Иль неподалеку от Орлеана, украдет единорога, убьет любого недоумка, вставшего у него на пути, и исчезнет, как всегда. Вы знаете, когда и где он нанесет удар. Попробуйте остановить его, если сможете.

Фламанд

».

— Ура! — вскричал молодой блондин. — Это заставит публику вскочить с мест. Кстати, что такое «единорог»?

— Все это шепуха, — произнесла Эльза с немецким акцентом.

— Конечно, он самодовольный негодяй, — задумчиво промолвила Эвелин, — но я бы хотела с ним повстречаться.

Хейуорд прочистил горло.

— Друзья мои, будем рассуждать здраво! У этого типа достаточно наглости, — в его глазах блеснуло невольное восхищение, — но ваш Фламанд не волшебник. Как он мог заранее указать точное место, где самолет совершит вынужденную посадку? Если не... — Он оборвал фразу и пригладил седые волосы. — Ну конечно, джентльмены! Нам следовало об этом догадаться. Фламанд подкупил пилота. Такую грязную работу мог проделать кто угодно, и я выхожу из себя при мысли, что нас задержало...

— Тем не менее я в этом сомневаюсь, — сказал Г. М.

Все замолчали, сами не зная почему. Г. М. вытер лысину, протер очки и прислонился к колонне, почесывая цилиндром подбородок. В уголке его рта торчала старая черная трубка.

— Сомневаюсь, ребята, — повторил он. — Во-первых, в таком случае второй пилот и, вероятно, стюард были бы соучастниками. Разве одинокий волк вроде Фламанда действует подобным образом? Одного вида этих парней достаточно, чтобы понять весь риск такой затеи.

— Значит, вы и ваши друзья, сэр, не были на борту самолета? — спросил д'Андрье, посмотрев на Эвелин и меня.

— Нет. Наш автомобиль попал в аварию. Хмф! Во-вторых, я припоминаю экипаж этого самолета — мне приходилось летать с ними раньше, и я не верю, что их можно подкупить. Пилота зовут Жан Морель — он крепкий парень родом с юга и выше всяких подозрений...

— Знаю, — кивнул Рэмсен. — Они говорили, что их прикомандировали к нам. Но это только все усложняет. Хейуорд прав. Как может кто-то заставить самолет приземлиться в точно намеченном им месте? Как мог Фламанд рассчитывать сделать это в качестве пассажира?

Глаза д'Андрье блеснули под отеками веками. Он явно наслаждался происходящим.

— А как, сэр, он похитил Рембрандта из комнаты-сейфа Гроссенмарта в Берлине? Или сапфиры мадам де Монфор на президентском балу? Теперь сэр Джордж может понять причину, по

которой я выполнил все требования месье Фламанды, когда он почтил меня своим доверием.

Рэмсден продемонстрировал ту сторону своей натуры, которая обеспечивала ему популярность в других странах. Внезапно он хлопнул себя шляпой по ноге и усмехнулся:

— В жизни не слышал ничего более спортивного! Сэр, мы будем счастливы воспользоваться вашим гостеприимством. Позволим Фламанду действовать. Если он слышит меня, на что я надеюсь, то оценит, что я предлагаю честную игру.

— Невзирая на то, что это чревато большой опасностью для вас?

— К черту опасность! Я готов рискнуть — мне доводилось рисковать куда сильнее. — Кирпично-красное лицо Рэмсдена буквально сияло. — К тому же здесь присутствует кое-кто, способный испортить Фламанду игру гораздо больше, чем Гаске. Я имею в виду этого парня. — Он указал на Г. М. — Не знаю, откуда он взялся, но он здесь, так что великому Фламанду лучше быть поосторожнее. Кстати, позвольте представить. Это сэр Генри Мерривейл. И... ах да, леди. Это мисс Чейн, а это... — он повернулся к Эльзе, — мисс... миссис...

— Миддлтон, — подсказал ее спутник, гордо расправив плечи и улыбаясь Эльзе, которая улыбнулась в ответ. — Миссис Миддлтон — моя жена.

— И мистер Миддлтон, — продолжал Рэмсден, потом подтолкнул вперед толстяка. — Это мистер Эрнест Хейуорд. Мы разговорились в автобусе по пути к самолету. Он был в Вашингтоне одновременно со мной более двадцати лет тому назад — во время первой администрации Вильсона. Думаю, Кен тоже был там тогда. — Он посмотрел на меня: — И наконец, мой друг мистер Блейк, который выглядит так, словно ему не помешало бы умыться.

Д'Андрье поклонился.

— Больше пассажиров в самолете не было?

— Подойдут еще трое. Я не знаю никого из них. Хотя погодите! Кажется, высокий тощий парень представился мне как парижский корреспондент лондонской «Рекорд». А теперь, сэр, если вы попросите ваших слуг принести наш багаж... Между прочим, Г. М., где ваша машина?

Слово «багаж» напомнило мне кое о чем. К этому времени Драммонд и двое других мстителей (если Провидение не послало их в

другом направлении) должны были добраться до наших увязших автомобилей. Я мог себе представить, что они сказали Марселю. Следующим их шагом будет посещение замка. Если не принять меры, все трое изгоев будут схвачены — включая Г. М. Как ему указали в Уайтхолле, у него не было никаких полномочий. Если он попадет в передрагу, Уайтхолл будет только злорадствовать.

При этой мысли моя душа ушла в пятки.

— Месье д'Андрье, — заговорил я, прежде чем Г. М. успел ответить, — наши машины находятся у реки возле пристани. Но прежде чем вы приютите нас, будет честно предупредить вас, что нас преследует полиция.

Последовала пауза.

— В какую уважаемую компанию мы попали! — проворчал Хейуорд. — И что же вы натворили, молодой человек?

— Напал на полицейских. Уверяю вас, это было недоразумение. Сэр Джордж может поручиться за нашу... уважаемость. Когда они попытались остановить нашу машину, мы подумали, что это грабители, поэтому я атаковал того, кто выглядел вожаком. А потом, когда мы поехали дальше, появился сэр Генри и тоже напал на них. У нас не было дурных намерений, но они, должно быть, уверены, что все мы опасные преступники...

Д'Андрье смотрел на меня с явным интересом.

— Я знаком с неукротимым духом британцев, мистер Блейк, — заверил он меня, сочувственно цокая языком, — и полностью к вашим услугам. Что я могу для вас сделать?

— Конечно, вы понимаете, сэр, — продолжал я, бросая наживку, которая должна была привлечь эту форель, — что мы не возражаем против ареста, так как легко можем все объяснить. Но наверняка, с вашей точки зрения, присутствие в доме полиции испортит охоту. Фламанд возражает против этого, а вы следуете его указаниям. Поэтому, если полицейские придут сюда, и вы скажете им, что не видели нас...

— Огюст! — резко окликнул наш хозяин.

Появился мажордом с пышными усами и по-военному отсалютовал д'Андрье, чья маленькая фигурка застыла, как на парадном плацу.

— Пожалуйста, опишите нам этого «вожака», мистер Блейк.

Я описал агента разведки его величества, Харви Драммонда, сказав, что он детектив в штатском, сопровождаемый двумя полицейскими. Исподтишка поглядывая на Г. М., посасывающего пустую трубку, я увидел, как на его деревянном лице мелькнуло удовлетворение, и это выглядело ободряюще.

— Вы слышали, Огюст? — осведомился д'Андрье.

— Oui, mon colonel.^[23]

— Если этот человек придет сюда и попытается причинить неприятности, вы ничего не знаете. Если он будет настаивать, вероятно, лучше бросить его в реку.

Челюсть Хейурда слегка отвисла. Моя, выражаясь фигурально, тоже.

— Вы великолепный хозяин, месье д'Андрье, — сказал я. — Но незачем заходить так далеко. Кроме того, должен предупредить вас, что этот человек весьма крут...

Маленький человечек в ермолке мечтательно возвел глаза к потолку:

— Когда много лет назад я имел честь служить республике в качестве полковника спаги,^[24] мне не раз приходилось сталкиваться с людьми, которых вы именуете «крутыми». Современная их разновидность меня не впечатляет. В наши дни появилась тенденция полагать, будто «крутость» в основном состоит из дурных манер. Думаю, это ошибка, и я отнюдь не уверен, что грубость лексикона прямо пропорциональна мужеству. Что касается Огюста, не беспокойтесь. Прежде чем стать моим ординарцем, а позднее слугой, он был чемпионом в тяжелом весе среди боксеров Французского иностранного легиона... Вы все поняли, Огюст?

— Да, мой полковник.

— Тогда, друзья мои, если вы проследуете к камину в библиотеке...

Послышался резкий стук дверного молотка, и мы повернулись. Огюст расправил плечи и пошел открывать. На пороге стоял чопорный француз, которого я принял за врача или юриста. У него были чисто выбритое лицо с резкими чертами и тяжелым подбородком и маленькие очки, сквозь которые он разглядывал нас из-под полей черной шляпы. Под мышкой он держал портфель, барабания по нему другой рукой.

— Я принес плохие известия, месье, — обратился человек к Рэмсдену, говоря с типично средиземноморским акцентом. — Пилот сообщил мне, что наш самолет невозможно отремонтировать быстро и что этой ночью нам не удастся продолжить полет.

Глава 6

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПАССАЖИР

Наш хозяин повел нас по коридору. Электрические лампы, прикрепленные к колоннам, только усиливали мрачность пустого помещения — тени в углах казались шевелящимися. Я нервно озирался, потом с усилием взял себя в руки. Д'Андрье открыл дверь слева, и мы очутились в просторной комнате с огромным камином, где весело потрескивал огонь. Это была гостиная, наполненная запахами кофе, портьер и политуры, которые присутствуют почти во всех французских гостиных, и обставленная белой с позолотой мебелью в стиле ампир. Но, по контрасту с аккуратным обликом хозяина, она выглядела неухоженной и почерневшей от сырости, как будто годами оставалась запертой. Очевидно, д'Андрье бывал здесь нечасто. Комнату освещали бра в стеклянных абажурах с хрустальными подвесками, а под окнами шумела река. Неуместным предметом казалась только голова суматранского леопарда над камином.

Огюст забрал промокшую верхнюю одежду у всех, кроме пришедшего последним, который чопорно стоял у камина, облаченный во все черное.

— Благодарю месье за любезный прием, — обратился он к нашему хозяину, — но ситуация просто невозможная. — Он говорил отрывистым голосом, постукивая пальцами по портфелю и расправляя плечи. — Пилот утверждает, что мы не сможем вылететь до завтра...

Вмешался Г. М. Зная его страсть к сленгу и крепким выражениям, я испытал облегчение, услышав сравнительно корректный французский.

— А радиотелефон? Как насчет его? У пилота должен быть радиотелефон. Пусть он сообщит о происшедшем в Париж, и за вами пришлют машину из Шартра или Орлеана.

— Он мог бы это сделать, месье, если бы какой-то негодяй не разбил радиотелефон. Я сам видел обломки.

Глаза д'Андрье блеснули вновь.

— Какая жалость! Но вы не должны меня оскорблять. А я буду глубоко оскорблен, друзья мои, если вы откажетесь провести ночь под

моим кровом. Огюст! Вы знаете, что делать.

— Я снова благодарю месье за любезность, но это невозможно, — отозвался мужчина в очках. — Мне нужно быть в Париже рано утром. Я доктор Эбер — полицейский врач департамента Буш-дю-Рон из Марселя. — Он произнес это несколько напыщенно. — Я еду в Париж по официальному делу, и задержка была бы весьма некстати. Но едва ли необходимо проводить здесь ночь. У вас есть телефон?

— К сожалению, нет. Я не люблю телефоны и не нуждаюсь в них. Кроме того, было бы нелегко протянуть кабель так далеко через...

— Но ведь у вас имеется электричество.

— Да, месье доктор. Я всего лишь сказал, что у нас нет телефона. — Голос д'Андрье звучал учтиво, но взгляд стал суровым. — Ток подает моя собственная динамо-машина в подвале.

— А автомобиль у вас имеется?

— Нет. Понимаете, я отшельник. Провизию мне доставляют дважды в неделю на телеге из Орлеана. В тех редких случаях, когда я покидаю дом, я езжу верхом. — Он задумался. — В моей конюшне на... на Большой земле есть несколько хороших лошадей. Вы наездник, месье? Я предпочел бы не выпускать Грома или Трефовую Даму при такой погоде, но если вы настаиваете...

— Я не езжу верхом, — прервал Эбер. Тем не менее он оживился, повернулся к нам и заговорил по-английски, иногда запинаясь: — Кто-нибудь из вас, джентльмены, умеет обращаться с лошадьё? Пусть он отправится в ближайшую деревню и приведет автомобиль.

— Я умею, — признался Миддлтон, — но будь я проклят, если сделаю это. Существует ли реальная причина, доктор, для скачки в духе Пола Ривира?^[25] У нас чудесный хозяин и великолепный дом. К чему рыпаться? Кроме того, я хочу посмотреть, что произойдет. Верно, Эльза?

Даже Хейуорд одобрительно кивнул. Он сидел на стуле в углу, расставив колени, и, если бы не очки и короткий серебристый «помпадур» на голове, выглядел бы точь-в-точь как дворецкий из салонной комедии. При этом в нем ощущались достоинство и твердость. На нем были мешковатый костюм горчичного цвета, голубой галстук и такой же расцветки носки. Каждый раз, когда он улыбался, уголки его рта приподнимались, как края полумесяца, а глаза прищуривались.

— Я не верю в эту чушь, — заговорил он приятным голосом, разминая в пальцах сигару. — Повторяю, Рэмсен, кто-то вас разыгрывает. Я ожидаю встретить здесь этого мошенника не больше, чем... ну, скажем, единорога. Но, как сказал мистер Миддлтон, к чему рыпаться? У нас превосходный хозяин, веселая компания и «Рёдерер» 1921 года. Так что, друзья мои, я вполне удовлетворен. — Он вставил в рот сигару. — Почему, доктор Эбер, вы так стремитесь уехать?

— Я мог бы спросить, — вежливо отозвался Эбер, — почему вы так стремитесь остаться, но не стану этого делать. Zut!^[26] — неожиданно рявкнул он. — Вам известно, что знаменитый преступник угрожал лететь с нами в самолете. Вчера вечером об этом сообщили все марсельские газеты.

— Нам известно и побольше этого, — проворчал Рэмсен. — Покажите ему письмо, месье д'Андрье.

Доктор прочитал письмо, и его лицо пожелтело.

— И никто из вас ничего не предпринял? Вы что, с ума сошли? Неужели вы даже не вызвали полицию?

Хейуорд пошевелился на стуле.

— Не будем начинать все заново. Напротив, доктор, если кто-то из полицейских здесь появится, дворецкому приказано вышвырнуть его пинком пониже спины. Теперь все довольны?

Молодой Миддлтон, раскачиваясь на каблуках, что-то бормотал по-немецки озадаченной Эльзе и выглядел почти таким же довольным, как д'Андрье.

— Попробую выдвинуть несколько догадок, — сказал он. — Для начала заявляю, что мистер Хейуорд — это Гаске.

— Что? — воскликнул Рэмсен, повернувшись к нему. — Почему?

— Потому что я пишу детективы, — откровенно признался Миддлтон. — Они не слишком известны и, вероятно, не слишком хороши. Но я повторяю, что он должен быть Гаске.

Хейуорд усмехнулся, выглядев польщенным.

— Ну, я мог бы им быть, — согласился он. — Хотя в самолете был один странный тип, на которого я положил глаз, — кстати, он до сих пор не появился. Продолжайте, дружок.

— Мы здесь играем не только в обычную игру «Найдите преступника», — Миддлтон возбужденно постукивал пальцем по

ладони, — но и в игру «Найдите сыщика». Так кто же из нас преступник, а кто сыщик? Взять, к примеру, мистера Хейуорда. Он никак не может быть Фламандом...

— Интересно, почему? — осведомился Хейуорд обиженным тоном.

— Потому что это было бы слишком просто. В личности его типа люди сразу бы заподозрили преступника. Я объясню вам, что имею в виду. — Миддлтон говорил как фокусник, просящий кого-то снять карту. — Например, священника достаточно легко сделать убийцей — это может прийти в голову каждому. А попробуйте сделать его детективом!

— Оуэн, я не шелаю, чтобы ты говорить против церковь! — сказала прекрасная Эльза. — Это не есть хорошо. Если мы останемся здесь, я бы хотела принять ванну, пошалуйста.

Два лакея под руководством Огюста внесли в коридор багаж. Эльза и Эвелин отправились переодеваться. Эбер, греющий руки у огня, повернулся к остальным.

— Полагаю, вы думаете, что это шутка, — заговорил он так тихо, что мы все уставились на него. — Я тоже умею шутить. Но не над этим. Понимаете, мне известно кое-что, о чем не знаете вы.

— Что именно? — спросил д'Андрье.

— Что Фламанд действительно убийца, — ответил доктор. — Потому я и еду в Париж. Прошлой ночью он убил человека в Марселе.

— А почему, — спокойно осведомился д'Андрье, — вы должны ехать в Париж из-за того, что человека убили в Марселе?

— Из-за того, как было совершено убийство. — Эбер постучал двумя пальцами по портфелю. — Я не могу это объяснить. Возможно, это удастся сделать в Париже, но я этому не верю. Все дело в ране на голове жертвы. — Он перешел на французский и заговорил быстрее, обшаривая нас глазами. — Скажу откровенно: я не понимаю, каким образом подобная рана могла быть нанесена человеком. Я не фантазирую, господа, но мне кажется, ее мог нанести только длинный острый рог животного.

Впервые в комнату с позолоченной мебелью начал прокрадываться ужас. Он не только звучал в словах желтолицего человека в черном костюме, стоящего у камина, но и ощущался сам по себе, как физическое лицо. За окнами бурлила река. Рэмсен с его

брюшком, рыжими волосами и мешковатым твидовым костюмом казался наименее впечатленным. Он даже усмехался, но за его усмешкой скрывалось подозрение.

— Несомненно, единорога? — спросил он вежливым голосом, не похожим на его обычный лай.

— Не думаю, — серьезно ответил Эбер. — Поймите, я только констатирую факт.

— Наконец-то мы добрались до единорога, — пробормотал д'Андрье. — Это озадачивает меня больше всего. Конечно, я не стану задавать очевидный вопрос, что такое «единорог»...

— Нет-нет, — сказал Рэмсен. — Пусть Фламанд сам это выясняет.

Все еще мрачно улыбаясь, он достал из кармана револьвер «браунинг», повернул коротким указательным пальцем барабан и снова спрятал.

— Начинаю интересоваться, не заманили ли меня в ловушку мои спортивные инстинкты. Тем не менее, я готов продолжать игру.

Лакей принес поднос с аперитивами и двумя серебряными портсигарами.

— Мы прервали вас, доктор Эбер, — заговорил по-английски д'Андрье. — Вернемся к человеку, которого убили в Марселе. Меня это заинтересовало... Виргинские в этом портсигаре, мистер Миддлтон, а турецкие в другом... Особенно из-за легенды.

— Легенды? — переспросил Рэмсен.

— Мне следовало сказать — из-за суеверия. В отличие от большинства моих соотечественников я немного попутешествовал и знаю страну, где распространено одно неприятное суеверие. Там считают, что быть пронзенным рогом единорога — судьба предателя.

Я медленно окинул группу взглядом. Хейуорд вынул изо рта сигару и выпрямился. На лице Миддлттона возбуждение боролось с сомнением — казалось, ему хочется верить в происходящее, но он считает это шуткой. Эбер презрительно отмахнулся. Наш хозяин рассматривал бокал на просвет, а Рэмсен поднес свой бокал к губам. Старый Г. М., который расположился на диване в стиле ампира и не произнес ни слова с тех пор, как мы вошли в комнату, оставался бесстрастным, как играющий в покер Будда. Бурное течение Луары заставляло позвякивать хрустальные подвески на стене.

Внезапно Рэмсден поставил бокал и обернулся.

— Вам лучше взять дело в свои руки, Мерривейл, — сказал он. — Этот парень знает слишком много.

— Угу. Начинаю думать, сынок, что мне пора этим заняться. — Г. М. посмотрел на Эбера и ткнул в его сторону черенком трубки. — Пока я слушал вас, док, мне пришло в голову, что вы делаете очень странные выводы. «Фламанд убийца», — заявили вы. «Почему?» — спросили мы. «Потому что жертва умерла от раны, которая не могла быть нанесена человеком, а только рогом животного». Тогда почему вы приписываете это Фламанду?

Доктор колебался.

— Тут нет особого секрета. Существует публикация в газетах. Возможно, вы читали? Я спрашиваю потому, что это может оказаться интересным. Убитый был англичанином.

В голове у меня мелькнуло имя из газетной статьи: «...месье Гилберт Драммонд, лондонский адвокат. Брата месье Драммонда, также проживающего в Лондоне, уведомили о печальном событии». Драммонд... Брат... Брат Харви?

— Его звали Гилберт Драммонд, Г. М., — вмешался я. — Не был ли он родственником...

— Всего лишь братом, — ответил Г. М. после паузы. Опустив голову, он ерошил несколько оставшихся на висках волосков. — Не удивляюсь, Кен, что одно знакомое нам лицо очень расстроено.

— Что все это значит? — довольно резко осведомился наш хозяин.

— О, всего лишь маленькое личное дело. Давайте продолжим...

— Значит, вы знали месье Гилберта Драммонда? — вмешался Эбер, блеснув стеклами очков. — Думаю, сэр, мы слишком торопимся. Вам не кажется странным, что человек, знавший месье Драммонда, так удачно появляется из темноты, когда наш самолет приземлился?

— По-вашему, я Фламанд? — добродушно отозвался Г. М. — Хо-хо-хо! Впрочем, у меня нет возражений. Я только терпеливо прошу объяснить мою вину. Почему вы утверждаете, что это убийство совершил Фламанд, когда сами сказали, что его могло совершить только животное?

Эбер скрестил руки на груди.

— Потому что, друг мой, существует одна деталь, которая не попала в прессу. Отчет гласил, что жертва перед смертью повторяла одно слово — «единорог». Это неправда. Гилберт Драммонд произнес еще три слова по-французски, прежде чем умереть в машине скорой помощи. Когда его спросили, кто на него напал, он четко произнес: «Это был Фламанд». — «Вы имеете в виду знаменитого преступника?» Он кивнул и... — Эбер сделал выразительный жест, — покинул этот мир. Было чудо, что он прожил даже минуту.

Доктор кратко изложил содержание газетного отчета. Он описал человека, сидящего прислонившись к фонарному столбу в парке возле Променад дю Прадо, в рваной одежде, со сломанной правой рукой и синеватой дыркой между глазами.

— Я осмотрел его. Пулевое отверстие? Нет, нет, нет! — горячо воскликнул Эбер. — Я хорошо знаю пулевые отверстия. Во-первых, оно было слишком большим для пули любого калибра. Настолько большим, что такая пуля попросту разнесла бы ему затылок. Во-вторых, я не нашел пулю в ране. В-третьих, я обнаружил доказательство (избавлю вас от неприятных подробностей), что после проникновения из раны что-то извлекли. Какое-то чистое острие вонзилось в голову ровно на шесть дюймов.

— Господи! — воскликнул Хейуорд, приподнявшись со стула.

Наш хозяин ничего не сказал. Но его глаза блестели, а сморщенное лицо выпятилось вперед, словно он прислушивался к военной музыке.

— Во что же я втянул Эльзу? — заговорил Миддлтон. — Не возражаете сообщить нам, в какой степени все это на уровне?

— Что бы вы под этим ни подразумевали, сэр, это правда. — Презрительно пожав плечами, Эбер повернулся к Г. М.: — Поскольку с другой стороны парка находилась мясная лавка, доктор Мелисс предположил, что это был топор с острием.

Я заметил, что Рэмсенд посматривает в углы комнаты.

— Топор с острием? — переспросил он. — Вы имеете в виду средневековое оружие вроде алебарды? Знаете, Ричард Львиное Сердце и так далее... В общественном парке? Чушь!

— Очевидно, сэр Джордж говорит о боевом топоре, — задумчиво промолвил д'Андре. — Это почти то же самое. Край топора использовали как рубящее оружие, но на противоположном конце

находилось железное острие, которое применяли в ближнем бою. Должен согласиться, что это чушь. Можете вообразить Фламандца рыщущим в поисках жертвы с боевым топором на плече? Это не только непрактично, а почти комично.

— Это было не комично, а ужасно, — тихо сказал Эбер.

Пауза казалась невыносимой...

— Я собирался добавить, — снова заговорил доктор, — что ни о каком топоре с острием не может быть речи. Рана была слишком большой и глубокой, а оружие с весом топора попросту раздробило бы череп. К тому же рана была чистой.

— Итак, — подытожил Г. М., — мы можем считать установленным, что убийство не было совершено топором или чем-то вроде него?

— Можем, сэра Генри, — послышался голос в дверях. — Я видел тело.

Г. М. вскочил и выругался. Вновь прибывший направился к камину, и я узнал в нем высокого худого мужчину, который остался у самолета. Несмотря на рост, сутулые плечи придавали ему вид смотрящего на вас снизу вверх. У него были курчавые черные волосы, разделенные прямым пробором, длинное лицо с крючковатым носом и смысленные глаза под сросшимися черными бровями. Поскольку мои мысли все еще вращались вокруг боевых топоров, мне пришло в голову, что он выглядит как нормандский злодей в средневековой истории.

— Простите мне внезапное вторжение, сэра, — заговорил незнакомец с кембриджским акцентом. — Какое-то время я стоял снаружи и слышал конец вашего разговора. Понимаете, меня интересовало, что привело сюда великого Г. М. — Он произнес это так почтительно, что лицо Г. М. приняло выражение удовлетворенности. — Несомненно, какие-то серьезные цели. Даже если вы не знаете меня, я знаю вас в лицо. — Незнакомец с таким же почтением повернулся к д'Андре: — Я говорил с Огюстом, месье граф, и он все мне рассказал. С вашей стороны очень любезно принять нас, а для репортера это сказочная удача! Фламанд! Меня зовут Фаулер, сэра, Керби Фаулер. Я представляю «Рекорд» во Франции.

Мистер Фаулер принадлежал к молодой школе журналистов, которая являлась на Флит-стрит^[27] как на увлекательное мероприятие.

На нем были короткий черный пиджак, полосатые брюки и рубашка с крахмальным воротничком — его обаятельная усмешка произвела впечатление на всех, кроме Хейуорда, на чьем лице было написано подозрение.

— Добро пожаловать, мистер Фаулер, — сказал д'Андрье. — Мы как раз наслаждались попыткой обнаружить среди нас Фламанды или Гаске. Э-э... вы, часом, не один из них?

— К сожалению, нет.

— Что, черт возьми, вы делали в этом самолете? — осведомился Рэмсен.

— Следовал за вами, сэр.

— Следовали за мной? Почему?

Фаулер заколебался.

— Понимаете, ходили слухи... Между прочим, сэр, как здоровье низама?

— Вот оно что! — Рэмсен усмехнулся, хотя его глаза смотрели сурово. — Очевидно, это обычный вопрос, на который должен последовать ответ? Ох уж эти щенки! Продолжайте, Мерривейл, — я не буду вмешиваться.

— Не вижу смысла продолжать, — буркнул Г. М., — пока мы не выясним, из какого количества народу нам предстоит выбирать злодея и сыщика. Все пассажиры уже здесь?

— Остался еще один, — ответил Фаулер. — Он уже идет сюда с пилотом. А вот и он! Входите, мистер... мистер...

Я слышал шаги в дверях, но смотрел на Фаулера и не обернулся.

— Драммонд, — раздался знакомый голос. — Харви Драммонд.

Глава третья

Девушка была невероятно, душераздирающе прекрасна. У него аж под ложечкой засосало. Водопад светлых волос ниспадал на ее голые плечи. С минуту он украдкой рассматривал фотографию, потом закрыл журнал и вернул его на место, на верхнюю полку. Огляделся, чтобы проверить, не заметил ли кто-нибудь. Хозяин магазина категорически запрещал читать журналы и даже вывесил табличку: «НЕ ПОКУПАЕШЬ — НЕ ЧИТАЙ». Но хозяин был чем-то занят в дальнем конце зала.

Почему он всегда чувствовал себя таким виноватым, если заглядывал в «Плейбой» и другие подобные издания? Многие ребята покупали их, приносили в школу, прятали в тетрадных обложках, даже перепродавали. Иногда он замечал их в домах у приятелей, небрежно брошенные на столик вместе с газетами. Однажды он и сам купил такой, заплатил за него дрожащими руками — доллар с четвертью, все свои карманные деньги на тот момент. А потом не знал, куда девать этот чертов журнал. Тайком притащил его домой, спрятал у себя в нижнем ящике и жутко боялся разоблачения. Потом, когда Джерри надоело носить его под рубашкой в туалет, чтобы там поспешно перелистать, когда он устал от своего обмана и от страха, что мать найдет журнал, он вынес его из дома и выбросил сквозь решетку в водосток. Раздался унылый всплеск, и Джерри окончательно распрощался со своими зря потраченными деньгами. Его обуяла тоска. Полюбят ли его когда-нибудь? Джерри преследовало страшное опасение, что он умрет раньше, чем прикоснется к девичьей груди.

Выйдя на автобусную остановку, Джерри прислонился к столбику с телефоном. Все его тело ныло, измотанное футбольными испытаниями. Вот уже третий день его нещадно мяли и трепали. Но, слава богу, Джерри все еще удерживался в списке претендентов. От нечего делать он принялся следить за компанией напротив, на городской площади. Он видел этих людей ежедневно. Они стали частью местного пейзажа, как пушка времен Гражданской войны, памятник жертвам Второй мировой, флагшток. Хиппи. Дети-цветы. Уличный народ. Бродяги. Маргиналы. У каждого было для них свое

название. Они появлялись в городе весной и оставались до октября — бродили без дела, иногда задирали прохожих, но по большей части мирно дремали где-нибудь у стенки. Его завораживал их вид, он завидовал их старой одежде, их апатичности — казалось, что им абсолютно на все наплевать. Тринити была одной из последних школ, где еще не отменили форму — сорочку и галстук. Он увидел, как из-под обвисшей шляпки одной девицы выскользнула струйка дыма. Травка? Он не знал. Да мало ли вещей, о которых он ничего не знает?

Поглощенный своими мыслями, он не заметил, как один бродяга отделился от своих товарищей и пошел через улицу, ловко уворачиваясь от автомобилей.

— Эй, чувак!

Джерри с изумлением понял, что это обращаются к нему.

— Я?

Парень остановился на мостовой по другую сторону от зеленого «фольксвагена», навалившись грудью на крышу автомобиля.

— Ты, ты.

Ему было лет девятнадцать — длинные черные волосы подметают плечи, тонкие усы вялой черной змейкой улеглись вдоль верхней губы, свисая кончиками до подбородка.

— Чувак, ты на нас пялишься натурально каждый день. Стоишь и пялишься.

Они и вправду говорят «чувак», подумал Джерри. А ему казалось, что теперь так могут сказать разве что в шутку. Но этот парень явно не шутил.

— Ты что, чувак, в зоопарке? Мы тебе кто, а?

— Да нет, ты ошибся. Я не смотрю. — Но он смотрел, каждый день.

— Смотришь, чувак. Ты стоишь тут и смотришь на нас. Со своими учебничками, в своей рубашечке и в своем синебелом галстучке.

Джерри беспокойно огляделся. Его окружали одни незнакомцы — никого из школы.

— Думаешь, мы недоразвитые, чувак?

— Я этого не говорил.

— У тебя это на лбу написано.

— Слушай, — сказал Джерри, — мне надо на автобус. — Что было глупо, конечно, потому что автобус еще и на горизонте не появился.

— А знаешь, кто недоразвитый, чувак? Ты. Ходишь в школу каждый день. Потом на автобусе домой. Делаешь уроки. — В голосе парня сквозило презрение. — Лопух лопухом. В четырнадцать-пятнадцать уже на сорок тянешь. Встал на рельсы. Супер!

Сипение и вонь выхлопных газов возвестили о прибытии автобуса. Джерри отвернулся от парня.

— Беги скорей на автобус, лопух, — крикнул тот вдогонку. — Смотри не упусти его. Ты много чего упустил в жизни, так хоть автобус не упусти.

Джерри пошел к автобусу, как лунатик. Он ненавидел стычки. Сердце у него колотилось. Он залез в салон и бросил в автомат жетончик. Автобус тронулся, и Джерри шатнуло на свободное место.

Он сел, глубоко вздохнул, закрыл глаза.

Беги скорей на автобус, лопух .

Он открыл глаза и прищурил их от бьющего в окно солнца.

Ты много чего упустил в жизни, так хоть автобус не упусти.

Чушь, конечно. Таких хлебом не корми, дай поиздеваться над кем-нибудь. А что им еще делать? Валяют дурака, жизнь зря тратят.

И все-таки...

А что — все-таки?

Он не знал. Он подумал о своей жизни — утром в школу, потом обратно домой. Его галстук был распушен, болтался поверх рубашки, но он все равно его сдернул. И перевел взгляд на рекламные наклейки над окнами, чтобы отвлечься от воспоминаний о неприятной встрече.

Зачем? — написал кто-то на пустом месте между двумя наклейками.

А затем, — накорябали рядом в ответ.

Джерри закрыл глаза. На него вдруг навалилась усталость, и даже думать уже было не под силу.

Глава четвертая

— Сколько коробок?

— Двадцать тысяч.

Арчи изумленно присвистнул. Обычно он не позволял себе терять хладнокровие по пустякам, особенно в обществе людей вроде брата Леона. Но намерение привезти в Тринити двадцать тысяч коробок шоколадных конфет выглядело просто нелепым. Потом он увидел на верхней губе брата Леона прозрачные бисерные усы, заметил, как увлажнились его глаза и вспотел лоб. И что-то щелкнуло у него в мозгу. Это был не тот убийственно спокойный Леон, перед которым трепетал весь класс. Этого явно что-то мучило, что-то язвило. Пораженный своим внезапным прозрением, боясь выдать себя участвующимся стуком сердца, Арчи замер в абсолютной неподвижности. Он наконец получил доказательство того, о чем догадывался уже давно, причем это имело отношение не только к брату Леону, но и к большинству учителей, большинству взрослых: они ранимы, у них есть свои страхи и свои слабые места.

— Я понимаю, что это немало, — признал брат Леон. В его голосе не было и следа беспокойства, и Арчи невольно почувствовал уважение. Сильная личность этот Леон — попробуй прижми такого к стенке. Пот градом льется, а голос ровный, никаких эмоций. — Но у нас за плечами крепкая традиция. Мы продаем шоколадные конфеты каждый год. Ребята ждут этого. Если в другие годы нам удавалось продать по десять тысяч коробок, то почему бы на этот раз не продать двадцать? И это ведь не обычные конфеты, Арчи. Они сулят большую прибыль. Это особый случай.

— Что значит «особый»? — спросил Арчи, развивая свое преимущество, стараясь изгнать из голоса всякий намек на подобострастие. Леон сам пригласил его в свой кабинет — так пусть теперь говорит с настоящим Арчи, а не с простым мальчишкой, который сидит за партой на его уроках алгебры.

— Вообще-то это конфеты, которые остались от Дня матери^[3]. Нам удалось — то есть *мне* удалось — приобрести их со скидкой. Прекрасные подарочные коробки, все в отличном состоянии. С

прошлой весны они хранились в идеальных условиях. Все, что нам нужно, — это снять красные ленточки с надписью «Дорогой маме», и дело пойдет. Мы можем продать их по два доллара за коробку и заработать почти по доллару на каждой.

— Но двадцать тысяч? — Арчи быстро произвел в уме несложные вычисления, хотя математик из него был не ахти какой. — У нас в школе примерно четыреста учеников. Это значит, что каждый должен будет продать пятьдесят коробок. Раньше нормой было по двадцать пять на каждого и продавали их по доллару за штуку. — Он вздохнул. — Теперь все удваивается. Это большой объем для школы, брат Леон. Для любой, не только для нашей.

— Знаю, Арчи. Но Тринити — особая школа, не правда ли? Если бы я не верил, что ребята из Тринити с этим справятся, разве я стал бы рисковать? Разве мы не способны на большее, чем другие школы?

Хватит вешать лапшу на уши, подумал Арчи.

— Я знаю, о чем ты себя спрашиваешь, Арчи: зачем я озадачиваю тебя всем этим?

Арчи и впрямь пока еще не понимал, ради чего брат Леон решил посвятить его в свои планы. Он никогда не был на дружеской ноге ни с Леоном, ни с кем-либо из остальных учителей. Вдобавок Леона нельзя было назвать обычным учителем. Бледный, заискивающего вида, он производил впечатление одного из тех людей, что крадутся по жизни на цыпочках, стараясь никого не потревожить. Он походил на затюканного мужа, на неудачника и тряпку. Он занимал должность заместителя директора, а по сути был у директора на побегушках. Сходи туда-то, принеси то-то. Но все это было обманчиво. В классе Леон превращался в совершенно другого человека. Он был полон издевки и сарказма. Его тонкий, высокий голос источал отраву. Он приковывал к себе внимание, как кобра. Вместо ядовитых зубов ему служила учительская указка, мелькающая то там, то сям — повсюду. Он следил за классом, точно ястреб, выискивая нерадивых и замечтавшихся, нащупывая в учениках слабости, а потом играя на этих слабостях. Но Арчи он никогда не трогал. Во всяком случае, пока.

— Позволь обрисовать тебе ситуацию, — сказал Леон, подавшись в кресле вперед. — Все частные школы, не только католические, сейчас вынуждены вести борьбу за существование. Многие закрываются. Цены растут, а источники дохода у нас считанные. Как

тебе известно, Арчи, мы не принадлежим к числу элитных школ-интернатов. Нет у нас и богатых спонсоров среди выпускников. Мы ведем дневное обучение и готовим к колледжу ребят из обычных семей со средним достатком. Богачи не отдают нам своих сынков. Взять хотя бы тебя — твой отец руководит страховым агентством. Жалованье у него неплохое, но богачом его не назовешь, верно? Или Томми Дежардена. Его отец — зубной врач, у них две машины, летний домик, но для родителей тех, кто учится в Тринити, это практически потолок. — Он поднял ладонь. — Я не стараюсь опустить родителей. — Арчи поморщился. Он не любил, когда учителя пользовались жаргоном, употребляя словечки вроде «опустить». — Я говорю лишь одно, Арчи: эти люди живут скромно и им не по силам платить больше за обучение своих детей. Мы должны искать деньги где только можем. Футбол почти не окупается: мы не выигрываем соревнований уже три года. Интерес к боксу упал, потому что его перестали показывать по телевизору...

Арчи подавил зевок: охота ему молотить воду в ступе?

— Я выкладываю карты на стол, Арчи, чтобы все тебе растолковать, чтобы ты проникся мыслью о необходимости использовать любые средства и понял, что даже продажа шоколадных конфет может оказаться для нас жизненно важной...

Наступило молчание. Вокруг них царила тишина — такая полная, что Арчи подумал, уж нет ли в кабинете Леона звукоизоляции. Конечно, уроки на сегодня кончились, но сейчас должно было происходить много чего еще. В частности, Стражам самое время действовать...

— И еще одно, — снова заговорил Леон. — Мы не хотели делать это достоянием гласности, но директор болен, и, скорее всего, серьезно. Завтра его кладут в больницу. Анализы и прочее. Перспективы не слишком обнадеживающие...

Арчи ждал, когда Леон наконец перейдет к сути. Неужто он собирается провозгласить идиотский лозунг: продавать конфеты в честь захворавшего директора? «Выиграй ради Джиппера», как в том сопливом фильме про футболиста, который умер молодым^[4]?

— Возможно, он оставит свой пост не на одну неделю.

— Печально. — Ну и что?

— А это означает, что школа окажется под моим руководством. Я буду за нее в ответе.

Вновь молчание. Но на этот раз оно было заряжено предчувствием. Арчи почувствовал, что сейчас будет сказано самое главное.

— Мне нужна твоя помощь, Арчи.

— Моя помощь? — спросил Арчи, прикинувшись удивленным, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало ни малейшего намека на иронию. Теперь он понял, зачем он здесь. Леон ждал помощи не от Арчи — ему нужна была помощь Стражей. Но он боялся сказать об этом прямо. Никто не смел обмолвиться о Стражах даже шепотом. Официально их не существовало. Разве могло руководство терпеть в своей школе организацию вроде Стражей? Им позволяли действовать, лишь полностью их игнорируя, притворяясь, будто их нет на свете. Но они есть, и все это прекрасно знают, с горечью подумал Арчи. Их терпят, потому что они выполняют важную задачу — держат школу под контролем. Без Стражей Тринити пошла бы вразнос, как другие школы с этими модными нынче демонстрациями, протестами и прочей ерундой. Арчи поразились дерзости Леона: зная о его связи со Стражами, вызвать его сюда вот так!

— Но я-то чем могу помочь? — спросил Арчи, подавлявая еще, намеренно употребляя местоимение единственного, а не множественного числа, как бы отделяющее его самого от Стражей.

— Продажу надо поддержать. Ты ведь сам сказал, Арчи: двадцать тысяч коробок — это большой объем.

— Да еще по удвоенной цене, — напомнил ему Арчи, уже начиная забавляться. — По два доллара за коробку вместо одного.

— Но нам крайне необходимы эти деньги.

— А как насчет поощрения? Ребята всегда получали от школы поощрение.

— Как обычно, Арчи. Когда все конфеты будут проданы, ребят освободят от занятий на один день.

— А бесплатная экскурсия? В прошлом году нас возили в Бостон на эстрадное шоу. — Арчи совершенно не хотелось в Бостон, но ему было приятно задавать вопросы и смотреть, как Леон выкручивается. На уроках все происходило наоборот.

— Я подумаю, чем ее заменить, — ответил Леон.

Арчи не торопился прерывать затянувшуюся паузу.

— Я могу на тебя рассчитывать, Арчи? — Лоб Леона снова покрылся потом.

Арчи решил рискнуть. Проверить, насколько далеко он может зайти.

— Но что я могу сделать? Я всего лишь простой ученик.

— У тебя есть влияние.

— Влияние? — Голос Арчи звучал громко и ясно. Он был спокоен. Контролировал беседу. Пусть Леон попотеет. А Арчи будет вежлив и невозмутим. — Я не староста класса. И не член школьного совета. — Эх, если бы хоть кто-нибудь из ребят его сейчас видел! — У меня даже отметки не такие уж хорошие...

Внезапно Леон перестал потеть. Бисеринки влаги еще дрожали на его лбу, но он стал неподвижен и холоден. Арчи чувствовал этот холод — больше чем холод, ледяную ненависть, бьющую в него через стол, как смертоносный луч с безжизненной, тлетворной планеты. Не слишком ли далеко я зашел, подумал он. Ведь это мой учитель алгебры, а с ней у меня хуже всего.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — отрезал Леон, точно дверью хлопнул.

Их взгляды встретились, замерли. Раскрыть карты? Неужто пора? Будет ли это самым разумным? Арчи верил, что нужно всегда поступать наиболее разумно. Делать не то, что тебе хочется, не рубить сплеча, а совершать поступок, который в будущем окупится. Вот почему именно он раздает задания. Вот почему вся организация Стражей держится на нем. Черт возьми, Стражи — это ведь и есть школа. А он, Арчи Костелло, — это и есть Стражи. Именно поэтому Леон вызвал его сюда, именно поэтому он практически молит его о помощи. Неожиданно Арчи до безумия захотелось «херши».

— Я знаю, о чем вы говорите, — сказал Арчи, откладывая раскрытие карт. Пусть Леон будет чем-то вроде денег в банке, припасенных на черный день.

— Так ты сможешь?

— Я обсужу с ними, — сказал Арчи, и это «с ними» повисло в воздухе.

Леон его не тронул.

И Арчи тоже.

Они долго глядели друг на друга не отрываясь.

— Стражи помогут, — сказал Арчи, не в силах больше сдерживаться. Раньше он никогда не произносил это слово — «Стражи» — вслух перед учителем, он вынужден был отрицать существование их организации так долго, что было счастьем наконец произнести его, увидеть удивление на бледном, вспотевшем лице брата Леона.

Потом он отодвинул стул и вышел из кабинета, не дожидаясь разрешения учителя.

Глава пятая

— Твоя фамилия Гаструччи?

— Да.

— По кличке Стручок?

— Да.

— Да — кто?

Еще не успев сказать это, Арчи почувствовал к себе отвращение. «Да — кто?» — словно в каком-нибудь старом фильме времен Второй мировой. Но этот мальчишка. Стручок, поежился, а потом сказал: «Да, сэр». Как испуганный новобранец.

— Знаешь, зачем ты здесь, Стручок?

Стручок ответил не сразу. Несмотря на свой рост — метр восемьдесят пять, не меньше, — он напоминал Арчи ребенка, оказавшегося тут случайно, как будто его поймали в кино на сеансе для взрослых. Слишком тощий, конечно. И трусливый. Идеальная жертва для Стражей.

— Да, сэр, — наконец сказал Стручок.

Арчи никогда толком не понимал, почему это доставляет ему такое удовольствие — играть с вызванными, морочить им голову, а заодно и унижать. Он заслужил пост назначающего благодаря своей сообразительности, своей богатой фантазии, умению видеть на два шага вперед, как будто мир был гигантской доской для игры в шашки или в шахматы. Но было и нечто другое, для чего никто еще не нашел подходящих слов. Арчи знал об этом другом и учитывал его, хоть оно и не поддавалось определению. Как-то вечером он смотрел по телевизору старую ленту братьев Маркс^[5], и ему особенно понравился эпизод, где братья искали пропавшую картину. Граучо сказал: «Мы обыщем в доме все комнаты». «А что, если ее нет в этом доме?» — спросил Чико. «Тогда мы обыщем соседний», — ответил Граучо. «А если соседнего нет?» И Граучо на это: «Тогда мы его построим». И они тут же принялись составлять планы постройки второго дома. Именно это делал и Арчи: строил дом, в котором никто, кроме него, не предвидел нужды, дом, незримый для всех остальных.

— А если знаешь, тогда скажи мне, Стручок, зачем ты здесь, — мягким голосом произнес Арчи. Он всегда обращался с ними ласково, словно они пробуждали в нем искреннее сочувствие.

Кто-то хихикнул. Арчи нахмурился и бросил на Картера испепеляющий взгляд, требуя немедленно прекратить бардак. Картер щелкнул пальцами — в тихой кладовой щелчок прозвучал как резкий удар судейского молотка. Как всегда, Стражи расположились кольцом вокруг Арчи и школьника, получающего задание. Маленький закуток за спортзалом был лишен окон, а его единственная дверь выходила в зал. Лучшей комнаты для тайных собраний нельзя было и найти: укромная, с легко охраняемым входом, и полутемная, потому что под потолком висела одна голая сорокаваттная лампочка, при слабом свете которой было едва видно, что здесь происходит. После щелчка Картера наступила оглушительная тишина. С Картером никто не хотел связываться. Картер был председателем Стражей, поскольку председателя всегда выбирали из числа футболистов — он обеспечивал силовую поддержку, без которой трудно было обойтись человеку вроде Арчи.

Но все знали, что истинный глава Стражей — назначающий, Арчи Костелло, который всегда на шаг опережает любого из них.

Стручок выглядел испуганным. Он был из тех ребят, что вечно стараются всем угодить. Тем парнем, что никогда не добивается девушки, а боготворит ее втайне, пока настоящий герой увозит ее вдаль на фоне заката.

— Скажи мне, — повторил Арчи, — зачем ты здесь. — Он позволил нотке нетерпения прокрасться в свой голос.

— Чтобы получить... задание.

— Ты понимаешь, что в заданиях нет ничего личного?

Стручок кивнул.

— Что у нас в Тринити это традиция?

— Да.

— И что ты обязан хранить молчание?

— Да, — сказал Стручок и сглотнул, так что его кадык протанцевал по тонкой длинной шее.

Тишина.

Арчи дал ей сгуститься. Он чувствовал, что интерес в комнате растет. Так всегда бывало перед объявлением очередного задания. Он

знал, о чем они думают: что-то наш Арчи изобрел на этот раз? Иногда в Арчи просыпалось негодование. Члены организации не делали ничего, только соблюдали правила. Картер был силой, Оби — подручным. Один Арчи трудился в поте лица, придумывал задания, разрабатывал планы. Словно он не человек, а машина. Нажми кнопку — вылезет задание. Но что они знали о связанных с этим муках? О его долгих бессонных ночах? О том, как иногда он чувствует себя выжатым, опустошенным? И все же он не мог отрицать, что упивается такими моментами, как сейчас, когда все вокруг нетерпеливо подались вперед, взволнованные атмосферой тайны, получающий задание стоит бледный и напуганный, а тишина в комнате такая, что можно слышать стук собственного сердца. И все глаза устремлены на него — на Арчи.

— Стручок.

— Да. Да, сэр. — Глоток.

— Ты знаешь, что такое отвертка?

— Да-

— Раздобыть можешь?

— Да. Да, сэр. У моего отца есть ящик с инструментами.

— Прекрасно. Знаешь, для чего используют отвертки, Стручок?

— Да.

— Для чего?

— Чтобы закручивать гайки... то есть винты. То есть завинчивать.

У кого-то вырвался смешок. И Арчи оставил это без внимания. Иногда людям надо дать слегка разрядиться.

— А еще, Стручок, — сказал Арчи, — отвертки используют для того, чтобы отвинчивать. Верно?

— Да, сэр.

— Таким образом, отверткой можно не только затянуть винт, но и ослабить его, верно?

— Верно, — сказал Стручок, с готовностью кивая головой.

Все его внимание было приковано к образу отвертки, точно под гипнозом, и в душе Арчи поднялась чудесная волна могущества и торжества — он вел Стручка к логическому завершению, скармливая ему информацию кроха за крохой, и это было лучшим в его паршивой работе. Впрочем, не такой уж паршивой. Замечательной на самом-то деле. Великолепной. С лихвой окупающей все его труды и мучения.

— Теперь дальше: знаешь ли ты, где находится классная комната брата Юджина?

Предвкушение в комнате стало почти видимым — воздух словно потрескивал, мерцал его искрами.

— Да. Номер девятнадцать. На втором этаже.

— Молодец! — сказал Арчи, будто хваля Стручка за хорошо выученный урок. — В ближайший четверг ты освободишь себе всю вторую половину дня. День, вечер, ночь, если понадобится.

Стручок стоял неподвижно, как зачарованный.

— В школе никого не будет. Учителя — большинство из них, те, кого надо учитывать, — уедут в Мэн, на конференцию к архиепископу. У сторожа выходной. После трех здание опустеет. В нем никого не останется — кроме тебя, Стручок. И твоей отвертки.

Вот он, финальный миг, кульминация, почти оргазм...

— И вот что ты сделаешь, Стручок. — Пауза. — Ты ослабишь.

— Ослаблю? — Еще один танец кадыка.

— Да. — Арчи переждал еще пару секунд... и сказал: — Все в комнате брата Юджина собрано на винтах. Стулья, парты, доски. Ты возьмешь свою маленькую отвертку — а может, лучше принести несколько разных, побольше и поменьше, на всякий случай, — и примешься за дело. Не вынимай винты. Просто открути их так, чтобы они были готовы выпасть, держались на ниточке...

Кто-то из ребят тихонько взвыл от восторга — наверное, Оби, уже представивший себе эту картину, увидевший дом, который строил Арчи, дом, которого не существовало, пока он не соорудил его в их умах. Потом засмеялись и другие: они тоже наконец поняли, в чем смысл нового задания.

Некоторое время Арчи нежился в их восторженном смехе, сознавая, что он снова попал в десятку. Они ведь только и ждут, чтобы он поскользнулся и шлепнулся лицом в грязь, но он снова сыграл блестяще и победил.

— Ой, — сказал Стручок, — но это же так быстро не успеешь. Там столько парт и стульев...

— У тебя будет вся ночь. Мы позаботимся, чтобы тебе никто не помешал.

— Ой. — Теперь кадык дергался, точно в судорогах.

— В четверг, — жестко отрубил Арчи, ставя последнюю, окончательную точку.

Стручок кивнул, принимая задание как роковой приговор. Точно так же поступали и все остальные, зная, что выхода нет, что им не положено ни отсрочек, ни апелляций. Закон Стражей неумолим — это было известно любому ученику Тринити.

— Ух, — прошептал кто-то.

Картер вновь щелкнул пальцами, и напряжение в комнате быстро достигло прежнего уровня. Но теперь оно было другого рода: в нем сквозила угроза. Направленная на Арчи. Он внутренне подобрался.

Сунув руку под списанный учительский стол, за которым он сидел в качестве председателя, Картер вытащил небольшой черный ящичек. Он потряс его, и раздался стук спрятанных внутри шариков. Затем вперед шагнул Оби, держа в руке ключ. Уж не улыбка ли маячила на его лице? Арчи не мог разобрать наверняка. Интересно, подумал он, Оби и вправду меня ненавидит? А может быть, и все остальные тоже? Но какая, собственно, разница? Никакой, пока Арчи остается у власти. Он победит всех и вся, даже этот черный ящик.

Картер взял у Оби ключ и поднял его вверх.

— Готов? — спросил он у Арчи.

— Готов, — ответил Арчи, следя за тем, чтобы лицо его оставалось бесстрастным, непроницаемым, как всегда, хотя он и почувствовал, как холодная капелька пота проскользнула у него из-под мышки к ребру. Черный ящик был его Немезидой. В нем лежали шесть стеклянных шариков — пять белого цвета и один черного. Это была остроумная идея, пришедшая в голову кому-то задолго до появления Арчи. Этот кто-то был достаточно умным — или достаточно циничным — для того, чтобы сообразить, что назначающий, полностью свободный от всякого контроля, может зарваться. Черный ящичек и стал орудием такого контроля. Его подносили Арчи всякий раз после того, как он оглашал очередное задание. Если Арчи вынимал белый шарик, все оставалось без изменений. Но если бы ему попался черный, он должен был бы сам выполнить то задание, которое только что поручил другому.

Арчи побеждал черный ящик на протяжении трех лет — сможет ли он сделать это снова? Или удача наконец ему изменит? Возьмет ли свое закон больших чисел? Когда он протянул руку к ящичку, по ней

пробежала дрожь. Он надеялся, что никто этого не заметил. Сунув руку внутрь, он схватил шарик, сжал его в кулаке. Потом вынул руку, вытянул ее перед собой — уже спокойный, без всякой дрожи, без колебаний. И раскрыл ладонь. Шарик был белый.

Уголок рта у Арчи дрогнул, когда напряжение его отпустило. Он снова их обставил. Снова победил. Я — Арчи. Я не могу проиграть.

Картер щелкнул пальцами, распуская собрание.

Внезапно Арчи почувствовал себя опустошенным, вымотанным, ненужным. Он поглядел на мальчишку, Стручка, — тот стоял ошеломленный, казалось, что он вот-вот заплачет. Арчи чуть было его не пожалел.

Чуть было.

Глава 10

ПИСЬМА ЛЖЕЦА

Г. М. взмахнул кулаком.

— С меня довольно! — заявил он. — Эти игры над трупом если и могут подействовать на чье-нибудь чувство юмора, то только не на мое. Будь я проклят, если когда-нибудь чувствовал себя таким беспомощным!.. Еще одно конфиденциальное сообщение, а? Лучше прочитайте это. — Он передал конверт д'Андрье, который был удивлен не более, чем если бы получил письмо с обычной почтой. — Не будем устраивать фарс, спрашивая, кто бросил конверт. Кто стоял ближе всего к нему?

— Я, — ответил Хейуорд. — Я практически видел, кто это сделал...

— Ну и кто же?

— Не знаю. Я имею в виду, что видел, как его бросили. Господи, это просто неприлично! Парень рехнулся! Конечно, если письмо действительно от...

— Да, — спокойно сказал д'Андрье. — Оно от Фламанды. И его стиль изменился. Он уже не шутит.

Впервые я увидел на лице нашего хозяина мрачное выражение. Он выглядел неуверенным, словно взвешивал что-то.

— Прочитать вам письмо, джентльмены? На сей раз оно написано по-английски. Если он говорит правду, это многое меняет.

«Месье!

**Я пишу это письмо, так как должен это сделать.
Недоразумение необходимо прояснить немедленно. Для этой цели
я позаимствовал чью-то портативную пишущую машинку,
которую нашел в багаже. Сейчас она в бельевой.**

**К тому времени, когда Вы получите мое послание, я уже
разберусь с болваном, вставшим у меня на пути. Я не верю в**

убийство, если только оно не абсолютно необходимо. Это было именно таковым. Придурок причинил бы мне неприятности, если бы я не устранил его...»

Я вспомнил стук машинки, который слышал в тихой галерее за несколько минут до убийства.

— У кого есть портативная пишущая машинка? — осведомился Г. М.

— У меня, — ответил Фаулер. — Я не обратил внимания, принесли ли ее в мою комнату с другими вещами. Значит, теперь она в бельевой?

Подойдя к двери, он заглянул внутрь, вытащил из-под полки старый «ремингтон», щелкнул замками футляра и мрачно добавил:

— Да, это она. Он воспользовался бумагой, которую я вложил в футляр.

— Слушайте дальше, джентльмены, — сказал наш хозяин.

«Должен также предупредить Вас о еще более серьезном деле. Вчера Вы получили письмо якобы от Фламанды. Я никогда не писал этого письма — это явная подделка. Я не устраивал поломку самолета, не собирался посещать Ваш дом и продумал совсем иной план кампании, который кто-то едва не испортил. Спросите любого, кто когда-либо получал от меня сообщения, снисходил ли я хоть раз до такой нелепой похвальбы? Хотите доказательств? Среди вас есть человек, который в качестве газетчика должен был часто видеть мою подпись в письмах. Пусть он посмотрит на подпись в том письме и скажет Вам, подлинная ли она.»

Но у меня есть подозрение насчет того, кто его написал. Я испытываю величайшее удовлетворение оттого, что в данный момент могу протянуть руку и коснуться любого из вас, а вы не знаете, кто я. Я должен свести счеты, прежде чем заберу единорога у сэра Джорджа Рэмсдена. Это должно стать для него существенным предупреждением от Фламанды.»

— Вау! — Миддлтон огляделся вокруг. — Беда в том, что это похоже на правду. Может кто-нибудь объяснить ситуацию? Зачем кому-то понадобилось подделывать письмо преступника? Кстати, он прав насчет подписи?

Д'Андрье вопросительно посмотрел на Фаулера, и тот нахмурился.

— Вы приперли меня к стене, — признался он. — Я не был уверен, но мне казалось, что в том, другом письме есть что-то сомнительное. Могу я взглянуть на оба? — Фаулер взял два письма и изучил их. Выражение его лица оставалось озадаченным. — Тем не менее подписи очень похожи. Не знаю... Если первая подпись — подделка, то очень хорошая.

— Вам, любителям, следовало бы рассмотреть один пункт со всех точек зрения, — сказал Г. М., ни к кому конкретно не обращаясь. — Предположим, первая подпись поддельная. Где же автор подделки раздобыл подлинную подпись Фламанд, чтобы имитировать ее? Между прочим, Фламанд часто писал в газеты. Не публиковалась когда-нибудь фотокопия одной из его подписей? Это было бы естественно.

Фаулер ущипнул себя за длинный нос.

— На это я могу ответить. Я просматриваю все сколько-нибудь значительные французские газеты и ни разу не видел в них фотокопии подписи Фламанд. Очевидная причина — избежать возможности того, что, похоже, произошло сейчас. Мелкий преступник может совершить ограбление и оставить записку с поддельной подписью, сваливая таким образом вину на Фламанд. Путаницы хватало и без этого. Вероятно, газеты получили приказ воздержаться от публикации фотокопий...

Он умолк, когда Эльза и Эвелин вышли из комнаты Миддлтонов и медленно направились к нашей группе. Маленькое личико Эльзы побледнело под макияжем, но теперь она казалась спокойной. Как и Эвелин, она надела белое платье с блестками и глубоким вырезом.

— Пошалуйста, простить меня, — обратилась Эльза к д'Андрье. — Я ошень расстроена. Как вас зовут? Я не запоминайт французские имена...

Г. М. заговорил с ней по-немецки, и она повернулась к нему. Мои знания этого языка ограничены словами «Schloss», «Ausgang» и «Bahnhof»^[32] которые не может не вызубрить ни один турист в Германии. Думаю, большинство из нас не смогли бы уследить за быстро тарахтящей речью, если бы Эвелин и Миддлтон не переводили диалог синхронно, как придворные толмачи. Г. М. сохранял деревянное выражение лица, но я впервые не без злорадства заметил возбужденный блеск под стеклами его очков.

В целом Эльза подтвердила сообщение Фаулера. По ее словам, она вышла на галерею вскоре после возвращения Миддлтона, чтобы спуститься на первый этаж. Света на галерее не было, но она не знает, когда он погас. Эльза успела увидеть через приоткрытую дверь комнаты Гаске, который задул лампу и направился к лестнице. Она видела свет в комнате Фаулера, но тогда не знала, что это его комната, и не заметила его самого.

Потом они перешли к критическим моментам, изложенным, как я припоминаю по переводу, следующим образом:

Г. М.

Насколько хорошо вы могли его видеть, когда он находился у лестницы?

Эльза.

Не очень хорошо, но достаточно, чтобы узнать его, поскольку снизу проникал свет.

Г. М.

Вы видели, как кто-то напал на него?

Эльза.

Нет, никто к нему не подходил.

Г. М.

Вы в этом уверены?

Эльза.

Да, да, да! Никто к нему не приближался, и никого там не было.

Г. М.

Тогда что произошло?

Эльза.

Не знаю. Казалось, он на что-то наткнулся, как человек натывается на стену. Он поднес руки к голове — с ней случилось что-то ужасное, но я не видела, что именно. Голова Гаске слегка качнулась вбок, и он закричал, а потом покатился вниз по лестнице. Думаю, он закричал снова, но я не уверена. Я была слишком испугана.

В этот момент д'Андрье пожелал задать вопрос, который перевел Миддлтон:

Д'Андрье.

Было похоже, что в него попала пуля?

Эльза.

Не знаю! Почему вы меня спрашиваете? Разве я понимаю в пулях?

Г. М.

В каком направлении он смотрел перед тем, как это произошло?

Эльза.

Вниз на лестницу. Это я заметила. Я подумала, что он повернется и посмотрит на меня, но он этого не сделал.

Г. М.

Значит, если был произведен выстрел, то со стороны гобелена, висевшего лицом к нему на площадке?

Эльза.

Откуда мне знать? Я ненавижу выстрелы и пули!

Г. М.

Вы могли видеть гобелен с того места, где стояли?

Эльза.

Думаю, могла видеть верхнюю половину. Перила скрывали нижнюю часть и ступеньки.

Г. М.

Вы не видели, как гобелен шевельнулся, словно за ним кто-то прятался?

Эльза.

Нет, я не видела ничего подобного.

Г. М.

И это все, что вы знаете?

Эльза.

Да, все!

По окончании диалога Г. М. повернулся к лестнице, измеряя на глаз расстояние. Рэмсден, посмотрев на Эльзу и Фаулера, подвел итог:

— Так или иначе, дружище Генри, это не имеет смысла. Рядом с Гаске никого не было. Никто на него не нападал. Он стоял там один, когда что-то ударило его, как пуля. Допустим, кто-то прятался за гобеленом, выстрелил, вылез из окна позади гобелена на плоскую крышу и вернулся в дом через окно Фаулера с одной стороны или через окно Хейуорда — с другой, потом в темноте и суматохе смешался с остальными и спустился вниз. Но...

Хейуорд, очевидно чувствуя, что мы снова влетаем в юридические воды, громко откашлялся, призывая к молчанию.

— Не пойдет! — заявил он. — Будем рассуждать здраво. Это не могла быть пуля по той простой причине, что в ране ее не было. Мы все видели след, указывающий, что нечто вытащили из раны. Значит, применялось ручное оружие, а вы не можете его вытащить, если не стоите рядом. И наконец, доктор, который обследовал убитого в Марселе, утверждает, что пуля такого большого калибра разнесла бы жертве затылок. Это невозможно.

Д'Андрье приподнял бровь:

— Боюсь, что он прав. У меня есть кое-какой опыт обращения с крупнокалиберным огнестрельным оружием... Остается вопрос, какую из двух невозможностей мы предпочитаем. Его не могли застрелить, так как это невозможно. Его не могли заколоть кинжалом или пронзить копьем, так как, чтобы сделать это, убийце пришлось бы стать невидимым. Это тоже невозможно. Лично я предпочитаю первую альтернативу.

— Но взгляните на это с другой точки зрения! — воскликнул Миддлтон, осененный новой идеей. Он обнимал Эльзу и встряхивал ее, словно подчеркивая свои слова. — Мы забываем о главном ключе. Могу я объяснить подробно?

Г. М. сонно махнул рукой:

— Валяйте, сынок. Мне нравятся теории, хотя чем больше рассуждений, тем больше путаницы. Когда кто-то выдвигает теорию, он не мыслит логически, а всего лишь излагает то, как бы он сам это проделал. Однако и подобная малость помогает понять его характер.

— Ну тогда вы сможете разобраться и в моем характере, — сказал Миддлтон. — Допустим, жертва стоит в темноте наверху лестницы, а убийца прячется за гобеленом. Он вылезает оттуда, но пригнувшись так низко, что Эльза, которая может видеть только верхнюю половину гобелена, не видит его. Такое могло произойти?

— Нет, не могло! — горячо возразил Рэмсен.

Он подошел к перилам и посмотрел вниз.

— Конечно, она небольшого роста, но и я не гигант. Тем не менее я вижу весь гобелен, кроме самого низа. Убийце пришлось бы ползти по площадке. Но продолжайте.

— Убийца имеет при себе острое стальное оружие вроде кинжала и бросает его оттуда. Жертва падает и катится с лестницы. По словам Фаулера, прошла пара секунд, прежде чем он подбежал к лестнице и посмотрел вниз. Когда жертва падает на площадку, убийца вынимает из раны оружие, забирает маленькую картонную папку из кармана убитого и успевает спрятаться за гобелен, когда Фаулер смотрит вниз. Как насчет этого?

Я быстро огляделся и заметил одобрение на лице Хейуорда. Г. М. усмехнулся.

— Кто-нибудь хочет прокомментировать? — подстрекнул он.

— Послушайте, старина, — снисходительным тоном обратился к Миддлтону Фаулер. — Я понимаю, что из этого вышел бы недурной сюжет для детектива, но, к сожалению, это еще более невозможно, чем то, что мы слышали до сих пор. Во-первых, на подобном расстоянии никто не может метнуть кинжал с такой силой, чтобы вонзить его в череп на шесть дюймов. Во-вторых, если бы в жертву что-то бросили, я бы заметил. В-третьих, вы забываете, что, когда я смотрел вниз, Гаске еще катился по лестнице. За этот крошечный промежуток времени убийца должен был бы извлечь из раны оружие — непростая работа даже для сильного мужчины, обчистить карман жертвы и спрятаться за гобеленом. А я могу поклясться, что на лестнице не было никого. Это абсолютно невозможно. — Он повернулся к Г. М. с

виноватым видом, словно боясь, что говорил слишком горячо: — Вы согласны со мной, сэр?

— Угу. Да, согласен. Вред был причинен раньше.

— Тогда, может быть, вы объясните, как именно это произошло? — предложил Рэмсен. — Если Гаске был убит наверху лестницы, его либо заколол человек-невидимка, либо застрелили пулей, которая выскочила из раны и улетела. У нас, как в парламенте, есть левое и правое крыло. Левое крыло заявляет, что его застрелили; правое — что закололи или прикончили каким-то ударом. Левое крыло утверждает, что это проделали с солидного расстояния; правое — что вблизи. За кого вы проголосуете? Кто из нас прав?

Г. М. окинул нас взглядом, посасывая пустую трубку.

— Я дам вам ответ, ребята, который покажется очень странным, но тем не менее он абсолютно верен. Те и другие одновременно правы и не правы.

Мы уставились на него.

— Вы серьезно? — спросил Рэмсен.

— Вполне серьезно.

— Но, черт возьми, жертву либо застрелили, либо закололи, не так ли? Одно или другое!

— Необязательно.

— Знаю, — мрачно произнес Миддлтон после паузы. — На самом деле его задушили, а дырка в голове всего лишь иллюзия. Фокус! Но на один пункт вы должны дать конкретный ответ. Левое крыло утверждает, что жертву прикончили на расстоянии, а правое — что это проделал кто-то, находившийся рядом. Что вы на это скажете?

— То же самое, — отозвался Г. М. — Что те и другие одновременно правы и не правы. Эти ответы кажутся вам дикими, потому что вы не подумали о единственном оружии в мире, которое могло проделать такое, и об обстоятельствах этого убийства. Я даю Фламанду намек, понимаете? Интересно, пришлет ли он на сей раз письмо мне? — Его глаза сощурились. — Прежде чем продолжить этот разговор, давайте перейдем к делу. Я хочу, чтобы вы заняли те же места, где находились, когда бедняга закричал. Я буду стоять здесь и наблюдать. Рэмсен займет место Гаске. Услышав его крик, выбегайте из ваших комнат и делайте то, что делали тогда. Хотя сначала мы должны реконструировать происшедшее перед убийством. — Он снова

окинул взглядом галерею. — Хм... давайте посмотрим... Рэмсен, идите в комнату Гаске, зажгите его лампу и будьте готовы по сигналу задуть ее и подойти к лестнице. Фаулер, стойте в дверях вашей комнаты. Миддлтон, идите в ванную...

В этот момент Хейуорд озвучил мысль, которая, должно быть, вертелась в голове у каждого.

— Послушайте, старина, — резко заговорил он, вцепившись в узел галстука, словно хотел унять дрожь в руках. — Я не трусливее других, но если мы будем повторять этот кошмар снова, то при свете. Неужели вы не понимаете, что Фламанд среди нас? Он подбрасывает свои записки, делает, что ему заблагорассудится, несмотря ни на что, и к тому же является хладнокровным убийцей. Нет, сэр! Оставим свет или отменим реконструкцию. Что до меня, я был в своей комнате, ожидая возможности попасть в ванную, когда услышал крик, и ничего об этом не знаю. Но я не вижу никакого смысла в том, чтобы давать этому маньяку еще один шанс. Что об этом думают остальные?

— Шанс на что? — довольно резко осведомился Фаулер. — На вашем месте я бы не нагнетал страх. Никому нечего опасаться, кроме человека, подделавшего первую подпись, и сэра Джорджа, за которым следовали с самого начала. Что касается того, оставлять свет или нет, то это ничего не изменит. Если Фламанд хочет кого-то найти, то найдет его и в темноте...

Речь была неподобающей, особенно в устах тактичного Фаулера. Он понял это, и его лицо изменилось при взгляде на Эльзу. Она не заговорила и не сдвинулась с места, но задрожала всем телом, и ее глаза наполнились страхом. Миддлтон выругался.

— Я прошу прощения... — начал Фаулер, но Миддлтон прервал его:

— Лично я не возражаю проделать все заново. Но без Эльзы. Предупреждаю, что любого, кто попытается втянуть ее в это, ждут неприятности.

Я тщетно старался разгадать странное выражение лица Г. М.

— Вы правы, сынок, — согласился он. — Я упустил из виду, что для девушек это будет не слишком приятно. К тому же для того, что я хочу увидеть, не требуется много народу. Пусть Миддлтон и Хейуорд отведут девушек вниз. Попросите д'Андрье подать вам давно обещанный холодный ужин, а то вы уже больше двух часов на пределе

нервного напряжения и без кусочка еды. Рэмсден, Фаулер, Кен и я задержимся здесь, а после присоединимся к вам. Накормите их, д'Андрье, но потом поднимитесь сюда. Я должен спросить вас о чем-то важном.

— Отличное предложение! — просиял наш хозяин. — Я сразу же вернусь. Мне тоже нужно сказать вам кое-что важное. Оставайся здесь, Огюст.

Эвелин подняла брови, спрашивая меня, должна ли она остаться. Но я покачал головой, и она направилась вниз вместе с Эльзой, Миддлтоном, Хейуордом и д'Андрье. Г. М. молча стоял у лестницы, поглаживая обширный подбородок. Почерневший каменный коридор с украшенными лепниной арками и темной ковровой дорожкой при электрическом освещении создавал для него мрачный фон.

— Может, теперь вы станете более общительным? — с тяжеловесным сарказмом осведомился Рэмсден. — Что у вас на уме?

— Все. Ребята, я знаю дела, где два-три пункта казались неверными, но еще не сталкивался с делом, где неправильны абсолютно все детали. «О, что за паутину мы сплели. Наш здравый ум в нее не может верить».^[33] Вот так и мой здравый ум шарахается в испуге от каждого слова и движения. На первый взгляд мы кажемся группой нормальных разумных людей. Но, черт возьми, посмотрите на нас. Я чувствую себя как больной белой горячкой, смотрящий «Пер Гюнт» задом наперед. Почему все так неправильно?

— Не понимаю этого мистицизма, — сказал я.

— Должны понимать. Потому что, судя по вашим недавним действиям, вы самый большой псих из присутствующих здесь. Знаете, что напоминает мне этот дом? Однажды у меня был друг, у которого было очень много денег, но крайне примитивное чувство юмора. Он приспособил одну из комнат своего дома для грубой шутки. К потолку был прибит ковер, а также перевернутые стол и стулья, а пол оклеен обоями, из которых торчал стержень с плафонами люстры. Окна доходили почти до потолка, и дверь была сделана намеренно очень высоко — короче говоря, это была комната как бы вверх ногами. Так вот, он приглашал приятеля, поил его допьяна, а когда парень сваливался под стол, переносил его спящим в эту комнату, чтобы понаблюдать, как тот будет себя вести утром, когда проснется на полу и подумает, что лежит на потолке. Мой остроумный друг говорил, что

первый жест пробудившегося после попойки был всегда одинаковым — тот с жутким воплем хватался за люстру, боясь, что свалится на потолок... В данный момент, ребята, я тоже боюсь свалиться на потолок. Вот как действует на меня это место.

— И что это доказывает? — осведомился Рэмсен, внимательно наблюдавший за ним.

— Ровным счетом ничего. Только если мы увидим очередное проявление безумия... Откройте дверь комнаты Гаске и зажгите лампу.

Фаулер открыл дверь, нащупал лампу с круглым абажуром на столике слева, чиркнул спичкой и зажег фитиль. Как и остальные, комната была просторной и с высоким потолком. Белая мебель была обильно снабжена потертым красным плюшем, а над камином слева висела превосходная картина Мейсонье — моего любимого художника, — изображавшая лагерь Наполеона. Правую стену прикрывал алый занавес, а в передней стене были два высоких окна. Я загляделся на картину и не сразу понял, почему Г. М. бормочет проклятия.

— Вы не замечаете ничего странного? — спросил он. — Где его багаж? На стуле шляпа и пальто, но где багаж? Неужели у него не было ни одного чемодана?

Позади нас послышался вежливый кашель. Подкрутив усы, Огюст шагнул вперед с почтительным видом.

— Прошу прощения, месье, — заговорил он по-французски. — Насколько я понял, вы спрашивали о багаже месье Гаске?

— Да-да, вы правы, *mon gars*. У него был какой-нибудь багаж?

— Да, месье. Два чемодана, черный и коричневый.

— Тогда что с ними случилось?

— Он выбросил их в окно, месье, — любезно объяснил Огюст.

Глава седьмая

— Чем это ты занимаешься, Эмиль? — спросил Арчи с легкой иронией. Ирония объяснялась тем, что смысл действий Эмиля Янзы был очевиден: он откачивал в стеклянную банку бензин из чужой машины.

Эмиль хихикнул. Его ничуть не смутило, что Арчи застал его за таким занятием.

— Запасаюсь бензином на эту неделю, — сказал он.

Машина, припаркованная на краю школьной стоянки, принадлежала старшекласснику по фамилии Карлсон.

— А что ты будешь делать, если Карлсон выйдет и увидит, что ты ворующий его бензин? — спросил Арчи, хотя никакой загадки для него в этом не было.

Эмиль не стал утруждать себя ответом. Он просто ухмыльнулся Арчи. Оба понимали, что Карлсон ничего ему не сделает. Этот худой, кроткий парень как огня боялся конфликтов. Впрочем, и вообще мало кто, будь он худым или толстым, кротким или не очень, осмелился бы бросить вызов Эмилю Янзе. Эмиль был грозой школы, хотя по его виду об этом никто бы не догадался. Он не выглядел ни особенно крупным, ни сильным. В футбольной команде его ставили полузащитником, хотя он был для этого легковат. Но он вел себя как животное и не признавал никаких правил. Конечно, если это ему ничем не грозило. Его маленькие глазки, утопленные в бледном лице, редко улыбались, разве что заодно с хихиканьем и ухмылкой, которая иногда вспыхивала на его губах — в основном это случалось, когда он понимал, что достал кого-то. Так Эмиль Янза это называл — доставать. Например, тихо свистеть в классе, действуя учителю на нервы, — едва слышным свистом, который мог довести человека до белого каления. Ради этого Эмиль даже нарушал общепринятые традиции. Обычно те, кто валял на уроках дурака, садились позади. Но не Эмиль. Он выбирал себе место в передних рядах, откуда легче было донимать учителя. Свистеть, хмыкать, рыгать, стучать ногой, ерзать, шмыгать. Черт побери, да если заниматься этим где-то на задах, учитель и не заметит!

Но Эмиль донимал не только учителей. Он обнаружил, что на свете полно прирожденных жертв, особенно из числа его ровесников. Он открыл эту истину в довольно юном возрасте — если быть точным, в четвертом классе. Никто не хотел лишнего шума, никто не хотел неприятностей, никто не хотел выяснять отношения. Это открытие наполнило Эмиля восторгом. Оно распахнуло перед ним множество дверей. Ты мог отнять у кого-нибудь завтрак и даже деньги на завтрак — и, как правило, без всяких последствий, потому что большинство ребят хотело мира любой ценой. Конечно, жертв следовало выбирать осторожно, поскольку бывали и исключения. Те, кто протестовал, убеждались, что с Эмилем лучше не связываться. Кому охота получить по зубам? Позже Эмиль ненароком открыл еще одну истину, хотя ее трудно было выразить словами. Он обнаружил, что люди боятся оказаться в неловком или унижительном положении, привлечь к себе общее внимание. Вот, например, в автобусе. Ты мог окликнуть кого-нибудь из школьников, особенно из тех, кто легко краснеет, и сказать: «Фу, как у тебя изо рта несет! Ты что, вообще зубы не чистишь?» Даже если у малого дыхание как аромат роз. Или: «Эй, это ты перднул? Постеснялся бы, что ли!» Тихо, но достаточно громко для того, чтобы все слышали. И тому подобное — в кафетерии, во время завтрака, в читалке. Но лучше всего там, где побольше незнакомых, в особенности девушек. Ух как тогда корчились эти ребята! В результате все вокруг старались по возможности угодить Эмилю Янзе, и его это полностью устраивало. Эмиль не был глуп, но учеба давалась ему не без проблем. Однако он кое-как держался на плаву — двоек не хватало, разве что тройки, да и то нечасто. Его отец был вполне доволен успехами сына. Эмиль же презирал отца за то, что его голубая мечта — увидеть сына выпускником модной частной школы. Этот тупица не понимал, что у них не школа, а дерьмо.

— Ты просто прелесть, Эмиль, — сказал Арчи, когда удовлетворенный Эмиль, налив банку до краев, принялся аккуратно завинчивать крышку бака.

Эмиль недоверчиво покосился на него. Он никогда не мог разобрать, шутит Арчи Костелло или говорит серьезно. Эмилю и в голову бы не пришло проверить с Арчи какую-нибудь из своих штук. Арчи был одним из немногих людей на свете, кого Эмиль уважал. А может быть, даже побаивался. Арчи и его Стражей.

— Ты сказал — прелесть?

Арчи засмеялся.

— Я имею в виду, что ты уникален. Кто еще станет воровать бензин среди бела дня? Вот так, в открытую? Прелестно.

Эмиль улыбнулся Арчи, хотя ему вдруг стало немного грустно. Он хотел бы поделиться с Арчи кое-чем еще. Но не мог. Он понимал, что это слишком личное, хотя у него нередко возникало желание рассказать об этом людям. О том, что доставляет ему удовольствие. Например, справив нужду в школьном туалете, он редко спускал за собой воду: ему было приятно представлять себе, как следующий парень войдет туда и увидит загаженный унитаз. Бред какой-то. И ведь поди объясни это другим! Или как у него иногда ощутимо теплело в паху, когда он загонял в угол какого-нибудь доходягу или налетал во время футбола на игрока чужой команды, сбивал его с ног и пинал вдогонку, уже лежащего. Ну разве о таком расскажешь? И все же он чувствовал, что Арчи бы его понял. Они с ним одного поля ягоды. Несмотря на тот снимок. Снимок, который отравил ему жизнь.

Арчи направился прочь.

— Эй, Арчи, ты куда?

— Я не хочу оказаться соучастником, Эмиль.

Эмиль засмеялся.

— Карлсон вряд ли подаст в суд.

Арчи в восхищении покачал головой.

— Прелестно, — повторил он.

— Эй, Арчи! А как насчет той фотки?

— Да, Эмиль. А что насчет фотки?

— Ты знаешь, о чем я.

— Прелестно, — сказал Арчи, уходя теперь уже быстрым шагом, чтобы заставить Эмиля Янзу еще попотеть при мысли о фотографии. Откровенно говоря, Арчи ненавидел людей вроде Янзы, хотя их поступки порой и вызывали у него восхищение. Люди вроде Янзы были скотами. Но и они могли пригодиться. Янза и та фотография — как деньги в банке.

Эмиль Янза смотрел вслед удаляющемуся Арчи Костелло. Когда-нибудь он будет как Арчи — такой же спокойный и невозмутимый, один из Стражей. Эмиль пнул заднюю шину автомобиля Карлсона.

Где-то в глубине души он был разочарован, что Карлсон не застал его за откачиванием бензина.

Глава восьмая

Когда Стручок бежал, он был прекрасен. Его длинные руки и ноги двигались с безупречной плавностью, тело скользило над землей, словно вовсе не касаясь ее. Во время бега он забывал и о своих прыщах, и о своей неуклюжести, и о той робости, которая парализовала его всякий раз, когда на него бросала взгляд какая-нибудь девушка. Даже в голове у него прояснялось, и все становилось простым и понятным — на бегу он мог решать математические задачи и заучивать по памяти футбольные комбинации. Он часто вставал спозаранку, когда все еще спали, и мчался по рассветному городку, переливаясь из одной улицы в другую, и все вокруг было прекрасно, везде царили гармония и порядок, ничто не казалось невозможным, любое достижение было ему по плечу.

Во время бега он любил даже болезненные ощущения, знакомые каждому бегуну: жжение в легких и судороги, которыми иногда сводило икры. Он любил их, так как знал, что способен вынести боль и даже пойти дальше. Он никогда не выкладывался до предела, но чувствовал внутри себя все эти запасы силы — даже не силы, а скорее уверенности. И она пела в нем, когда он бежал, и его сердце радостно качало кровь, посылая ее в путь по всему телу. Он выбрал футбол, и ему было приятно, когда он ловил мяч, посланный ему Джерри Рено, обгонял всех соперников и зарабатывал очки. Но лучшим для него все равно оставался сам бег. Соседи видели, как он водопадом низвергается по Хай-стрит, как его несет вперед накопленная инерция, и кричали ему вслед: «Ты что, к Олимпийским играм готовишься?» Или: «Эй, ты мировой рекорд собрался побить?» А он бежал и бежал, лился, летел.

Но сейчас он не бежал. Он находился в классе брата Юджина, напуганный до полусмерти. Пятнадцати лет от роду, ростом метр восемьдесят семь, он уже отвык плакать, но теперь слезы застигли ему глаза и все вокруг выглядело расплывчатым, точно под водой. Ему было стыдно и противно, но он ничего не мог поделать. Причиной слез был не только страх, но и отвращение к самому себе. А такого страха, как сейчас, ему не доводилось испытывать еще никогда — он

чувствовал себя как в безысходном кошмаре. Как если бы ты проснулся посреди сна, в котором за тобой гналось чудовище, и вздохнул с облегчением, поняв, что ты в безопасности, в своей постели, а потом взглянул на залитую лунным светом дверь и увидел, что чудовище крадется к твоей кровати. И понял, что угодил из одного кошмара в другой, — но как же теперь отыскать дорогу обратно в реальность?

Конечно, он понимал, что находится в реальном мире. Все было вполне реальным. Отвертки и плоскогубцы, например. И парты, и стулья, и классная доска на стене. Так же, как и мир снаружи, мир, от которого он был отрезан с трех часов пополудни, когда проскользнул в школу. Теперь тот мир изменился, потерял четкость на исходе дня, полиловел в сумерках, а потом и совсем почернел. Было уже девять часов, а Стручок сидел на полу, уткнувшись лбом в парту, досадуя на свои мокрые щеки. Глаза у него болели от напряжения. Стражи разрешили ему включить лишь маленькую аварийную лампочку — такая была в каждом классе. Зажигать фонарь они запретили, потому что это могло вызвать подозрения у какого-нибудь прохожего. Стручок обнаружил, что его задача практически невыполнима. Он провел в классе шесть часов и одолел только два ряда стульев и парт.

В большинстве своем затянутые при фабричной сборке, винты сидели в своих гнездах крепко и поддавались с трудом.

Я никогда не закончу, подумал он. Протелепаюсь всю ночь, предки сойдут с ума, а дело так и не будет сделано. Он представлял, как его найдут следующим утром: он будет валяться здесь, изнемогший от усталости, позор для себя самого, Стражей и всей школы. Ему хотелось есть, у него болела голова и было такое чувство, что все исправится, стоит ему только выскочить отсюда и во весь дух помчаться по улице, прочь от своего ужасного задания.

Из коридора донесся непонятный шум. Вот и еще одна причина для страха. Вокруг все время раздавались самые разные звуки. Говорили на своем скрипучем языке стены, потрескивали полы, гудели какие-то двигатели, и в этом гудении слышалось что-то почти человеческое. Тут у кого хочешь душа в пятки уйдет. Так сильно он пугался разве что в раннем детстве, когда просыпался глубокой ночью с криком «мама!».

Бух! Это еще что такое? Он в ужасе посмотрел на дверь — ему не хотелось туда смотреть, но он не мог преодолеть соблазн, в точности как в том старом кошмаре.

— Эй, Стручок, — прошептал чей-то голос.

— Кто это? — тоже шепотом отозвался он. Его охватило облегчение: он больше не один, здесь есть кто-то еще!

— Как дела?

Смутная фигура ползла к нему на четвереньках, будто животное. Вот он, зверь, — значит, все-таки кошмар! Он отшатнулся, кожу обдало жаром, волоски на ней встали дыбом, словно при начале крапивницы. Боковым зрением он заметил, что в комнату, шурша коленями по полу, вползают и другие фигуры. Первая была уже прямо перед ним.

— Помочь надо?

Стручок прищурился. Парень был в маске.

— Медленно идет, — признался он.

Неизвестный сгреб Стручка за грудки одной рукой и выкрутил ему рубашку, так что Стручок чуть не ткнулся в него носом. Маска на нем была черная, как на Зорро из одноименного фильма. Когда он заговорил снова, на Стручка пахнуло пиццей.

— Слушай, Стручок. Важней задания ничего нет, понял? Оно важнее тебя, меня, школы. Вот почему мы решили тебе помочь. Чтобы все было сделано правильно. — Костяшки его пальцев больно вдавились Стручку в грудь. — Расскажешь об этом кому-нибудь, и тебе хана. Ясно?

Стручок сглотнул и кивнул. В горле у него пересохло. Он был безмерно счастлив. Помощь пришла. Невозможное стало возможным.

Замаскированный поднял голову:

— Ладно, бойцы, начали.

Один из других новоприбывших повернул к нему лицо, тоже в маске, и сказал:

— Прикольно!

— Заткнись и работай, — цыкнул на него первый — очевидно, главный. Отпустив Стручка, он вынул свою отвертку.

Через три часа все было закончено.

Глава девятая

Мать Джерри умерла весной. После ее возвращения из больницы они всегда сидели с ней по ночам — его отец, кто-нибудь из дядьев и теток, сам Джерри. Последнюю неделю они непрерывно сменяли друг друга, вымотанные и онемевшие от горя. Врачи в больнице сделали все, что могли, и отправили ее домой умирать. Она очень любила свой дом, всегда с ним возилась — то переклеивала обои, то красила, то заново полировала мебель. «Дайте мне двадцать таких работников, я открою маленькую фабрику и стану миллионером», — шутил, бывало, его отец. А потом она заболела. И умерла. Смотреть, как она увядает, видеть, как исчезает ее красота, наблюдать за тем, как ужасно меняются ее лицо и тело, — это было для Джерри чересчур тяжелым испытанием, и он иногда ускользал из ее спальни, стыдясь своей слабости, избегая отца. Джерри хотелось быть таким же сильным, как отец, всегда владеть собой, скрывать свою растерянность и печаль. Когда мать наконец умерла — внезапно, в полчетвертого дня, расставшись с жизнью тихо, без единого звука, — Джерри был вне себя от ярости; он и у гроба стоял, раздираемый молчаливым гневом. Его бесило то, как недуг истерзал ее. Бесило, что он ничего не мог сделать ради ее спасения. Его ярость была такой острой и глубокой, что подавила скорбь. Ему хотелось орать во весь голос, опрокидывать здания, ломать деревья, хотелось обрушиться на весь мир, разнести на куски всю планету. Но вместо всего этого он только лежал без сна в темноте, думая о том, что видел там, в похоронном зале, — уже не мать, а вдруг заменившую ее *вещь*, бледную и холодную.

Его отец в эти страшные дни превратился в незнакомца, он двигался и действовал как сомнамбула, как марионетка, послушная невидимым нитям. Джерри чувствовал себя безнадежно покинутым, внутри у него все сжалось в тугой комок. Даже на кладбище они стояли порознь — разделенные огромным расстоянием, хотя вроде бы бок о бок. Но не касаясь друг друга. А потом, под конец службы, когда они повернулись, чтобы уйти, Джерри внезапно очутился в объятиях своего отца, притиснутый лицом к его телу, и замер, вдыхая запах сигаретного табака и легкий аромат мятного зубного эликсира, этот

знакомый запах, который и был его отцом. Там, на кладбище, прижавшись друг к другу, охваченные чувством общей печали и утраты, они оба не сдержали слез. Джерри не знал, где кончаются отцовские слезы и начинаются его собственные. Они плакали не стыдясь, подчиняясь безымянной потребности, а после рука об руку пошли к ожидающемуся их автомобилю. Жаркий ком гнева распустился, растаял, и по дороге домой Джерри осознал, что на его месте появилось нечто гораздо худшее — пустота, зияющий провал, словно дыра в груди.

Это был последний момент близости, который они пережили с отцом. Потом началась рутина — для него школа, для отца работа, — и они оба окунулись в нее с головой. Отец продал дом, и они переехали в съемную квартиру, где не прятались по углам воспоминания.

Большую часть лета Джерри провел в Канаде, на ферме у дальнего родственника. Он с готовностью взялся помогать хозяевам, надеясь к осени подкачать мышцы для Тринити с ее футболом. В этом маленьком канадском городишке родилась его мать. Было что-то утешительное в том, чтобы гулять по его узким улочкам, по которым еще девчонкой гуляла она. В конце августа он вернулся в Новую Англию, и все снова вошло в обычную колею. Работа у отца и школа у него. И футбол. На поле, весь грязный, покрытый синяками и ссадинами, Джерри ощущал себя частью чего-то большего, чем он сам. И иногда задавал себе вопрос: а частью чего ощущает себя его отец?

Подумал он об этом и теперь, глядя на отца. Придя домой из школы, он увидел его в кабинете на диване: отец спал, сложив руки на груди. Джерри стал перемещаться по квартире бесшумно, чтобы не потревожить спящего. Отец работал фармацевтом в местной сети аптек по хитроумному скользящему графику. Часто он бывал занят в ночную смену, что означало нарушенный сон. В результате у него возникла привычка задремывать в любой удобный момент. У Джерри сосало под ложечкой от голода, но он тихо уселся напротив отца и стал ждать, когда тот проснется. Он устал от тренировки, от постоянных толчков и ударов, которые сыпались на него со всех сторон, от раздражающей невозможности довести комбинацию до конца, отдать полноценный пас, от тренерского сарказма и затянувшейся сентябрьской жары.

Глядя на отца, на его спокойное лицо — во сне оно расслабилось и жесткий отпечаток, наложенный на него возрастом, заметно смягчился, — Джерри вспомнил, как кто-то сказал, что люди, давно состоящие в браке, начинают походить друг на друга. Он прищурил глаза, словно разглядывая музейную картину, ища в отцовском лице черты матери. Вдруг, без предупреждения, мука утраты вернулась — его точно ударили в живот, и он испугался, что упадет в обморок. Каким-то кошмарным чудом он сумел наложить образ материнского лица на отцовское — и на миг эхо всей ее чудесной теплоты зазвучало снова, и его вновь окатило ужасом, когда он невольно вспомнил, как она выглядела в гробу.

Отец проснулся, словно его потрепала по плечу незримая рука. Видение исчезло, и Джерри вскочил на ноги.

— Привет, Джерри, — сказал отец, потирая глаза и садясь. Его волосы даже не растрепались. Впрочем, как может растрепаться жесткий «ежик»? — Как сегодня в школе?

Привычный отцовский голос окончательно вернул его к реальности.

— Да ничего вроде. Еще тренировка была. Когда-нибудь я все-таки отдам хороший пас.

— Конечно, конечно.

— А ты как сегодня, пап?

— Нормально.

— Это хорошо.

— Миссис Хантер оставила нам кастрюльку. Тушеного тунца. Сказала, тебе в прошлый раз понравилось.

Миссис Хантер была экономкой. Каждый день после обеда она прибирала у них и готовила что-нибудь на ужин. Эта седоволосая женщина смущала Джерри тем, что постоянно ерошила ему волосы и приговаривала: «Эх, малыш, малыш...», как будто он был детсадовец или первоклашка.

— Есть хочешь, Джерри? Могу приготовить минут за пять-десять. Только разогрею в духовке, и все. Как, годится?

— Нормально.

Он намеренно повторил стандартный отцовский ответ, а тот и не заметил. Это было любимое словечко отца — «нормально».

— Слушай, пап.

— Да?

— У тебя в аптеке сегодня правда все было нормально?

Озадаченный, отец остановился на пороге кухни.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что каждый день я спрашиваю, как у тебя прошел день, и ты каждый день говоришь «нормально». А у тебя не бывает плохих дней? Или, наоборот, хороших?

— В аптеке все время происходит примерно одно и то же, Джерри. Нам приносят рецепты, мы готовим лекарства — вот, в общем-то, и все. Готовить надо аккуратно, со всеми предосторожностями, семь раз отмерить — один отрезать. Не зря врачей ругают за почерк... но об этом я тебе уже говорил. — Он нахмурился, словно ища у себя в памяти что-нибудь поинтереснее для сына. — Три года назад была попытка налета — когда к нам ворвался наркоман. Он был совершенно не в себе.

Джерри постарался скрыть свое потрясение и разочарование. Неужели это самое захватывающее, что произошло в жизни с его отцом? Этот жалкий «налет», когда в аптеку вбежал испуганный мальчишка с игрушечным пистолетом? Неужто жизнь у людей настолько скучна, настолько сера и однообразна? Ему противно было думать о такой перспективе, о том, что и перед ним простирается долгая череда дней и ночей, которые нельзя назвать иначе как *нормальными* : не плохими и не хорошими, не паршивыми и не замечательными, не интересными — никакими.

Он пошел за отцом на кухню. Кастрюлька скользнула в духовку, как письмо в почтовый ящик. У Джерри неожиданно пропал весь аппетит.

— Как насчет салата? — спросил отец. — Кажется, у нас есть зелень...

Джерри машинально кивнул. Так что же — значит, вся жизнь сводится только к этому? Ты заканчиваешь школу, находишь себе работу, женишься, становишься отцом, смотришь, как умирает твоя жена, а потом коротаешь сутки за сутками, в которых как будто бы нет ни восходов, ни закатов, ни яркого света, ни сумерек — ничего, кроме сплошной серости. А может, он несправедлив к своему отцу? И к себе? Разве все люди не разные? Разве у человека нет выбора? Да так ли уж много, если разобраться, он знает о своем отце?

— Пап...

— Что, Джерри?

— Так, ничего.

Ну как задать ему нужный вопрос и не показаться при этом сумасшедшим? Да и вообще, вряд ли отец станет с ним откровенничать. Джерри вспомнил случай, который произошел несколько лет назад. Тогда его отец работал в одной местной аптеке из тех, где покупатели советуются с фармацевтом так, словно у него диплом врача. Как-то Джерри болтался там без дела, и тут в аптеку вошел старик, весь скрюченный и шишковатый от старости. У него болело в правом боку. Что мне делать, господин аптекарь? Как вы думаете, что это? Вот, пощупайте здесь, господин аптекарь, — чувствуете, как набухло? Есть у вас лекарство, которое меня вылечит? Отец терпеливо слушал старика, сочувственно кивал головой, поглаживал щеку, точно размышляя над диагнозом. В конце концов он убедил старика, что ему надо показаться доктору. Но несколько минут на глазах у Джерри он как бы играл роль врача — выглядел мудрым, сочувствующим и компетентным. Самое что ни на есть докторское поведение, хоть и не в больничной палате. После того как старик ушел, Джерри спросил: «Пап, а ты когда-нибудь хотел стать врачом?» Отец быстро взглянул на него и замешкался, точно застигнутый врасплох. «Нет. Нет, конечно», — ответил он. Однако Джерри уловил в его манере, в его голосе что-то, противоречащее этому ответу. А когда он попробовал продолжить разговор, отец вдруг с головой погрузился в приготовление лекарств, изучение рецептов и так далее. Больше Джерри никогда не поднимал этой темы.

Теперь, глядя, как отец возится на кухне, собирает на стол — какой уж там доктор! — а жена у него умерла и единственный сын считает его жизнь тоскливой и бесцветной, — Джерри совсем загрустил. Духовка пискнула — значит, еда разогрета.

Позже, перед сном, Джерри посмотрел в зеркало и увидел себя таким, каким, должно быть, видел его тот парень на площади, — типичным лопухом. Точно так же, как недавно ему удалось разглядеть в отцовском лице материнское, теперь он различал черты отца в своих собственных чертах. Он отвернулся. Ему не хотелось быть отражением отца. При одной мысли об этом его пробирала дрожь. Я хочу сделать что-то, стать кем-то! Но что? Кем?

Футбол! Он войдет в команду. Это уже кое-что. Или нет?
Без всякой причины ему вспомнился Грегори Бейли.

Глава десятая

Впоследствии Арчи вспоминал, что брат Леон слишком уж драматизировал предстоящую распродажу и таким образом поставил в трудное положение себя, Стражей и всю школу.

Для начала он устроил особое собрание в часовне. После службы, молитв и прочего религиозного лицедейства он принялся вещать о чести школы и тому подобной ерунде — но в этот раз на новый лад. Стоя на кафедре, он подал знак горстке своих прихвостней, и те внесли в зал десяток больших картонных плакатов, на которых были перечислены в алфавитном порядке все учащиеся школы. Рядом с фамилиями стояли пустые прямоугольники — в них, объяснил Леон, будут вноситься данные о том, сколько шоколадных конфет продал каждый ученик.

С откровенным злорадством зрители наблюдали, как шестерки Леона пытаются приклеить свои плакаты скотчем к стене позади сцены. Плакаты упрямо падали на пол, отказываясь держаться на липкой ленте. Стена здесь была сложена из бетонных блоков, так что кнопки, разумеется, негодились. В зале засвистели, зашикали. Брат Леон выглядел недовольным, отчего свист и улюлюканье сделались только громче: ведь на свете нет ничего прекрасней, чем вид раздосадованного учителя. Наконец плакаты кое-как прилепили, и брат Леон взял слово.

Арчи не мог не признать, что спектакль был разыгран мастерски. Прямо как на вручении «Оскара». Брат Леон обрушил на них настоящую Ниагару: честь школы, традиционная распродажа, которая еще никогда не проваливалась, страждущий директор в больнице, братство Тринити, нужда в средствах, которые позволят этому величественному храму образования работать на полных оборотах. Он вспомнил былые триумфы, витрину с трофеями, установленную в главном коридоре, ту непреклонную решимость — победа или смерть, — которая всегда помогала питомцам Тринити добиваться своей цели. И т. д., и т. п. Чистая дребедень, конечно, однако, если за дело брался такой человек, как Леон, мастер охмурять словами и жестами, результат мог получиться впечатляющий.

— Да, — торжественно возгласил Леон, — в этом году норма увеличена вдвое, но лишь потому, что нынче на карту поставлено больше, чем когда бы то ни было. — Его голос разливался по залу, точно звуки органа. — Каждый должен продать пятьдесят коробок, но я знаю, что каждый будет счастлив внести свою лепту. Больше чем лепту. — Он повел рукой в сторону плакатов. — Обещаю вам, друзья мои, что еще до окончания продажи напротив фамилии каждого из вас появится число «пятьдесят», означающее, что вы исполнили свой долг перед Тринити...

И дальше в том же роде, но Арчи уже перестал его слушать. Слова, слова, слова — их поток в школе никогда не иссякал. Арчи невольно поежился, вспоминая последнее собрание Стражей, на котором он сообщил, что брат Леон попросил у них поддержки и получил от него, Арчи, заверение в том, что эта поддержка будет оказана. Арчи удивила реакция Стражей — ропот, полный сомнения и недовольства. «Ну ты даешь, Арчи, — сказал Картер. — Мы же никогда не лезли в такие дела». Но Арчи, как всегда, переубедил всех, заметив, что обращение Леона за помощью к Стражам свидетельствует о силе, которую набрала их организация. Да и вообще, подумаешь, какая-то вшивая распродажа! Но теперь, слушая, как распинается Леон — как будто в крестовый поход их отправляет, — Арчи и сам что-то засомневался.

Поглядев на плакаты и отыскав там свое собственное имя, Арчи прикинул, как будут проданы отведенные ему пятьдесят коробок. Естественно, у него и в мыслях не было торговать конфетами самостоятельно. В последний раз он занимался этим в девятом классе. Обычно он находил какого-нибудь мальчишку, который охотно соглашался продать коробки Арчи вместе со своими, воображая, будто это что-то вроде поощрения со стороны такой влиятельной личности. Но в этом году он, пожалуй, распределит бремя между несколькими подручными: выберет, скажем, пятерых и прикажет им продать всего по десять лишних коробок. Это же лучше, чем нагружать одного целой партией, верно?

Откинувшись на спинку сиденья, Арчи умиротворенно вздохнул, довольный тем, каких высот достигает порой его чувство справедливости и сострадания к ближнему.

Глава одиннадцатая

Такое можно было бы увидеть разве что во время атомного взрыва.

Началось с того, что Брайан Келли взялся за свой стул, и тот рухнул.

Потом все стало происходить одновременно.

Пробираясь между рядами парт, Альберт Леблан задел одну из них — она истерически задрожала и развалилась. Сотрясение, вызванное ее падением, повергло на пол соседнюю парту вместе с двумя стульями.

Джон Лоу как раз хотел сесть и в этот момент услышал грохот рухнувшей мебели. Он обернулся и при этом слегка оперся на свою собственную парту. Та распалась прямо перед его изумленным взором. Отскочив назад, он ударился о стул. С его стулом ничего не случилось. Но стоявшая позади парта Генри Кутюра отчаянно задрожала и грянулась оземь.

Тарарам был оглушительный.

— Боже мой! — воскликнул брат Юджин, войдя в комнату и увидев, что в ней творится. Парты и стулья разваливались, словно их подрывали волшебными динамитными зарядами, которые срабатывали беззвучно.

Брат Юджин бросился к своему столу, к этой безопасной гавани, где учитель всегда мог найти защиту. Под его рукой стол шатнулся, накренился, как пьяный, и — о чудо! — остался стоять в этом странном положении. Однако его стул упал.

В комнате началась буйная, веселая суматоха. Поняв, что происходит, ребята принялись метаться по классу номер девятнадцать, толкая все парты и стулья подряд, с восторгом глядя, как они рушатся, и опрокидывая те упрямые предметы мебели, которые отказывались падать без дополнительной помощи.

— Клево! — завопил кто-то.

— Стражи! — выкрикнул кто-то еще, воздавая должное тем, кому оно причиталось.

Разрушение класса номер девятнадцать заняло ровно тридцать семь секунд. Арчи засекал время, стоя на пороге. Когда он смотрел, как комната обращается в руины, в груди у него вскипал восторг — это был сладостный миг торжества, компенсирующий всю остальную дрянь, его паршивые оценки, черный ящик. Наблюдая за разыгравшейся свистопляской, он понимал, что это один из его главных триумфов, одно из тех рискованных заданий, которые сторицей окупают вложенные в них труды и становятся легендами. Он представлял себе будущих учеников Тринити, с восхищением обсуждающих тот день, когда взорвался класс номер девятнадцать. При виде разнесенной вдребезги комнаты он едва сдержал ликующий возглас — *это дело моих рук!* — и увидел дрожащий подбородок брата Юджина и его искаженное ужасом лицо.

Внезапно гигантская доска за спиной учителя сорвалась со своих креплений и величественно скользнула вниз, как финальный занавес после эффектной заключительной сцены.

— Ты!

Арчи услышал этот яростный голос в то же мгновение, когда чьи-то руки развернули его за плечи на сто восемьдесят градусов. Перед ним стоял брат Леон. Сейчас он не был бледен. На щеках у него блестели багровые пятна, словно его загримировали перед каким-то гротескным спектаклем. Например, из тех, что показывают на Хэллоуин, поскольку ничего забавного в его облике сейчас не наблюдалось.

— Ты! — снова повторил Леон зловещим шепотом, обдав Арчи тухлым запахом своего полупереваренного завтрака — яичницы с несвежим беконом. — Это твоя работа! — добавил он, впившись ногтями в плечо Арчи и указывая другой рукой на хаос, царящий в классе номер девятнадцать.

У двух дверей в помещение уже столпились любопытные ученики из других классов, привлеченные шумом и воплями. Некоторые благоговейно взирали на учиненный в комнате разгром. Остальные с интересом поглядывали на брата Леона и Арчи. Но куда бы они ни смотрели, везде было здорово: школьная рутина нарушена, мертвящий дневной распорядок дал сбой.

— Разве я не говорил тебе, что все должно идти гладко? Без происшествий? Без идиотских выходов?

Когда Леон злился, хуже всего была его манера шептать — это жуткое шипение, как будто с мучительным трудом вырывающееся у него изо рта, делало слова учителя еще более пугающими, чем если бы он кричал изо всех сил. Рука его сжимала плечо Арчи все сильнее, так что тот уже морщился от боли.

— Я ничего не делал. Я ничего не обещал, — машинально сказал Арчи. Всегда все отрицай, никогда не проси прощения, никогда ни в чем не сознавайся.

Леон прижал Арчи к стене. Тем временем коридор уже наполнился ребятами, которые стекались к классу номер девятнадцать поглазеть на разрушения. Они обменивались оживленными восклицаниями и жестикулировали, изумленно качали головами — легенда уже зарождалась.

— Я за все отвечаю, тебе что, неясно? Сейчас вся школа под моим руководством. Продажа конфет вот-вот начнется, а ты такое устраиваешь! — Леон отпустил его без предупреждения, и Арчи застыл, точно подвешенный на невидимых веревочках. Потом он повернулся и увидел, что народ вокруг пялится на него и Леона. Пялятся на них! Смотрят, как этот жалкий недомерок унижает самого Арчи Костелло! Кульминация его торжества испорчена этим придурком и его убогими шоколадными конфетами!

Арчи смотрел, как Леон гневно шагает прочь, расталкивая наводнивших коридор учеников, и исчезает в бурливом людском море. Он потер плечо, осторожно нащупывая то место, где ногти Леона впились глубоко в кожу. Потом нырнул в толпу, раздвинув ребят, которые сбились в кучу на пороге класса. И стал в дверях, упиваясь чудесным зрелищем останков класса номер девятнадцать — своим шедевром. Он видел брата Юджина — тот до сих пор стоял посреди обломков, и по его лицу бежали настоящие слезы.

Прелестно, прелестно.

А брат Леон — да пошел он в жопу.

Глава двенадцатая

— Еще раз, — прорычал тренер. Голос у него был хриплый — тревожный симптом. Он всегда начинал хрипеть, когда терял терпение, когда появлялась опасность, что ему вот-вот снесет крышу.

Джерри встряхнулся. Во рту у него было сухо, и он попытался нагнать туда слюны. Ребра болели, весь левый бок горел огнем. Он отошел на свою позицию за Адамо, который играл центра. Все остальные уже заняли свои места и напряглись в ожидании, чувствуя недовольство тренера. Недовольство? Да он был вне себя от ярости! Он устроил им специальную тренировку, чтобы дать новичкам шанс сойтись на поле с частью основной школьной команды и показать все, чему он их научил, а они выглядели жалко, кошмарно, отвратительно!

Совещания не было. Тренер пролаял номер следующей комбинации — той, где они должны были взять в оборот Картера, здорового защитника из школьной команды. Судя по его виду, он запросто мог разжевать и выплюнуть любого новичка. Но тренер говорил им: «У нас найдется сюрприз для Картера». В Тринити существовала традиция выставлять против новичков звездных игроков и строить комбинации с целью осадить звезд. Это была единственная награда, доступная новичкам, поскольку большинство из них не годились для игры в школьной команде или по слабосилию, или по неопытности.

Джерри пригнулся за спиной Адамо. В этот раз он был настроен решительно. Он понимал, что прошлый розыгрыш не удался, потому что он плохо рассчитал время и не заметил, как Картер налетел на него откуда ни возьмись. Он рассчитывал, что Картер поставит заслон, но защитник отодвинулся назад, обогнул линию и снес его сзади. Особенно взбесило Джерри то, что Картер опрокинул его на землю мягко, почти нежно, как будто демонстрируя этим свое превосходство. Я не хочу тебя калечить, сынок, с тебя довольно и этого, словно говорил он. Но это был уже седьмой розыгрыш подряд, и то, что Джерри сбивали раз за разом, начинало сказываться на его состоянии.

— Ладно, ребята, собрались. Сейчас мы их сделаем.

— Вам каюк, детки, — поддразнил их Картер.

Джерри подал стартовый сигнал, надеясь, что его голос звучит уверенно. Но сам он уверенности не ощущал. И все же надежда в нем не умерла. Каждый розыгрыш был новым, и хотя каждый раз что-то выходило не так, он чувствовал, что они на грани — еще чуть-чуть, и получится. Он верил в ребят — в Стручка, Адамо, Крото. Рано или поздно у них выгорит, их труды должны дать результат. Конечно, если до тех пор тренер не разгонит всю команду.

Руки Джерри были сложены, как утиный клюв, готовый широко раскрыться. По его сигналу Адамо сунул в них мяч, и в тот же миг Джерри начал движение назад и вправо, быстро, с уклоном, и рука его уже пошла вверх и в сторону, подготавливая пас. Он видел Картера, снова скользнувшего по линии, — в шлеме он походил на гигантскую рептилию, — но вдруг Картер превратился в неуклюжую мельницу из рук и ног: Крото очень удачно подсек его снизу. Картер рухнул на Крото, и их тела переплелись в одном клубке. Внезапно Джерри охватило чувство свободы. Он продолжал смещаться, спокойно, расчетливо, ища взглядом Стручка, длинного и поджарого, — где-то там, позади, где он должен был ждать, если сумел избавиться от сейфти. И вдруг Джерри увидел его поднятую вверх руку. Увернувшись от пальцев, вцепившихся ему в рукав, он бросил мяч. Кто-то задел его по бедру, но он ушел от удара. Пас получился отличный. Он знал, что это так, что мяч летит прямо в цель, хотя и не мог проследить за ним до конца, потому что полетел на землю, свирепо сбитый Картером, который успел оправиться после того, как снесли его самого. Шлепнувшись в грязь, Джерри услышал свист и торжествующие крики, говорящие о том, что Стручок принял пас и помчался в очковую зону.

— Так, так, так, так. — Голос тренера, хриплый от торжества.

Джерри поднялся на ноги. Картер хлопнул его по заднице в знак одобрения.

Тренер вперевалку потопал к ним, все еще хмурясь. Впрочем, он никогда не улыбался.

— Рено, — сказал он без всякой хрипоты. — Может, мы все-таки сделаем из тебя квотербека, тощий ты сучий потрох.

Окруженный ребятами, ловя ртом воздух, видя, как Стручок шагает к нему с мячом, Джерри пережил момент абсолютного блаженства, абсолютного счастья.

По школе ходило поверье, что тренер не видит в тебе будущего игрока, пока не назовет тебя сучьим потрохом.

Игроки построились снова. Джерри ждал, пока ему в руки опять сунут мяч, и душа его пела и переливалась всеми цветами радуги.

Вернувшись в школу после тренировки, он увидел письмо, приклеенное скотчем к дверце его шкафчика. Письмо было от Стражей. Его ожидало задание.

Глава тринадцатая

— Адамо!

— Да.

— Бове!

— Да.

— Бурк!

— Так точно, сэ. — Бурк, шутник. Никогда не ответит нормально.

— Вартен!

— Да.

Все видели, что брат Леон в прекрасном настроении. Именно это он любил — руководить, когда все идет гладко, ученики послушно откликаются на свои фамилии, получают коробки с конфетами, демонстрируют, что им дорога честь школы. Мысли о чести школы угнетали Стручка. С тех самых пор, как развалился класс номер девятнадцать, он жил в состоянии легкого шока. Каждое утро он просыпался подавленным, зная еще до того, как успевал открыть глаза, что случилось что-то неладное и его жизнь теперь безнадежно испорчена. А потом вспоминал класс номер девятнадцать. В первые день-два в этом еще было что-то приятное. По школе распространился слух, что разрушение класса номер девятнадцать стало результатом задания, полученного им от Стражей. Хотя с ним на эту тему никто не заговаривал, он ощущал себя кем-то вроде подпольного героя. Даже старшеклассники смотрели на него с уважением и опаской. Проходя мимо, кто-нибудь обязательно хлопал его по заднице — так в Тринити издавна выражали свое одобрение. Но мало-помалу атмосфера в школе окрасилась тревогой. Поползли новые слухи. Разные слухи бродили у них постоянно, однако на сей раз они были связаны с ЧП в классе номер девятнадцать. Продажу шоколадных конфет отодвинули на неделю, и брат Леон, выступая с кафедры, дал этому малоубедительное объяснение. Директор, мол, болен, у начальства много бумажной работы, и т. д., и т. п. Говорили также, что Леон проводит негласное расследование происшедшего. Бедного брата Юджина с того рокового утра так никто и не видел. Кто-то сказал, что у него нервное

потрясение. Другие возражали, что умер какой-то его родственник и он уехал на похороны. Как бы то ни было, все это навалилось на Стручка, и он напрочь потерял ночной покой. Хотя многие в школе по-прежнему смотрели на него снизу вверх, он чувствовал, что между ним и остальными ребятами возникла дистанция. Да, они восхищались им, но вместе с тем предпочитали держаться от него поодаль из-за возможных неприятных последствий. Как-то он встретил в коридоре Арчи Костелло, и тот отвел его в сторонку. «Если вызовут на допрос, ты ничего не знаешь», — предупредил он. Стручку неоткуда было знать, что это излюбленная тактика Арчи — припугнуть человека, заставить его нервничать. С тех пор Стручка не отпускали дурные предчувствия — смешно сказать, но он словно ждал, что на доске объявлений вот-вот появится его физиономия с надписью «Разыскивается». Ему уже не хотелось никакого почитания со стороны однокашников — он просто хотел быть Стручком, играть в футбол и бегать по утрам. Он с ужасом ждал вызова к брату Леону и пытался угадать, сумеет ли он выстоять под допросом, выдержать взгляд этих страшных влажных глаз и соврать без запинки.

— Гаструччи!

Он вдруг сообразил, что брат Леон уже два или три раза назвал его фамилию.

— Да, — ответил он.

Брат Леон помедлил, вопросительно глядя на него. Стручка окатило холодом.

— Кажется, сегодня ты не совсем с нами, Гаструччи, — сказал Леон. — Я имею в виду, мысленно, а не физически.

— Извините, брат Леон.

— Кстати, о мыслях. Ты ведь понимаешь, Гаструччи, что эта продажа шоколадных конфет выходит за рамки рядового мероприятия, не так ли?

— Да, брат Леон. — Куда это он клонит?

— Самое замечательное в этой продаже, Гаструччи, — то, что она проводится исключительно силами учеников. Конфеты продают ученики. А школа просто берет на себя организацию. Это *ваша* продажа, *ваш* проект.

Байда, прошептал кто-то так, чтобы Леон не услышал.

— Да, брат Леон, — сказал Стручок с облегчением, поняв, что учитель слишком увлечен своими конфетами, чтобы разбираться в его виновности или невиновности.

— Значит, ты принимаешь свои пятьдесят коробок?

— Да, — поспешно ответил Стручок. Продать пятьдесят коробок было непросто, но он мечтал только о том, чтобы убраться наконец из-под света прожекторов.

Леон с церемонной тщательностью записал его имя.

— Гувер!

— Да.

— Джонсон!

— Почему бы и нет?

Благодаря хорошему настроению Леон простил Джонсону этот легкий намек на сарказм. Интересно, подумал Стручок, вернется ли когда-нибудь хорошее настроение и к нему тоже? И сам себе удивился. Почему он так мается из-за этого несчастного класса? Разве они что-нибудь сломали? Ведь все парты и стулья привели в порядок за один день! Леон думал, что отправляет на эту работу в качестве наказания, но все вышло ровно наоборот. Каждый стул, каждый винтик были напоминанием о чудесном событии. Многие даже вызывались на восстановление мебели добровольно. Так откуда это саднящее чувство вины? Из-за брата Юджина? Возможно. Теперь Стручок не мог пройти мимо класса номер девятнадцать, не заглянув внутрь.

Конечно, эта комната изменилась раз и навсегда. Вся мебель в ней отчаянно скрипела, точно угрожая развалиться вновь в любой момент. Учителям, которые проводили там уроки, было не по себе — это чувствовалось по их поведению. Время от времени кто-нибудь из учеников ронял книжку просто ради того, чтобы посмотреть, как учитель дернется или подскочит от страха.

Погруженный в свои мысли, Стручок не заметил, что в классе наступила пугающая тишина. Но он осознал, что все вокруг замерли, когда поднял взгляд и увидел лицо брата Леона, бледное как никогда, и его глаза, поблескивающие, как облитые солнцем лужи.

— Рено!

По-прежнему ни звука.

Стручок поглядел на Джерри, сидящего через три парты от него. Джерри застыл, сложив руки на парте, глядя прямо перед собой,

словно в трансе.

— Ты здесь или мне кажется, Рено? — спросил Леон, пытаясь обратить происходящее в шутку. Но эта попытка произвела обратный эффект. Никто не засмеялся.

— Последний раз спрашиваю, Рено.

— Нет, — сказал Джерри.

Стручку показалось, что он ослышался. Джерри ответил так тихо, едва шевельнув губами, что его ответ прозвучал неясно даже в полной тишине.

— Что? — снова Леон.

— Нет.

Общее смятение. У кого-то вырвался смешок. Шутки в классе всегда приветствовались — что угодно, лишь бы нарушить обычную тягомотину.

— Ты сказал «нет», Рено? — переспросил брат Леон кислым голосом.

— Да.

— Что «да»?

Этот обмен репликами развеселил остальных. По классу прокатился хохоток, кто-то фыркнул — в комнате возникло то странное настроение, которое сопутствует всему необычному, когда ученики чувят какой-то сдвиг климата, колебания в атмосфере, как при смене сезонов.

— Позволь мне уточнить, Рено, — сказал брат Леон, и его голос сразу восстановил в классе прежний порядок. — Я назвал твою фамилию. Ты мог ответить либо «да», либо «нет». «Да» означает, что ты, как и любой другой ученик этой школы, согласен продать некоторое количество шоколадных конфет, в данном случае пятьдесят коробок. «Нет» — и я подчеркиваю, что наше мероприятие чисто добровольное, Тринити никого не принуждает участвовать в нем против его воли, в этом слава и достоинство Тринити, — так вот, «нет» означает, что ты не желаешь продавать конфеты, что ты отказываешься принимать участие. Итак, каков же твой ответ? Да или нет?

— Нет.

Стручок ошеломленно уставился на Джерри. Неужели это тот самый Джерри Рено, который всегда выглядел слегка обеспокоенным, слегка неуверенным в себе даже после отданного им великолепного

паса, который всегда был немного не в своей тарелке, — неужели он действительно бросает вызов брату Леону? И не только брату Леону, но и школьной традиции? Потом, взглянув на Леона, Стручок увидел его точно на экране с неестественно насыщенными цветами — на щеках его пульсировал яркий румянец, влажные глаза походили на образцы реактивов в лабораторных пробирках. Наконец брат Леон наклонил голову, и карандаш в его руке задвигался, ставя напротив имени Джерри какую-то ужасную пометку.

Тишина в классе была такая, какой Стручок еще никогда не слышал. Страшная, оглушительная, удушающая.

— Сантурио! — произнес Леон сдавленным голосом, пытаясь говорить спокойно.

— Да.

Леон поднял глаза и улыбнулся Сантурио, смаргивая румянец на щеках. Его улыбка смахивала на те, что похоронных дел мастера сооружают на лицах покойников.

— Тесье!

— Да.

— Уильямс!

— Да.

Уильямс был последним. В классе не было учеников, чьи фамилии начинались бы на какую-нибудь из оставшихся букв. Эхо от «да» Уильямса повисло в воздухе. Казалось, все избегают смотреть друг на друга.

— Вы можете получить свои коробки в спортивном зале, джентльмены, — сказал брат Леон. Его глаза влажно сверкали. — Конечно, это относится лишь к истинным сынам Тринити. Сочувствую тем, кто не входит в их число. — Жуткая улыбка так и не покинула его лица. — Все свободны, — объявил он, хотя звонка еще не было.

Глава четырнадцатая

Итак, он вполне может рассчитывать на свою тетю Агнес и Майка Теразини, чью лужайку он подстригает летом каждую неделю, и на отца О’Тула, их пастора (хотя, если бы мать узнала, что он включил отца О’Тула в свой список, она бы из него котлету сделала), а еще на мистера и миссис Торнтон, которые хоть и не католики, но всегда рады поучаствовать в хорошем деле, ну и, конечно, на вдову миссис Митчелл, которая отправляет его с разными поручениями каждое субботнее утро, и на холостяка Генри Бабино, у которого такой ужасный запах изо рта, что тебя едва не сносит с крыльца, но про которого все матери в округе говорят, что он самый любезный и самый обходительный мужчина...

Джон Салки любил составлять списки, когда в школе объявляли распродажи. В прошлом году, еще девятиклассником, он выиграл первый приз за то, что продал больше всего билетиков школьной лотереи — сто двадцать пять гармошек по дюжине билетиков в каждой, — и в конце года, на общем собрании, получил специальный значок. Это была его единственная награда за всю жизнь — пурпурный с золотом (цвета школы), в форме треугольника, символизирующего Троицу. Его родители сияли от гордости. Спортсмен из него был никудышный, науки давались ему плохо — учился он, что называется, со скрипом, — но, как говорила его мать, если человек делает что может, ему и Бог поможет. Конечно, тут требовался расчет. Именно поэтому Джон всегда составлял списки заранее. Иногда он даже заглядывал к своим постоянным клиентам до начала продажи, чтобы предупредить их о готовящемся мероприятии. Для него не было ничего лучше, чем выходить на улицу, звонить в двери и складывать в карман деньги — деньги, которые он сдаст завтра на очередной переключке, и учитель посмотрит на него с благосклонной улыбкой. У него щекотало в груди, когда он вспоминал, как поднялся в прошлом году на сцену за своей наградой и как директор сказал о преданном служении школе и о том, что он, Джон Салки, «продемонстрировал редкие качества» (его точные слова, которые до сих пор звучали у Джона в ушах, особенно когда он

смотрел на невыразительные столбцы троек в своем таблице в конце каждого полугодия). И вот — новая распродажа. Конфеты. Вдвое дороже, чем в прошлом году, но Джон был уверен в себе. Брат Леон обещал вывесить на доске объявлений, в главном коридоре на первом этаже школы, почетный список тех, кто выполнит или перевыполнит норму. Норма — пятьдесят коробок. Тоже больше, чем раньше, — еще один повод для радости. Другим будет труднее с этим справиться — они уже ворчали и стонали, — но Джон ни капли не сомневался в своем успехе. Да оно и немудрено: ведь Джон мог бы поклясться, что, когда брат Леон говорил им о почетном списке, он смотрел прямо на него, как будто уже твердо зная, что именно этого ученика скоро можно будет поставить в пример всем остальным.

Ну ладно, а как насчет недавно построенных домов на Кленовой? Может быть, в этом районе стоит развернуть специальную кампанию? Там поселились девять или десять приезжих семей. Но в первую очередь, конечно, следует рассчитывать на старую гвардию, на тех, кто входит в его постоянную клиентуру: на миссис Суонсон, от которой иногда пахнет спиртным — зато она всегда готова купить что угодно, хотя и ведет с ним чересчур долгие разговоры, распространяясь о совершенно незнакомых ему людях; на старого надежного дядю Луи, который все время полирует свою машину воском, хотя полировать машину воском — настоящий каменный век; а еще на Каполетти, что живут в конце улицы и всегда угощают его чем-нибудь вроде холодной пиццы, хотя нельзя сказать, чтобы он был от нее без ума, а чесноком у них разит так, что хоть топор вешай, но что поделаешь, служение школе требует жертв, больших и маленьких...

* * *

— Адамо!

— Четыре.

— Бове!

— Одна.

Брат Леон остановился и поднял взгляд.

— Ах, Бове, Бове. Ты способен на большее. Всего одна? А ведь в прошлом году ты поставил рекорд по количеству коробок, проданных за неделю!

— Я медленно запрягаю, — сказал Бове. Он был добродушный малый, не семи пядей во лбу, но славный, без единого врага в целом свете. — Вы меня через недельку проверьте, — добавил он.

Это вызвало общий смех, к которому присоединился и брат Леон. Стручок тоже засмеялся, довольный тем, что напряжение в классе слегка разрядилось. Он заметил, что в последние дни у ребят появилась манера смеяться почти без всякой причины, просто потому, что они искали возможность отвлечься хоть на несколько мгновений, продлить переключку, пока она еще не добралась до буквы «Р». Все знали, что произойдет, когда брат Леон назовет имя Рено. Как будто смехом можно было предотвратить неизбежное!

— Вартен!

— Десять!

Аплодисменты, также при активном участии брата Леона.

— Прекрасно, Вартен. Вот что значит истинная воля к победе. Так держать!

Стручок никак не мог заставить себя не коситься на Джерри. Его друг сидел напряженно и неподвижно, сжав кулаки. Шел уже четвертый день продажи, а Джерри по-прежнему каждое утро повторял «нет», глядя прямо перед собой, упорный, решительный. Вчера, забыв о своих собственных бедах, Стручок попытался поговорить с Джерри после тренировки, когда они шли с поля. Но Джерри оборвал его. «Оставь меня в покое, Струч, — сказал он. — Я знаю, о чем ты хочешь спросить — но не надо».

— Пармантье!

— Шесть.

И вот напряжение сгустилось. Джерри был следующим. Стручок услышал странный звук, от которого у него мурашки побежали по коже, — как будто весь класс разом набрал в грудь воздуху.

— Рено!

— Нет.

Пауза. Можно было бы подумать, что брат Леон уже успел привыкнуть к ситуации, что он будет быстро перескакивать через имя Рено на следующее. Но каждый день в голосе учителя звенела надежда, и каждый день раздавался отрицательный ответ.

— Сантурио!

— Три.

Стручок перевел дух. То же сделали и все остальные. По чистой случайности Стручок поднял глаза как раз в тот миг, когда брат Леон заносил в список результат Сантурио. Он заметил, что рука у Леона дрожит. Его охватило страшное предчувствие катастрофы, которая вскоре должна была обрушиться на всех них.

* * *

Короткие толстые ноги Хрюни Каспера пронесли его по всему району за рекордное для него время. Он бы справился и быстрее, если бы у его велосипеда не спустила шина — и не просто спустила, а порвалась так, что не починить. А на новую у него не было денег. Собственно говоря, именно отчаянная нужда в деньгах и гнала Хрюню по городу как сумасшедшего — с грузом конфет он мчался от одного дома к другому, стучал в двери и звонил в звонки. Да еще приходилось всю дорогу оглядываться: не дай бог заметят мать или отец. Впрочем, шансов нарваться на отца было немного: он проводил весь день на работе, в магазине пластмассовых изделий. Зато мать представляла реальную опасность. Ее, как говорил отец, было за уши не вытащить из машины, она не могла усидеть дома и все время колесила по городу.

Левая рука Хрюни заныла под тяжестью конфет, и он переложил их в другую руку, воспользовавшись моментом, чтобы похлопать по своему обнадеживающе пухлому кошельку. Он уже продал три коробки — шесть долларов, — но этого, конечно же, было мало. Его по-прежнему грызло отчаяние. Сегодня ему было нужно гораздо больше, но никто, ни один сукин сын не купил ничего в шести последних домах, куда он заходил. Он сэкономил из своих карманных денег все что мог, до цента, а вчера вечером, когда отец пришел домой подвыпивший, на неверных ногах, даже стащил у него из пиджака мятую, засаленную долларовую бумажку. Он ненавидел себя за это — обворовать собственного отца! Он поклялся вернуть ему деньги, как только сможет. Только когда это будет? Хрюня не знал. Деньги, деньги, деньги — это стало главной нуждой в его жизни, деньги и любовь к Рите. Того, что ему давали на карманные расходы, едва хватало, чтобы водить ее в кино и угощать после сеанса кока-колой. По два с полтиной каждый билет и пятьдесят центов за два стакана. А его родители по какой-то непонятной причине терпеть ее не могли. Ему приходилось встречаться с ней тайком. Звонить ей из дома Осси Бейкера. Она для тебя слишком взрослая, сказала его мать, хотя на

самом деле Хрюня был на полгода старше ее. Ну ладно, она *выглядит* взрослее, сказала мать. Хотя по справедливости должна была бы сказать: она выглядит сногшибательно. Она была так прекрасна, что от одного ее вида у Хрюни внутри все дрожало, как при землетрясении. Ночью, в постели, он мог кончить, даже не трогая себя, просто думая о ней. И вот уже завтра ее день рождения, и он должен купить ей подарок, который она хочет, — тот браслет, что она видела в витрине магазина «Блэке» в центре города, тот страшный и прекрасный браслет, который весь так сверкает и искрится, страшный из-за ярлычка с ценой — 18,95 плюс налог. «*Золотко*, — она никогда не называла его Хрюней, — это то, чего я хочу больше всего на свете». Боже святой! Восемнадцать долларов девяносто пять центов плюс трехпроцентный налог с оборота — то есть, как подсчитал Хрюня, ни много ни мало девятнадцать пятьдесят два, поскольку налога выходит пятьдесят семь центов. Он знал, что не обязан покупать ей этот браслет.

Она была чудесной девушкой, которая любила его ради него самого. Она ходила с ним по улицам, и ее грудь терлась о его руку пониже плеча, так что он прямо сгорал от желания. Когда она задела его так в первый раз, он подумал, что это случайно, и отодвинулся с виноватым видом, восстанавливая дистанцию между ними. Но потом она потерлась об него снова — это было в тот вечер, когда он купил ей сережки, — и он понял, что это не случайность. Он почувствовал, как у него напряглось в штанах, и вдруг устыдился, и застеснялся, и испытал головокружительное счастье — все в один и тот же момент. Он, Хрюня Каспер, двадцать килограммов лишнего веса, о чем отец никогда не дает ему забыть. Он — и эта прижимающаяся к нему грудь прекрасной девушки, прекрасной не в том смысле, в каком должна быть девушка по мнению матери, а в смысле налитой природной спелости: выцветшие голубые джинсы обнимают бедра, прекрасная грудь подпрыгивает под кофточкой. Да, ей всего лишь четырнадцать, а ему еще нет пятнадцати, но они любят друг друга, любят, черт побери, и не могут быть вместе только из-за денег — денег на автобус до ее дома, потому что она живет в другом конце города, а завтра, в ее день рождения, они договорились встретиться в парке и устроить что-то типа пикника, она принесет бутерброды, а он — браслет; он знал,

какие радости его ожидают, но при этом понимал где-то в самой глубине души, что браслет важнее всего остального...

Это-то и гнало его сейчас вперед, запыхавшегося и усталого, — гнало за деньгами, которые, как он смутно сознавал, рано или поздно доведут его до беды. Где он возьмет столько, чтобы погасить свой долг перед школой, когда с него потребуют выручку? Но пропади оно всё пропадом — он будет ломать голову после. А сейчас ему надо раздобыть денег, и Рита его любит — может быть, завтра она разрешит ему залезть к ней под кофточку.

Он нажал на звонок богатого с виду дома на Стернс-авеню и приготовил для того, кто откроет дверь, свою самую невинную и обаятельную улыбку.

* * *

Волосы у женщины были мокрые, прическа сбита набок, а за ее юбку цеплялся малыш лет двух или трех.

— Конфеты? — спросила она с горьким смехом, как будто Пол Консалво предложил ей самую нелепую вещь на свете. — Ты хочешь, чтобы я купила у тебя шоколадные конфеты?

Ребенок, на котором висел промокший на вид подгузник, ныл: «Мама... мама...» Где-то в глубине квартиры ревел другой.

— Это для хорошего дела, — сказал Пол. — Для школы Тринити! Нос у него сморщился от запаха мочи.

— Господи боже, — сказала женщина. — Конфеты!

— Мамочка, мамочка! — заорал ребенок.

Полу было жалко взрослых, привязанных к своим домам и квартирам, где у них всегда по горло хлопот, и к детям, которых нельзя оставить без присмотра. Он подумал о своих собственных родителях и об их бессмысленной жизни: отец каждый вечер после ужина клюет носом, мать всегда выглядит усталой и измотанной. Для чего они вообще живут-то? Он старался проводить дома как можно меньше времени. «Куда тебя опять несет?» — спрашивала мать, когда он убежал в очередной раз. Как он мог объяснить ей, что ненавидит свой дом, что его мать и отец мертвы и сами этого не понимают, что если бы не телевизор, их жилище было бы не отличить от могилы? Он не мог сказать этого, потому что на самом деле любил их и, если бы среди ночи случился пожар, он бы спас их, с радостью пожертвовал бы ради них своей жизнью. Но, елки-палки, какая же там убийственная скука

— ну что у них еще осталось такого, ради чего стоит жить? Они даже для секса уже слишком старые, хотя про это Пол старался не думать. Он просто не мог себе представить, что его отец с матерью когда-то и вправду...

— Нет, спасибо, — сказала женщина, закрывая дверь у него перед носом, все еще изумленно покачивая головой в ответ на его робкую попытку ее убедить.

Пол постоял на пороге, размышляя о том, что теперь делать. Весь день ему страшно не везло — он не продал ни единой коробки. Он и вообще занимался этим через силу, хотя лишний повод удрать из дому всегда был кстати. Но торговля все равно не захватывала его по-настоящему, и он действовал чисто механически.

Отойдя от многоквартирного дома, Пол стал раздумывать, какой из двух вариантов выбрать: попробовать все-таки что-нибудь продать, несмотря на свое невезение, или отправиться восвояси. Потом он пересек улицу и позвонил в другой многоквартирный дом. Здесь тоже жило пять или шесть семей, что повышало шансы найти покупателя, хотя во всех таких домах почему-то всегда воняло мочой.

* * *

Брат Леон выбрал Брайана Кокрана «добровольным» казначеем шоколадной распродажи. Это означало, что он обвел класс взглядом своих водянистых глаз, остановил его на Брайане, ткнул в него пальцем и — вуаля, как говорит преподаватель французского брат Эме, — Брайан стал казначеем. Эта работа внушала ему отвращение, потому что он жил в страхе перед братом Леоном. Никто никогда не знал, чего от него ждать. Брайан учился в школе последний год, и за прошедшие годы Леон много раз вел у него уроки и руководил внеклассными мероприятиями, но в его присутствии Брайану все равно было не по себе. Учитель был непредсказуем и в то же время все-таки предсказуем, что сбивало Брайана с толку — он никогда не считал себя докой по части психологии. Штука была вот в чем: ты знал, что Леон обязательно выкинет что-нибудь неожиданное — разве это не означает одновременно предсказуемость и непредсказуемость? Он любил устраивать экзамены без предупреждения — и он же мог вдруг превратиться в этакого добрячка, не давать контрольных неделями или дать, а потом выбросить результаты. Или придумать контрольную типа «зачет — незачет» (все знали, как он их обожает),

причем составить ее из таких вопросов, которые сразу загоняют тебя в тупик, поскольку допускают чуть ли не миллион возможных ответов. И с указкой он чего только не вытворял, хотя эти фокусы приберегал в основном для новичков. Попробовал бы он изобразить что-нибудь из этой серии с кем-нибудь, скажем, вроде Картера — небось потом здорово пожалел бы! Но ведь не каждый у них в школе Джон Картер, глава Стражей, непревзойденный защитник футбольной команды и президент Боксерского клуба. С какой радостью Брайан Кокран согласился бы стать таким, как Картер, променял бы свои очки на мускулы, а свою математическую сноровку на хороший хук справа!

Кстати, о счете — Брайан Кокран начал заново проверять итоги продажи. Как обычно, наблюдалось расхождение между количеством якобы проданных конфет и реально собранными за них деньгами. Дурная привычка придерживать часть денег до последней минуты была распространена довольно широко. Обычно никто не придавал этому особенного значения: такова уж человеческая природа. Многие ребята, продав конфеты, тратили выручку на какое-нибудь важное свидание или вечеринку, а потом компенсировали недостачу деньгами, полученными на карманные расходы или в качестве платы за почасовую подработку. Но в этом году брат Леон вел себя так, будто каждый доллар был делом жизни и смерти. Брайана он уже вконец замордовал.

Как казначей, Брайан Кокран должен был в конце каждого дня обходить всю школу и записывать данные, которые сообщали ребята: кто сколько коробок продал и сколько сдано денег. Потом Брайан отправлялся в кабинет брата Леона и подводил общий итог, после чего являлся сам брат Леон и проверял отчет Брайана. Просто, казалось бы? Ан нет. Судя по поведению брата Леона в этом году, можно было подумать, что каждый ежедневный отчет — это какое-то грандиозное, эпохальное событие. Брайан еще никогда не видел, чтобы учитель так волновался, так нервничал. Поначалу ему было даже забавно смотреть, как он мается: пот лил с брата Леона градом, словно у него внутри был спрятан специальный насос. Когда Леон входил в кабинет и снимал свой черный пиджак — ему положено было вести уроки в костюме независимо от времени года, — под мышками у него темнели пятна, а пахло от него так, будто он только что отстоял десять раундов на

ринге. Он дергался и суетился, перепроверяя цифры Брайана, грыз карандаш, расхаживал туда-сюда по комнате.

А сегодня он озадачил Брайана еще сильнее, чем обычно. Леон велел передать во все классы отчет с указанием общего количества проданных конфет — 4582 коробки. Но это не соответствовало истине. Ребята продали ровно 3961 коробку и принесли деньги за 2871 из них. По сравнению с предыдущим годом торговля явно шла с отставанием, и денег было собрано меньше. Брайан не мог понять, зачем Леону фальсифицировать результаты. Он что, думает таким образом подстегнуть народ?

Вздыхнув, Брайан еще раз свел в таблицу свои собственные данные — просто для уверенности, чтобы брат Леон не вздумал обвинять его, если что-нибудь не сойдется. У Брайана не было никакого желания ссориться с Леоном — в частности, поэтому он и согласился на роль казначея, даже не пикнув. Леон преподавал в его классе алгебру, и Брайану совсем не хотелось получать дополнительные домашние задания или хватать на экзаменах внезапные необъяснимые двойки.

Еще раз проглядев свои записи, Брайан увидел ноль рядом с именем Джерома Рено. Он усмехнулся. Это был тот самый девятиклассник, который вообще отказался продавать конфеты. Брайан покачал головой. Что за идиотская затея — идти против системы? Мало того, еще и против брата Леона? Паренек, должно быть, свихнулся.

* * *

— Леблан!

— Шесть.

— Маллоран!

— Три.

Пауза. Задержка дыхания. Теперь это стало чем-то вроде игры — эта перекличка, этот волнующий момент в классе брата Леона. Даже Стручок заражался общим напряжением, хотя от всей сложившейся ситуации его слегка мутило. Стручок был от природы покладист. Он ненавидел любые ссоры и распри. Давайте жить дружно, в мире! Но по утрам, когда брат Леон проводил опрос, выясняя, как идет торговля шоколадными конфетами, мира в его классе не было. Он неподвижно стоял у стола, помаргивая своими водянистыми глазами на утреннем

солнце, а Джерри Рено, как обычно, сидел за партой — бесстрастный, точно замороженный, сложив руки перед собой.

— Пармантье!

— Две.

И вот...

— Рено.

— Нет.

Выдох.

По лицу Леона разливается краснота, словно его вены превращаются в алые неоновые трубочки.

— Сантурио!

— Две.

Стручок не мог дожидаться, когда же прозвенит звонок.

Глава пятнадцатая

— Эй, Арчи! — окликнул Арчи Костелло Эмиль Янза.

— Да, Эмиль.

— Та фотка еще у тебя?

— Какая фотка? — сдерживая улыбку.

— Ты знаешь, какая.

— Ах, *эта* ! Да, Эмиль, она все еще у меня.

— Продать, я так понимаю, не хочешь.

— Нет, Эмиль, не хочу. Да и на что она тебе, скажи, пожалуйста?

Говоря откровенно, это не самый лучший твой портрет. Я имею в виду, ты там даже не улыбаешься, и вообще. Выражение лица у тебя там, конечно, своеобразное. Но улыбаться ты не улыбаешься, Эмиль.

Сейчас у Эмиля Янзы тоже было своеобразное выражение лица и он тоже не улыбался. Любой другой на месте Арчи испугался бы этого выражения.

— Где ты держишь эту фотографию, Арчи?

— В надежном месте, Эмиль. В очень надежном.

— Это хорошо.

Интересно, подумал Арчи, а не сказать ли ему правду об этой фотографии? Он знал, что из Эмиля Янзы может получиться опасный враг. С другой стороны, фотографию можно было использовать как оружие.

— Я тебе вот что скажу, Эмиль, — сказал Арчи. — Когда-нибудь ты, наверно, получишь эту фотку в свое полное распоряжение.

Янза щелкнул окурком, тот ударился о дерево и отлетел в канаву. Проводив его взглядом, Эмиль достал из кармана сигаретную пачку, обнаружил, что она пуста, и бросил ее себе под ноги. Ветер подхватил пачку и погнал ее по тротуару. Эмиль Янза не был борцом за чистоту улиц.

— И как же я получу эту фотку, Арчи?

— Ну, покупать ее тебе не понадобится, Эмиль.

— То есть ты ее просто отдашь? Тут должна быть какая-то хитрость.

— Она есть. Но ничего такого, с чем бы ты не справился, когда придет время.

— Так ты дай мне знать, когда оно придет. Ладно, Арчи? — сказал Эмиль и отпустил свой обычный дурацкий смешок.

— Ты узнаешь об этом первым, — пообещал Арчи.

Тон их разговора был легким, шутливым, но Арчи знал, что в душе Эмиль вовсе не расположен шутить. Арчи знал, что стоит дать ему волю, и он с удовольствием прикончит его во сне, лишь бы наложить на эту фотографию свою потную лапу. Но вот ведь что забавно: на самом-то деле никакой фотографии не было. Арчи просто воспользовался нелепой ситуацией. Случилось следующее: Арчи решил прогулять пару уроков и шел по коридору, стараясь не попасться на глаза учителям. Проходя мимо чьего-то открытого шкафчика, он заметил фотоаппарат, висящий на крючке внутри. Чисто машинально Арчи его взял. Конечно, он не имел обыкновения воровать. Он просто подумал, что оставит этот аппарат где-нибудь, чтобы его владельцу, кто бы это ни был, пришлось побегать по школе и поискать его. Завернув в туалет, чтобы курнуть в тишине, Арчи толкнул дверцу одной из кабинок и очутился лицом к лицу с Янзой: тот сидел на унитазе со спущенными штанами и яростно шуровал рукой между ног. Арчи поднял фотоаппарат и притворился, что делает снимок, крикнув: «Улыбочку!»

— Прелестно, — добавил он через секунду.

Янза был настолько ошеломлен, что не смог отреагировать быстро. Когда он опомнился, Арчи уже стоял на пороге, готовый удрать, если Янза на него кинется.

— Лучше отдай аппарат, — крикнул Янза.

— Если занимаешься этим в сортире, так хоть дверь запирай, — поддразнил его Арчи.

— Защелка сломана, — ответил Эмиль. — Они все сломаны.

— Да ты не волнуйся, Эмиль. Я тебя не выдам.

Сейчас Янза отвернулся от Арчи и заметил девятиклассника, который спешил через улицу, явно обеспокоенный тем, что опаздывает на уроки. Только через год-другой у учеников вырабатывался навык, позволяющий без суеты выходить из дома в самую последнюю секунду.

— Эй, пацан, — окликнул его Янза.

Парнишка поднял глаза и побледнел от страха, увидев Янзу.

— Опоздать боишься?

Девятиклассник сглотнул и кивнул.

— Не бойсь, пацан.

Прозвенел последний предупредительный звонок. Ровно сорок пять секунд, чтобы добежать до класса.

— А у меня сигареты кончились, — объявил Эмиль, хлопая себя по карманам.

Арчи улыбнулся, понимая, что у Янзы на уме. Янза считал себя кандидатом в Стражи и всегда старался произвести на Арчи впечатление.

— Ты вот что, пацан, сбегай-ка в «Бейкере» и купи мне пачечку.

— У меня денег нет, — возразил новичок. — И я на урок опоздаю.

— Такова жизнь, пацан. Так уж она устроена. Мне вершки, с тебя корешки. Если нету денег, укради курево. Или займи деньги. Но чтоб к большой перемене ты мне принес сигареты. Любой марки. Эмиль Янза не привередливый. — На всякий случай надо назвать свое имя: пусть малец знает, с кем связался, если его еще не просветили насчет Эмиля Янзы.

Арчи медлил, понимая, что и сам может схлопотать выговор за опоздание. Но Янза завораживал его, несмотря на всю свою примитивность и грубость. Мир делится на людей двух типов: на тех, кого давят, и тех, кто давит. К какой категории относится Янза, было абсолютно ясно. То же самое можно было сказать и о нем, Арчи. И, конечно, об этом пареньке, который повернулся и с мокрыми от слез щеками потрусил с холма.

— А денежки-то у него есть, Арчи, — сказал Эмиль. — Ты же понял, что он при деньгах и просто нагло врет?

— Готов поспорить, что еще ты сталкиваешь с лестницы старушек и ставишь подножки калекам, — сказал Арчи.

Янза хихикнул, и от этого хихиканья Арчи пробрала легкая дрожь, хотя многие считали, что он и сам способен обижать старушек и ставить подножки калекам.

Глава шестнадцатая

— Такая ужасная оценка, Карони.

— Да, я понимаю.

— При том, что в целом ты у нас так замечательно учишься.

— Спасибо, брат Леон.

— А как у тебя с другими оценками?

— Все нормально, брат Леон. Честно говоря, я думал... То есть я предполагал закончить это полугодие с отличием. Но теперь эта единица...

— Понимаю, — сказал учитель, грустно, с сочувствием покачивая головой.

Карони никак не мог привести мысли в порядок. До сих пор он еще никогда не получал единиц. Мало того — он вообще редко получал отметки ниже пятерки. В седьмом и восьмом классах в школе Святого Иуды у него были сплошные пятерки, за исключением единственной четверки с плюсом в одной четверти. На вступительном экзамене в Тринити он набрал такие высокие баллы, что его даже наградили, снизив ему плату за обучение на сто долларов — редкий для Тринити случай, — и еще напечатали в газете его портрет. И вдруг эта ужасная единица, обычная контрольная, превратившаяся в кошмар.

— Твоя единица удивила и меня, — сказал брат Леон. — Ведь ты всегда был образцовым учеником, Дэвид.

Карони поднял взгляд, в котором вспыхнула робкая надежда. Брат Леон редко звал школьников по имени. Он всегда сохранял дистанцию между собой и учениками. «Между учителем и учащимся существует невидимая грань, — любил повторять он, — и пересекать ее не следует». Но сейчас, услышав от него «Дэвид», произнесенное по-дружески, с такой мягкостью и пониманием, Карони позволил себе надеяться — но на что? Может ли его единица в конце концов оказаться ошибкой?

— Эта контрольная была трудной по нескольким причинам, — продолжал учитель. — Она была одним из тех испытаний, в которых чуть неверная интерпретация фактов влечет за собой полный провал. Собственно говоря, именно к этому типу она и относилась: «зачет —

незачет». И когда я читал твой ответ, Дэвид, мне на мгновение показалось, что ты справился с ней успешно. Во многих отношениях твои выводы были справедливы. Но, с другой стороны... — он умолк, словно погрузившись в глубокие, скорбные раздумья.

Карони ждал. С улицы донесся гудок — это отправился в путь школьный автобус. Карони подумал о своем отце и матери и о том, что они скажут, когда узнают о его единице. Она резко снизит его средний балл: почти невозможно компенсировать единицу, сколько бы пятерок ты ни получил.

— Одна из вещей, которые не всегда понимают ученики, Дэвид, — продолжал брат Леон мягко, задушевно, словно в целом свете не было никого, кроме них двоих, словно он еще никогда и ни с кем не говорил так, как сейчас с Дэвидом, — вещь, которую им трудно понять, состоит в том, что учителя — это тоже люди. Такие же, как и все остальные. — Брат Леон улыбнулся, будто удачно пошутил. Карони тоже позволил себе чуть-чуть улыбнуться — неуверенно, боясь сделать не то, чего от него ждут. В классе вдруг потеплело, возникло впечатление, что он полон народу, хотя, кроме них двоих, здесь никого не было. — Да-да, мы самые обыкновенные люди. У нас тоже бывают хорошие дни и плохие. Мы устаем. Наше здравомыслие порой дает сбои. Порой мы — как говорят мальчишки — лажаем. Даже у нас бывают ошибки, когда мы проверяем ваши тетради, особенно если ответы не скроены, что называется, по шаблону — либо то, либо другое, или черное, или белое...

Карони наострил уши, он был весь внимание: куда это клонит брат Леон? Он пытливо посмотрел на учителя. Леон выглядел так же, как всегда: влажные глаза, которые напоминали Карони вареные луковицы, бледная сыроватая кожа и гладкая речь при полном самообладании. В руке он держал кусок мела. Как сигарету. Или как миниатюрную указку.

— Скажи честно, Дэвид, ты когда-нибудь слышал от учителя признание в том, что он тоже может совершить ошибку? Было такое хоть раз? — посмеиваясь, спросил брат Леон.

— Как судья, который отменяет штрафной, — сказал Карони, подстраиваясь под его шуточный тон. Но к чему же эти шуточки? Зачем все эти разговоры об ошибках?

— Да-да, — согласился Леон. — Никто не безупречен. И это понятно. У всех нас есть свои обязанности, и нам приходится их выполнять. Директор по-прежнему в больнице, и я почитаю за честь действовать от его имени. Вдобавок есть еще внеклассные мероприятия. К примеру, продажа шоколадных конфет...

Кусок мела был крепко стиснут в руке брата Леона. Карони заметил, что костяшки пальцев у него почти такие же белые, как сам мел. Он ждал продолжения. Но тишина затянулась. Карони смотрел на мелок в руках брата Леона, на то, как учитель сжимает его, катает в пальцах, похожих на лапы бледных пауков, играющих со своей жертвой...

— Но все это в конечном счете вознаграждается, — снова заговорил Леон. Как может его голос быть таким спокойным, когда рука, держащая мел, так напряжена, когда жилы выпирают из нее так, точно вот-вот вырвутся наружу?

— Вознаграждается? — Карони потерял нить учительских рассуждений.

— Я имею в виду продажу, — сказал Леон.

И мелок переломился у него в руке.

— Например, — сказал Леон, роняя обломки и раскрывая журнал, который был хорошо знаком всем в Тринити, — журнал, куда ежедневно записывалось количество проданных конфет. — Ну-ка, посмотрим... Ты прекрасно работаешь, Дэвид. На твоём счету восемнадцать коробок. Прекрасно, прекрасно. Ты не только замечательный ученик, но и неутомимый борец за честь своей школы.

Карони покраснел от удовольствия — комплименты всегда вызывали у него такую реакцию, даже если он был совершенно не в своей тарелке, что определенно имело место сейчас. Все эти разговоры о контрольных, о том, как учителя устают и делают ошибки, а теперь еще и о продаже конфет... и два обломка мела, валяющиеся на столе, как белые кости — кости мертвецов.

— Если бы каждый трудился на своем месте так, как ты, Дэвид, это мероприятие прошло бы с блеском. Конечно, не все так ответственные, как ты, Дэвид...

Карони не знал, что именно заставило его заподозрить подвох. Может быть, пауза, сделанная в этот момент братом Леоном. А может быть, вся беседа, в которой как-то немножко не вязалось одно с

другим. А может, это был мелок в руках брата Леона и то, как он сломал его пополам, продолжая говорить спокойно и непринужденно: что было фальшивым — рука, державшая мел, вся нервная и напряженная, или спокойный, непринужденный голос?

— Взять, к примеру, Рено, — сказал брат Леон. — Странная с ним история, не правда ли?

И Карони понял. Он невольно взглянул прямо во влажные настороженные глаза учителя и в один ослепительный миг прозрения понял, зачем все это, что здесь происходит, каковы намерения брата Леона и цель этой беседы после уроков. Сразу же дала о себе знать головная боль над его правым глазом — там свербила зарождающаяся мигрень. В животе что-то словно сорвалось, к горлу подкатила тошнота. Так значит, учителя — такие же люди? Такие же испорченные, как злодеи, о которых читаешь в книжках, которых видишь в кино и по телевизору? А он-то всегда боготворил учителей, думал когда-нибудь и сам стать учителем, если сможет победить робость. И теперь — это! Боль нарастала, пульсировала во лбу.

— Честно говоря, я сочувствую Рено, — говорил тем временем брат Леон. — У него, должно быть, много проблем, иначе бы он так себя не вел.

— Наверно, — сказал Карони с запинкой, еще сомневаясь и все же зная, чего на самом деле хочет учитель. Он ежедневно присутствовал в классе на переключке и видел, как каждый очередной отказ Джерри Рено продавать конфеты заставляет брата Леона дергаться, точно от пощечины. Ребята даже начали шутить по этому поводу. Если честно, Карони было жалко Джерри Рено. Он знал, что с братом Леоном не справиться ни одному ученику. Но теперь он вдруг осознал, что все это время над учителем, можно сказать, издевались. Он, должно быть, на стенку от злобы лез, подумал Карони.

— Итак, Дэвид...

И эхо его имени здесь, в классной комнате, заставило его вздрогнуть. Он подумал, остался ли еще у него в шкафчике аспирин. Забудь об аспиристине, забудь о головной боли. Теперь он знал, где собака зарыта, что хочет услышать от него брат Леон. Но как можно быть в этом уверенным?

— Кстати, насчет Джерри Рено... — сказал Карони. Это было безопасное начало, дающее ему возможность развернуть оглобли, если

брат Леон отреагирует не так.

— Да?

Один из обломков мелка вновь очутился в руке, и это «Да?» прозвучало слишком быстро, слишком внезапно, чтобы оставить место сомнениям. Карони понял, что стоит на перепутье, и мигрень отнюдь не упрощала задачи. Удастся ли ему ликвидировать свою единицу, если он прямо скажет брату Леону то, что учитель хочет услышать? А что в этом такого ужасного? С другой стороны, единица может его погубить — не говоря уж обо всех остальных единицах, которыми брат Леон способен покарать его в будущем.

— С Джерри Рено такая любопытная штука... — услышал Карони свой собственный голос. И тут инстинкт заставил его добавить: — Но я думаю, вы и так знаете, в чем здесь дело, брат Леон. Это Стражи. Задание...

— Конечно, конечно, — подтвердил Леон, откинувшись на спинку кресла и мягко уронив мелок обратно на стол.

— Это их идея. Ему велели отказываться продавать конфеты в течение десяти дней — десяти учебных дней, — а потом согласиться. Ох эти Стражи, чего только не выдумают, правда? — Его мутило, как в шторм, голова раскалывалась.

— Мальчишки есть мальчишки, — произнес брат Леон, покачивая головой, почти шепотом — непонятно, с удивлением или с облегчением. — Конечно, это было очевидно — я ведь знаю, как наши ребята любят Тринити. Бедный Рено. Помнишь, Карони, я сказал, что у него, наверное, много проблем? Это ужасно — заставить парня так себя вести против его воли. Но теперь-то все в порядке, правда? Десять дней — они кончаются... ну да, завтра. — Сейчас он уже улыбался веселой улыбкой и говорил так, будто слова сами по себе ничего не значат, но важно говорить что угодно, как будто слова — это что-то вроде предохранительных клапанов. И тут Карони сообразил, что раньше брат Леон называл его по имени, но в этот раз он уже не сказал «Дэвид»...

— Что ж, полагаю, это все, — произнес брат Леон, поднимаясь. — Я и так задержал тебя слишком надолго, Карони.

— Брат Леон, — сказал Карони. Он не мог уйти, так и не выяснив самого главного. — Вы собирались еще обсудить мою оценку...

— Ах, да-да. Верно, мой мальчик. Твою злосчастную единицу.

Карони почувствовал, как на него надвигается рок. Но все равно рискнул продолжить:

— Вы говорили, что учителя делают ошибки, что они устают...

Брат Леон уже стоял.

— Вот что я тебе скажу, Карони. В конце полугодия, когда будем подводить итоги, я еще раз просмотрю эту контрольную. Возможно, тогда я буду посвежее. Возможно, я увижу там что-нибудь такое, чего не заметил сразу...

Теперь настал черед Карони вздохнуть с облегчением, хотя в голове у него по-прежнему стучало, а живот так и не пришел в норму. Хуже того — он поддался на шантаж брата Леона. Если учителя занимаются такими вещами, то в каком же мире мы живем?

— С другой стороны, Карони, единица может и остаться, — добавил брат Леон. — Это зависит...

— Я понимаю, брат Леон, — сказал Карони.

И он действительно понял — что жизнь гнусна, что на свете по-настоящему нет героев и что нельзя доверять никому, даже себе.

Ему пришлось выйти как можно быстрее, чтобы его не вырвало прямо на стол брата Леона.

Глава семнадцатая

— Адамо!

Стручку не терпелось дождаться конца переклички. Вернее, того момента, когда будет названо имя Джерри Рено. Как и все остальные, Стручок наконец узнал, что Джерри выполнял задание Стражей — вот почему он день за днем отказывался продавать шоколадные конфеты, вот почему не хотел обсуждать это с другом. Теперь Джерри мог вновь стать самим собой, отменить свою противоестественную забастовку. В последнее время у него даже с футболом не ладилось. «Какая муха тебя укусила, Рено? — спросил вчера тренер с отвращением. — Ты будешь играть как положено или нет?» И Джерри ответил: «Я играю как положено». Все ребята поняли двойной смысл, заключенный в этих словах, потому что теперь причина его поведения ни для кого не составляла тайны. У них со Стручком был только один короткий разговор на эту тему — даже не разговор, а так, обрывок разговора. Вчера после тренировки Стручок шепнул Джерри: «Когда кончается твое задание?» И Джерри сказал: «Завтра я начну продавать конфеты».

— Гувер!

— Одна.

— Слабовато, Гувер, — сказал Леон, но в его голосе не слышалось ни гнева, ни даже разочарования. Сегодня брат Леон был бодр и весел, и его настроение передалось классу. Так всегда проходили уроки Леона: он задавал тон и температуру. Когда брат Леон был доволен, все были довольны; когда он чувствовал себя паршиво, все чувствовали себя паршиво.

— Джонсон!

— Пять.

— Неплохо, неплохо.

Киллели... Леблан... Маллоран... Перекличка катилась дальше, присутствующие называли свои результаты, а учитель отмечал их у себя в списке. Фамилии и ответы звучали почти как песня, мелодия для целого класса, речитатив для многих голосов. Потом брат Леон выкликнул: «Пармантье!» И в комнате возникло напряжение. Что бы

Пармантье ни ответил, это было неважно, его результат никого не интересовал. Потому что следующим шло имя Рено.

— Три, — отозвался Пармантье.

— Хорошо, — ответил брат Леон, делая пометку напротив его имени. Затем поднял глаза, и в классе раздалось:

— Рено!

Пауза. Опять эта проклятая пауза.

— Нет!

Стручок почувствовал себя как оператор телекамеры на съемках документального фильма. Он развернулся в сторону Джерри и увидел лицо своего друга — белое, рот полуоткрыт, руки висят по бокам. Потом направил свою камеру на брата Леона и увидел на лице учителя шок, увидел его рот, округлившийся в изумлении. Можно было подумать, что Джерри с учителем отражаются друг в друге, как в зеркале.

Наконец брат Леон опустил взгляд.

— Рено, — снова повторил он, точно хлыстом стегнул.

— Нет. Я не буду продавать конфеты.

Города пали. Земля разверзлась. Небо лопнуло. Звезды померкли. И страшная тишина.

Глава восемнадцатая

Зачем ты это сделал?

Не знаю.

Ты сума сошел?

Может быть.

На такое способен только псих.

Да знаю я, знаю.

Как это из тебя выскочило: «Нет!» Но почему?

Не знаю.

Это походило на допрос с пристрастием, где он был одновременно следователем и подозреваемым, суровым блюстителем закона и измученным узником в безжалостном, ослепительном свете лампы. Все это только у него в голове, разумеется, когда он ворочался ночью без сна в душных объятиях простыни, обмотавшейся вокруг него, точно саван.

Он сбросил с себя простыню в приступе клаустрофобии, вдруг испугавшись, что его похоронили заживо. С чувством обреченности снова повернулся на бок в измятой постели. Его подушка свалилась на пол с глухим стуком, словно упало чье-то маленькое тело. Он вспомнил свою мертвую мать в гробу. Когда наступила смерть?

Он читал в журнале статью о пересадке сердца — даже врачи не пришли к единому мнению о том, в какой именно момент человек умирает. Прекрати, сказал он себе, сейчас никого заживо не хоронят, сейчас не старые времена, когда еще не изобрели ни бальзамирующего состава, ни всяких других штук. Теперь из тебя удаляют всю кровь и накачивают вместо нее разные химикаты. Для верности. Но предположим, только предположим, что какая-то крошечная искорка у тебя в мозгу все же остается живой и понимает, что происходит. А вдруг так было с матерью? И будет с ним самим, когда наступит его час?

Он взвился в ужасе, отшвырнув простыню. Потом сел в кровати, весь мокрый от пота. Его била дрожь. Он спустил ноги вниз, и холодный поцелуй линолеума вернул ощущение реальности. Ему перестало казаться, что его душат. В темноте он шагнул к окну и

слегка отодвинул занавеску. Снаружи поднялся ветер — он ворошил октябрьские листья, которые трепыхались на земле, как обреченные, искалеченные птицы.

Зачем ты это сделал?

Не знаю.

Как испорченная пластинка.

Может, это из-за того, что брат Леон творит с людьми, как тогда с Бейли, — издевается над ними, выставяет дураками перед всем классом?

Нет, не только.

Тогда почему?

Он отпустил занавеску и, щурясь в полутьме, обвел комнату взглядом. Потом прошлепал обратно к кровати, содрогаясь от зябкости, какая бывает только глухой ночью. Прислушался к ночным звукам. В соседней комнате похрапывал отец. По улице промчался автомобиль. Ах, как он хотел бы сейчас тоже очутиться в автомобиле, нестись куда-нибудь, все равно куда! *Я не буду продавать конфеты.* Рехнуться можно!

Конечно, он не собирался выкидывать ничего подобного. Он был рад, что срок назначенной ему пытки истек, что настала пора снова вернуться к нормальной жизни. Каждое утро он с ужасом ожидал переключки, того мига, когда ему придется ответить брату Леону «нет» и снова смотреть на реакцию учителя — как Леон старается сделать вид, что бунт Джерри ничего не значит, прикинуться невозмутимым, хотя его истинные чувства при этом так прозрачны, так очевидны. Это было одновременно и забавно и жутко — слушать, как Леон ведет опрос, и ждать, когда прозвучит его имя, предвкушать, как оно повиснет в воздухе и раздастся его собственное вызывающее «нет!». Возможно, учителю и удалось бы успешно сыграть свою роль, если бы не глаза. Они выдавали его с головой. Лицо он умел контролировать, но глаза обнаруживали его уязвимость, позволяли Джерри заглянуть в тот ад, который бушевал у учителя в душе. Эти водянистые голубые глаза с влажными белками регистрировали все, что происходило вокруг, — и на все реагировали. Когда Джерри обнаружил, что секрет брата Леона прячется у него в глазах, он стал внимательным и научился замечать, как они выдают учителя на каждом шагу. А потом пришло время, когда Джерри устал от всего этого, устал наблюдать за

учителем — ему опротивела эта борьба двух волей, которая на самом деле не была борьбой, потому что Джерри не оставили выбора. Жестокость угнетала Джерри — а его задание, как он понял через несколько дней, было жестоким, хотя Арчи Костелло и утверждал, что это не больше чем шутка, над которой позже все посмеются. И теперь Джерри просто хотелось, чтобы отведенные на задание десять дней поскорее прошли, чтобы его молчаливый поединок с братом Леоном наконец завершился. Он хотел, чтобы жизнь вернулась в нормальную колею: футбол, даже домашние задания, лишь бы без этого ежедневного бремени. Тайна, которую он вынужден был хранить, обрекала его на изоляцию от остальных ребят, и он это чувствовал. Раз-другой у него возникало желание откровенно поговорить со Стручком. Однажды, когда Стручок сам попробовал начать этот разговор, он чуть было не состоялся. Но нет — Джерри решил все-таки не рисковать и потерпеть две недели, помолчать, а потом разделаться со всей этой историей навсегда. Как-то после футбольной тренировки он встретил в коридоре брата Леона и увидел, как в глазах учителя сверкнула ненависть. Хуже чем ненависть — что-то такое, от чего Джерри мороз продрал по коже. Он почувствовал себя грязным, замаранным, как будто ему впору было бежать на исповедь, чтобы очистить душу. Ну ничего, подумал он; когда я соглашусь продавать конфеты и брат Леон узнает, что я всего лишь выполнял задание Стражей, он перестанет так на меня смотреть.

Так почему же сегодня утром он опять сказал «нет»? Он хотел, чтобы его испытание кончилось, — и вдруг с его губ вновь сорвалось это ужасное слово!

Джерри вернулся в постель. Он лежал без движения, стараясь приманить сон, слушая, как храпит за стеной отец. Так и проспит всю жизнь, подумал он про отца: он ведь не живет по-настоящему, а все равно что спит, даже тогда, когда ходит и вроде бы чем-то занят. Ну а я? Что мне сказал тот парень на площади — тот, что оперся подбородком на крышу «фольксвагена», словно гротескная пародия на Иоанна Крестителя? *Ты много чего упустил в жизни.*

Он повернулся, отбросив свои сомнения и призвав на память облик девушки, которую видел в городе пару дней назад. Ее так чудесно обтягивал свитер. К своей округлой груди она прижимала учебники — ах, если бы этими учебниками были мои руки, с тоской

подумал он. Рука его скользнула между ног, он сосредоточился на девушке. Но в этот раз у него так ничего и не вышло.

2

Популярная песня Фрэнка Силвера и Ирвинга Кона, появившаяся в 1923 г.

Глава двадцатая

— В этот период истории человек стал больше узнавать об окружающей среде...

Вдруг в классе началась настоящая свистопляска. Он пришел в бурное движение. Брат Жак оторопел от ужаса. Ребята повскакивали со стульев, исполнили короткий безумный танец, будто прыгая в такт какой-то неслышной музыке, — все это в полной тишине, если не считать шума, который производили их выписывающие кренделя ноги, — и сели обратно с каменными лицами, словно ничего не случилось.

Оби кисло наблюдал за учителем. Брат Жак был серьезно озадачен. Озадачен? Черт возьми, да он был на грани паники. Все это продолжалось уже добрую неделю и должно было кончиться только тогда, когда перестанет звучать ключевое слово. А до тех пор класс будет по-прежнему неожиданно взрываться, махать руками и дрыгать ногами, сбивая с толку несчастного брата Жака. Конечно, его легко было сбить с толку — этот новенький, молодой и чувствительный учитель не мог не стать для Арчи легкой добычей. И он явно не знал, что ему делать, а потому не делал ничего, очевидно полагая, что все пройдет само собой и не стоит рисковать, поднимая шум из-за какого-то дурацкого розыгрыша. А что еще это может быть? Странно, подумал Оби, как все — не только учителя, но и ученики — знают, что эти трюки планируются и осуществляются Стражами, и тем не менее продолжают напускать на себя таинственный вид, упорно отказываясь признавать это в открытую. Интересно, почему? Оби участвовал в стольких заданиях, что потерял им счет, и не переставал поражаться, как это всякий раз сходит им с рук. Честно говоря, он уже начал уставать от всех этих заданий, от своей роли няньки и главного доверенного лица Арчи Костелло. Ему надоело все организовывать, отвечать за то, чтобы каждое задание было выполнено в срок, поддерживая таким образом непогрешимую репутацию великого Арчи. Вспомнить хотя бы историю с классом номер девятнадцать, когда ему пришлось пробраться туда, чтобы помочь этому малому, Стручку, успеть вовремя развинтить мебель, — и все эти старания

ради того, чтобы еще выше поднять в глазах ребят престиж Арчи и Стражей. Вот и это, нынешнее задание тоже отчасти висело на нем: если брат Жак перестанет употреблять ключевое слово, Оби должен будет найти способ подтолкнуть его в нужном направлении.

Ключевым словом — вернее, словосочетанием — было «окружающая среда». Как сказал Арчи, оглашая задание; «Весь мир сегодня волнует экология, окружающая среда, наши природные ресурсы. Мы в Тринити тоже должны внести свою лепту в эту деятельность. Вы, ребята, — сказал он, обращаясь к четырнадцати ученикам двенадцатого класса „Б“, где учился и Оби, — проведете нашу экологическую кампанию. Допустим, на уроке истории США у брата Жака — история ведь имеет прямое отношение к окружающей среде, верно? Итак, каждый раз, когда брат Жак будет произносить слова „окружающая среда“, вы будете...» И Арчи обрисовал им задачу.

«А если он обойдется без этих слов?» — спросил кто-то.

Арчи посмотрел на Оби. «Нет-нет, не обойдется. Я уверен, что кто-нибудь — например, Оби — задаст ему вопрос, который заставит его их вспомнить. Правда, Оби?»

Оби кивнул, скрыв свое недовольство. Какого дьявола Арчи до сих пор требует от него участия в выполнении заданий? Он ведь старшеклассник, черт побери. Мало того — он еще и секретарь этих придурочных Стражей. Как же он ненавидит Арчи, этого сукина сына!

Один новенький, переведенный к ним из городской средней школы, спросил: «А что будет, когда брат Жак догадается, что мы его разыгрываем? Когда поймет, что ключевые слова — „окружающая среда“?»

«Тогда он перестанет их повторять, — объяснил Арчи. — В чем и состоит смысл всей нашей затеи. Меня уже давно тошнит от этой идиотской болтовни насчет окружающей среды — так пусть в школе будет хотя бы один учитель, который вычеркнет эти слова из своего лексикона».

Что касается Оби, то его уже давно тошнило от самого Арчи, от латания дырок, которые он за собой оставлял, от оказывания ему разных мелких услуг — вроде помощи в классе номер девятнадцать или придумывания для брата Жака вопросов, на которые тот не мог бы ответить, не употребив при этом слов «окружающая среда». Да от всего! Но он терпел, выжидая, когда Арчи перегнет палку, когда он

ошибется. В конце концов, черного ящика еще никто не отменял. Пока удача по-прежнему улыбается Арчи, но кто знает, что произойдет, когда она ему изменит?

— В любой полемике об окружающей среде...

Ну вот, опять, с отвращением подумал Оби, будто со стороны наблюдая за тем, как он сам скачет и дрыгается, словно последний псих, ненавидя при этом каждую секунду их дурацкого представления. Он чувствовал, что его силы уже на исходе.

В течение следующих пятнадцати минут брат Жак употребил слова «окружающая среда» еще пять раз. Оби и остальные ребята совсем вымотались от постоянного вскакивания и дерготни — они не успевали отдышаться, и к тому же у них начинали болеть ноги.

Когда брат Жак произнес «окружающая среда» в шестой раз и утомленные ученики кое-как выкарабкались из-за парт, чтобы исполнить очередной танец, Оби заметил, как по губам учителя скользнула едва различимая улыбка. И тут же понял, в чем дело. Эта сволочь Арчи, очевидно, сообщил брату Жаку — не сам, конечно, а через кого-то другого, — что здесь происходит. И учитель повернул ситуацию в свою пользу. Теперь он был главным и заставлял ребят прыгать, рассчитывая уморить их по-настоящему.

Когда они выходили из класса, у стены в коридоре стоял Арчи с торжествующей ухмылкой на лице. Остальные так и не поняли, что произошло. Но Оби понял. Он бросил на Арчи испепеляющий взгляд, но тот и ухом не повел. Он по-прежнему усмехался своей дурацкой усмешкой.

Униженный и уязвленный, Оби зашагал прочь. Ну ладно, сволочь, подумал он. Ты за это еще заплатишься.

Глава двадцать первая

После школы Кевин Шартье обошел семь домов и не продал ни одной коробки. Миссис Коннорс — та, что жила рядом с химчисткой, — предложила ему заглянуть к ней снова в конце месяца, когда она получит пособие, но у Кевина не хватило духу сказать ей, что тогда, наверное, будет уже поздно. А по дороге домой за ним еще погнался пес — и не сразу отстал. Это был один из тех зверских псов, которые, если верить старым телефильмам, помогали нацистам ловить пленников, сбежавших из концлагеря. Дома измученный Кевин позвонил своему лучшему другу Дэнни Арканджелло.

— Как успехи? — спросил он, старательно игнорируя мать, которая стояла возле аппарата и издавала какие-то звуки, явно адресуясь к нему. Кевин давно научился обращать все ее речи в бессмыслицу. Сколько бы она теперь ни говорила, хоть до умопомрачения, ее слова достигали ушей Кевина уже лишенные всякого смысла. Очень полезный прием.

— Хреново, — прогундосил Дэнни. Он всегда говорил так, будто ему надо было высморкаться. — Одну коробку загнал — своей тетке.

— Это у которой диабет?

Дэнни взвыл от смеха. Чего было у него не отнять, так это умения быть благодарным слушателем. А вот матери Кевина его определенно не хватало. Она все нудила о чем-то своем. Кевин знал, чем она недовольна: ей не нравится, что он ест и одновременно говорит по телефону. Она никак не могла понять, что еда — это не то, чем занимаются *отдельно*. Это занятие прекрасно сочетается с любым другим. Ты можешь есть, делая при этом все что угодно. Ну, или почти все. Невежливо говорить в трубку с набитым ртом, вечно повторяла она. Но ровно в эту минуту у Дэнни на том конце линии тоже был набит рот. Так кто из них, скажите, пожалуйста, проявлял невежливость? И по отношению к кому? Выдумают же такую чушь!

— Я думаю, может, этот шизик Рено и прав, в конце концов, — сказал Кевин с полным ртом арахисового масла, благодаря которому его голос стал более звучным, как у диск-жокея. Неужто мать этого не замечает?

— Это ты про того, что достает брата Леона?

— Ага. Который взял и так прямо в лоб и заявил, что не будет продавать эту дрянь.

— А я слышал, ему Стражи велели, — осторожно заметил Дэнни.

— Сначала да, — сказал Кевин, провожая мать довольной ухмылкой: она не выдержала и пошла на кухню. — Но теперь уже все по-другому. — А может, зря он язык распустил? — Два дня назад он должен был согласиться продавать. Срок задания вышел. А он все равно отказывается.

Кевин слышал, как Дэнни самозабвенно чавкает.

— Чего ты там жрешь-то? Вкусное что-нибудь?

Дэнни снова взвыл.

— Да конфеты эти! Сам себе коробку купил. Могу я помочь своей любимой школе?

Наступила неловкая тишина. На следующий год Кевин переходил в одиннадцатый класс и имел хорошие шансы на то, чтобы стать одним из Стражей. Конечно, наверняка про это никто знать не мог, но кое-какие намеки ему делали. Его лучший друг, Дэнни, знал об этой возможности — как и о том, что про Стражей следует болтать поменьше. В основном они избегали таких разговоров, хотя Кевин обычно располагал секретной информацией насчет заданий и прочего и частенько скармливал ее Дэнни маленькими кусочками, не в силах подавить желание слегка порисоваться. Однако Кевина никогда не покидало опасение, что Дэнни ляпнет что-нибудь о Стражах другим ребятам, не со зла, а чисто случайно, и подведет его под монастырь. Сейчас их разговор как раз достиг опасного рубежа.

— Ну и что будет дальше? — спросил Дэнни. Он был по-прежнему не уверен, что стоит совать нос в такие дела, но любопытство заставило его отбросить осторожность.

— Не знаю, — честно ответил Кевин. — Может, Стражи как-нибудь отреагируют. А может, им это до фонаря. Но я тебе одно скажу.

— Что?

— Меня уже задолбало продавать эту ерунду. Елки-палки, меня отец знаешь как стал называть? «Мой сын, торгаш».

Дэнни снова захохотал. У Кевина от природы был талант имитатора.

— Да, я тебя понимаю. Сам уже начинаю уставать от этой идиотской затеи. У Рено, пожалуй, шарик-то работают.

Кевин согласился.

— Я бы за два цента тоже бросил, — сказал Дэнни.

— С пятака сдачу найдешь? — спросил Кевин. В шутку, конечно, однако с мыслью, как было бы здорово — просто великолепно! — ничего больше не продавать. Подняв глаза, он снова увидел, что к нему направляется мать — губы движутся, исторгая звуки, — и со вздохом отключил ее, как будто ткнул в нужную кнопку на телевизоре, не погасив изображения.

* * *

— Знаешь что? — сказал Гови Андерсон.

— Что? — ответил Ричи Ронделл — лениво, сонно. Он смотрел, как в их сторону идет девушка. Потрясающая. Свитер в обтяжку, низко сидящие джинсы. С ума сойти.

— По-моему, этот Рено прав насчет конфет, — сказал Гови. Он тоже видел девушку — как она шагает по тротуару перед аптекой Крейна. Но течения его мыслей это не нарушило. Смотреть на девушек и пожирать их глазами — насиловать взглядом — можно было и машинально. — Я тоже не буду их продавать.

Девушка остановилась у металлической стойки с газетами перед входом в аптеку. Ричи смотрел на нее с мечтательным вожделением. Потом до него вдруг дошло, что сказал Гови.

— Не будешь? — спросил он.

Не отрывая жадных глаз от девушки, которая повернулась к ним спиной и предоставила для наблюдения обтянутые джинсами округлости, он поразмыслил над словами Гови. Момент был важный. Гови Андерсон не относился к числу рядовых учеников Тринити. Старосту одиннадцатого класса рядовым не назовешь — а он еще и отличник, и защитник основной футбольной команды. Да и на ринге умеет себя проявить — в прошлом году на школьных соревнованиях чуть не послал в нокаут этого кинг-конга Картера. Когда на уроках задавали трудный вопрос, его рука мигом взлетала вверх. Но попробуй ляпнуть ему что-нибудь не то на перемене, и та же самая рука мигом свалит тебя на пол. Битюг-интеллектуал — так назвал его за глаза один учитель. Если конфеты отказывается продавать жалкий новичок вроде

Рено, это ничего не значит. Но Гови Андерсон... да, тут стоит задуматься!

— Здесь все дело в принципе, — продолжал Гови.

Ричи сунул руку в карман и бесстыдно сгреб в горсть все свои причиндалы. Он не в силах был противиться этому порыву и уступал ему всякий раз, когда его охватывало возбуждение, из-за девушки или по любой другой причине.

— В каком принципе, Гови?

— Вот в каком, — сказал Гови. — Мы же платим Тринити за учебу, верно? Платим. Черт, я ведь даже не католик, и таких у нас сколько хочешь, но нам впаривают, что для подготовки в колледж во всей округе нет школы лучше Тринити. Вон в актовом зале витрина с призами — бокс, футбол, олимпиады. И что происходит? Из нас делают торговцев. Меня заставляют слушать всю эту божественную хреновину и даже ходить в церковь. А вдобавок еще и продавать конфеты. — Он прицельно плюнул, и шикарный плевок повис на почтовом ящике, стекая с него, точно слеза. — И вот появляется новенький. От горшка два вершка. И говорит: *нет*. Он говорит: «Я не буду продавать конфеты». Просто и гениально. То, что мне никогда в голову не приходило, — взять и перестать.

Ричи смотрел, как девушка медленно удаляется.

— Я с тобой заодно, Гови. С этой минуты больше не продам ни коробки. — Девушка уже почти скрылась из виду, заслоненная другими прохожими. — Хочешь объявить об этом официально? В смысле, собрать класс?

Гови на мгновение задумался.

— Нет, Ричи. У нас век демократии. Пусть каждый поступает как ему нравится. Если кто хочет торговать — на здоровье. Кто не хочет — имеет право.

Его голос звучал громко и авторитетно, словно он провозглашал свое кредо на весь мир. Ричи внимал ему с легким благоговением. Он был рад, что Гови не возражает против его компании — может, его лидерские качества, пусть в небольшой степени, передадутся и ему. Он снова обратил взгляд на улицу в поисках очередной соблазнительной девушки.

* * *

Воздух в спортзале был насыщен едким запахом пота. Занятия уже кончились и зал опустел, но в нем по-прежнему стояло обычное физкультурное амбре — вонь взмокших мальчишечьих ног и подмышек. И гниловатый запах старых кроссовок. Это было одной из причин отвращения Арчи к спорту: он ненавидел любые выделения человеческого тела, будь то моча или пот. И терпеть не мог физкультуру, потому что она активизировала процесс вывода жидкости из организма через кожу. От одного вида мокрых, солевых спортсменов, обливающихся отходами собственной жизнедеятельности, его охватывало омерзение. У футболистов хотя бы принято носить форму, а вот у боксеров — только трусы. Взять, к примеру, того же Картера — весь в буграх мускулов, и каждая пора источает вонючую жижу. Когда такой щеголяет в одних трусах, зрелище получается почти непристойное. Вот почему Арчи избегал спортзала. И всеми правдами и неправдами уклонялся от физкультуры — о его изобретательности по этой части ходили легенды. Но сейчас он был здесь и ждал Оби. Тот оставил ему в шкафчике записку: «Встретимся в спортзале после уроков». Оби питал склонность к драматическим эффектам. А еще он отлично знал, что Арчи не любит спортзала, и все-таки назначил встречу именно здесь. Ах, Оби, как же ты, должно быть, меня ненавидишь, подумал Арчи, нимало не взволнованный этой мыслью. Очень даже неплохо, когда тебя ненавидят, — благодаря этому держишься в тонусе. И вдобавок можешь спокойно, без всяких угрызений совести колоть этих людей своими ядовитыми иглами, что он и проделывал с Оби постоянно.

Но сейчас его грызло раздражение. Где, черт возьми, этот кретин? Арчи сел на одну из скамеек для зрителей и вдруг почувствовал, как умиротворяюще действует на него тишина пустого зала. В последнее время спокойные минуты выдавались редко. Стражи — эти бесконечные задания, постоянное напряжение! А впереди новая череда заданий, и все ждут, что придумает Арчи. Но иногда Арчи ощущал себя пустым, выпотрошенным — ни одной идеи в голове. А тут еще его паршивые отметки! Он был уверен, что в этом полугодии завалит литературу — просто потому, что по литературе надо много читать, а он уже не мог позволить себе каждый вечер убивать по четыре-пять часов на какую-то дурацкую книгу. Вдобавок из-за Стражей и волнений по поводу своих отметок он перестал находить время для

себя самого, даже время на девушек. Раньше он частенько подъезжал к школе мисс Джером в другом конце города, где они учились и где после уроков, во-первых, было на что поглядеть, а во-вторых, обычно удавалось залучить какую-нибудь из них в машину, чтобы подвезти домой. С остановкой в укромном местечке. И вместо всего этого он каждый день разрывается между делами Стражей и своим собственным домашним заданием, пытается все утрясти, да еще получает идиотские записочки от Оби. Встретимся в спортзале...

Наконец Оби явился. Да не просто так — он устроил из этого целый спектакль. Сначала выглянул из-за двери, потянул носом воздух и вообще изображал из себя шпиона, который приходит с холода^[8]. Экий дуралей!

— Эй, Оби, — сухо сказал Арчи. — Я здесь.

— Привет, Арчи. — отозвался Оби. Его кожаные подошвы звонко прощелкали по полу. В школе действовало правило: заходить в спортзал только в кроссовках или кедах, но, если поблизости не было учителей, никто его не соблюдал.

— Ну так чего тебе надо, Оби? — спросил Арчи, переходя прямо к сути, без всяких околичностей. Его голос оставался сухим и ровным, как африканская пустыня. То, что он вообще пришел на встречу, выдавало его любопытство. Арчи не хотел усиливать это впечатление, проявляя слишком живой интерес к тому, что Оби намерен ему сообщить. — Не будем терять время. Меня ждут важные дела.

— Это тоже важно, — сказал Оби. С его узкого, худощавого лица никогда не сходило выражение хронического беспокойства. Потому-то он и был прирожденным шестеркой, мальчиком на побегушках. Из тех, кого так и подмывает пнуть ногой, даже если они уже валяются на полу. И вот что еще было понятно: что после он встанет и поклянется отомстить, но никогда этого не сделает. И духу не хватит, и смекалки тоже. — Помнишь того новичка, Рено? Его задание насчет конфет?

— Ну?

— Он их так и не продает.

— И что с того?

— Как «что с того»? Ему же велели не продавать их в течение десяти учебных дней. Так вот. Десять дней прошли, а он все «нет» да «нет».

— Ну и что?

Вот что больше всего бесило Оби — эта манера Арчи изображать полную невозмутимость, прикидываться абсолютно спокойным. Скажи ему, что завтра на них сбросят атомную бомбу, и наверняка снова услышишь в ответ: «Ну и что?» Это раздражало Оби в основном потому, что он чувствовал в этом притворство, понимал, что на самом деле Арчи не так уж спокоен, как можно было подумать по его виду. И Оби ждал случая в этом убедиться.

— То, что теперь вся школа полна слухов. Во-первых, многие считают, что Стражи по-прежнему в этом замешаны, что Рено до сих пор выполняет наше задание и поэтому отказывается торговать конфетами. Потом, кое-кто знает, что срок задания кончился, и думает, что Рено решил взбунтоваться против продажи. Они говорят, что брат Леон каждый день лезет на стенку...

— Прелестно, — сказал Арчи, наконец-то проявляя хоть какую-то эмоциональную реакцию на слова Оби.

— Каждый день Леон проводит переключку, и каждый день этот малый, сосунок, сидит там и посылает его в жопу с его долбаными конфетами.

— Прелестно.

— Ага, красота.

— Продолжай, — сказал Арчи, игнорируя сарказм Оби.

— В общем, я так понимаю, что продажа проваливается. Никто и раньше не хотел продавать конфеты, а теперь в некоторых классах это и вовсе превращается в фарс.

Оби сел на скамейку рядом с Арчи и замолчал, давая ему время переварить услышанное. Тот потянул носом воздух и сказал:

— Ну и вонища же тут. — Несмотря на показное равнодушие к словам Оби, он лихорадочно обдумывал ситуацию, взвешивая варианты.

Оби заговорил снова:

— Шустряки, подхалимы носятся и торгуют как сумасшедшие. То же самое Леоновы любимчики, его личная гвардия. Плюс те, кто еще верит в честь школы. — Он вздохнул. — Короче, много чего творится.

Арчи пристально вглядывался в дальний конец зала, будто там происходило что-то очень интересное. Оби посмотрел туда — ничего.

— Так что ты думаешь, Арчи? — спросил он.

— В каком смысле — что я думаю?

— Насчет ситуации. С Рено. Братом Леоном. Конфетами этими. Народ разбивается на партии...

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Арчи. — Не уверен, что Стражам стоит в это ввязываться. — Он зевнул.

Этот притворный зевок вывел Оби из себя.

— Послушай, Арчи. Стражи уже с этим связаны, хочешь ты того или нет.

— О чем ты?

— Да о том, что ты сам велел Рено не брать конфеты. С чего все и началось. Но он пошел дальше. Ему было велено исполнить задание, а потом согласиться их продавать. Теперь он бросает вызов Стражам. И многие это понимают. Нет уж, Арчи, хочешь не хочешь, а мы этого так оставить не можем.

Оби видел, что Арчи задет за живое. Что-то промелькнуло у него в глазах, словно из окна комнаты, которая только что была пустой, на секунду выглянул призрак.

— Никто не может бросить Стражам вызов...

— А Рено смог.

— ...и думать, что это сойдет ему с рук.

К Арчи снова вернулся отрешенный вид, его нижняя губа слегка отвисла.

— Значит, так. Организуй сбор Стражей и доставь туда Рено. Выясни, как идет продажа, — добудь результаты, факты и цифры.

— Ладно, — сказал Оби, записывая распоряжения в блокнот. Несмотря на свою ненависть к Арчи, он любил видеть, как тот принимается за дело. Оби решил подлить в огонь дополнительную порцию масла. — И еще, Арчи. Разве Стражи не обещали Леону, что помогут ему продать конфеты?

Оби снова попал в точку. Арчи повернулся к нему с неподдельным изумлением на лице. Но быстро оправился.

— С Леоном я сам разберусь. А ты делай, что тебе сказано.

Какая же ты сволочь, подумал Оби. Как я тебя ненавижу! Он захлопнул блокнот и оставил Арчи сидеть в отравленной атмосфере спортивного зала.

Глава двадцать вторая

Брайан Кокран не мог поверить своим глазам. Он еще раз просмотрел результаты, чтобы убедиться в их правильности. Нет, он ничего не напутал. Хмурясь, покусывая карандаш, он размышлял над итогами своих подсчетов — скорость продаж падала катастрофически. Вот уже целую неделю все упорно катилось под уклон. Но самый заметный скачок произошел вчера.

Что скажет брат Леон? Это беспокоило Брайана больше всего. Брайан ненавидел работу казначея не только потому, что она была утомительной, но в первую очередь потому, что она обязывала его вступать в личный контакт с братом Леоном. А с Леоном Брайан всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Учитель был капризен, непредсказуем. Ему вечно что-нибудь да не нравилось. Замечания, замечания — у тебя семерки не отличить от девяток, Кокран. Или: ты неправильно написал фамилию Гаструччи, Кокран. В ней два «ч».

До сих пор Брайану везло. Брат Леон бросил проверять цифры ежедневно, как будто предвидя, что они его разочаруют, и желая по возможности оттянуть неприятный момент. Но сегодня Брайана ждала расплата за это временное спокойствие. Учитель велел ему подготовить все результаты. Скоро он должен был прийти в кабинет. Да он взовьется до потолка, когда увидит расчеты! Подумав об этом, Брайан невольно содрогнулся. Он читал, что в давние времена иногда убивали гонцов, доставивших плохие вести, и подозревал, что брат Леон как раз из таких правителей, что он захочет выместить на ком-нибудь свою досаду. Так на ком же, если не на нем? Брайан устало вздохнул. За окном стоял чудесный октябрьский денек, и ему очень хотелось вырваться отсюда и погонять по городу на стареньком «шевроле», который отец подарил ему к началу учебы. Он обожал эту машину. «Я и мой шеви», — промурлыкал он на мотив песенки, которую слышал по радио.

— Итак, Брайан...

Брат Леон умел подкрадываться незаметно. Брайан подскочил и чуть не вытянулся по стойке «смирно». Ему самому было противно, но он ничего не мог поделать — так уж действовал на него этот учитель.

— Да, брат Леон.

— Садись, садись, — сказал Леон и опустился в кресло за столом. Как обычно, ему было жарко. Сняв свой черный пиджак, он остался в рубашке с мокрыми пятнами под мышками, и до Брайана донесся слабый запах пота.

— Результаты плохие, — сказал Брайан, сразу кидаясь головой в омут, чтобы поскорее покончить с этим, сбежать из школы, из этого кабинета, от удушающего общества Леона. И вместе с тем чувствуя прилив злорадного торжества: этот Леон такой урод, что всегда приятно его огорчить.

— Плохие?

— Пока продано мало. Меньше, чем в прошлом году. А в прошлом году надо было продать вдвое меньше, чем в этом.

— Да знаю, знаю, — резко сказал Леон, отворачиваясь от него в своем вертящемся кресле, точно Брайан не заслуживал того, чтобы обращаться к нему напрямую. — Ты уверен, что правильно подсчитал? А то ведь по части арифметики ты у нас далеко не гений, Кокран.

Брайан покраснел от обиды. Ему очень хотелось швырнуть таблицы учителю в лицо, но он удержался. Никто не станет проявлять характер наедине с братом Леоном. Уж во всяком случае, не Брайан Кокран, которому только бы поскорее отсюда слинять.

— Я все перепроверил, — сказал Брайан, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее.

Молчание.

Пол под ногами Брайана задрожал. Наверное, в спортзале тренируется боксерская секция — вольные упражнения или что там еще у них бывает.

— Кокран. Назови фамилии учеников, которые выполнили или превысили норму.

Брайан взялся за свои бумаги. Задача была простая, поскольку брат Леон требовал вести все отчеты с перекрестными ссылками — так можно было мигом определить, как движутся дела у любого ученика.

— Салки — шестьдесят две. Марония — пятьдесят восемь. Леблан — пятьдесят две...

— Не тараторь, — скомандовал брат Леон, по-прежнему глядя в сторону. — Начни еще разок, и помедленней.

Брайана передернуло, но он начал снова, произнося имена более тщательно, выдерживая паузы между именами и числами:

— Салки... шестьдесят две... Марония... пятьдесят восемь... Леблан... пятьдесят две... Карони... пятьдесят...

Брат Леон кивал головой, точно слушал прекрасную симфонию, точно по воздуху плыли звуки, услаждающие слух.

— Вартен... пятьдесят... — Брайан помедлил. — Это все, кто выполнил норму или превысил ее, брат Леон.

— Перечисли других. Многие ученики продали больше сорока коробок. Назови их имена... — Лицо по-прежнему смотрит в сторону, тело сгорбилось в кресле.

Брайан пожал плечами и стал читать дальше, называя фамилии нараспев, делая вымеренные паузы, как бы прислушиваясь к собственному голосу, смакующему имена и числа, — странная и диковая литания в тихом кабинете. Когда кончились те, кто продал больше сорока коробок, он перешел к продавшим от тридцати до сорока, и брат Леон не остановил его.

— Салливан... тридцать три... Чарльтон... тридцать две... Келли... тридцать две... Амброз... тридцать одна...

Время от времени Брайан посматривал на брата Леона, который все кивал, словно общаясь с кем-то невидимым, а может, только с самим собой. А декламация продолжалась — от продавших больше тридцати к продавшим больше двадцати.

Скользнув взглядом в конец списка, Брайан понял, что его ждут неприятности. Когда он покончит с теми, чьи результаты превышают двадцать и десять, будет большая дыра. Как Леон отреагирует на итоги самых нерадивых? Брайану постепенно становилось жарко, его голос начинал хрипеть. Он мечтал о глотке воды — не только чтобы смочить пересохшее горло, но и чтобы снять напряжение шейных мышц.

— Антонелли... пятнадцать... Ломбар... тринадцать... — Он прокашлялся, сбив ритм, прервав гладкое течение отчета. Глубокий вдох, и: — Картье... шесть. — Он кинул взгляд на брата Леона, но учитель не шелохнулся. Его руки, сцепленные вместе, лежали на коленях. — Картье... он продал только шесть, потому что не ходил в школу. Аппендицит. Его забрали в больницу...

Брат Леон махнул рукой, словно хотел сказать: «Понимаю, это неважно». По крайней мере, так понял его Брайан. А еще этот жест, похоже, означал: «Продолжай». Брайан посмотрел на последнее имя, замыкающее список:

— Рено... ноль.

Пауза. Больше имен нет.

— Рено... ноль, — повторил брат Леон свистящим шепотом. — Ты можешь себе это представить, Кокран? Питомец Тринити, который отказался продавать шоколадные конфеты? Знаешь, что случилось, Кокран? Знаешь, отчего наши результаты так резко упали?

— Не знаю, брат Леон, — неловко ответил Брайан.

— Наши ребята заразились, Кокран. Подцепили болезнь, которая называется равнодушие. Страшную болезнь. Трудноизлечимую.

О чем он толкует?

— Прежде чем искать лекарство, следует определить причину. Но в этом случае, Кокран, причина уже известна. Носитель заразы известен.

Теперь Брайан понял, куда он клонит. Леон решил, что причина болезни, носитель заразы — это Рено. И, словно прочитав мысли Брайана, Леон прошептал:

— Рено... Рено...

Ни дать ни взять сумасшедший профессор, строящий планы мести в своей подземной лаборатории.

Глава двадцать третья

— Я выхожу из команды, Джерри.

— Почему, Струч? Я думал, тебе нравится футбол. У нас только стало получаться. Ты вчера так здорово принял пас.

Они шли к автобусу. Была среда — день, когда футбольной тренировки нет. Джерри не терпелось поскорее добраться до остановки. Все дело было в девушке — прекрасной, с волосами цвета кленового сиропа. Он видел ее там несколько раз, и она ему улыбалась. Однажды он подобрался к ней так близко, что смог прочесть на одном из учебников, которые она держала в руках, ее имя. Эллен Баррет. Когда-нибудь он соберется с духом и заговорит с ней. *Привет, Эллен.* Или позвонит ей по телефону. Может, уже сегодня.

— Давай побежим, — сказал Стручок.

И они ринулись вперед корявой, неуклюжей рысью. Учебники мешали им бежать свободно и плавно, но даже такой бег, похоже, поднял Стручку настроение.

— Ты это серьезно насчет выхода из команды? — спросил Джерри. На бегу его голос звучал напряженно, заметно выше обычного.

— Я должен уйти, Джерри. — Стручок был рад, что его собственный голос ничуть не изменился.

Их ботинки стучали по тротуару.

— Да почему? — спросил Джерри.

Пора было сворачивать на Гейт-стрит. На повороте Джерри резко прибавил скорости и вырвался вперед. Ну как ему объяснить, подумал Стручок.

Джерри оглянулся через плечо. Лицо у него покраснело от натуги.

— Почему, черт побери?

Чтобы поравняться с приятелем, Стручку хватило лишь небольшого ускорения. Он легко мог бы обогнать его.

— Ты слышал, что случилось с братом Юджином? — спросил Стручок.

— Его перевели, — ответил Джерри, выдавливая из себя слова, как зубную пасту из тюбика. Футбол помогал ему держаться в

приличной форме, но он не был бегуном и не имел нужной спортивной обуви.

— А я слышал, он на больничном, — сказал Стручок.

— Какая разница? — откликнулся Джерри. Он глубоко вдохнул ароматный осенний воздух. — Слушай, с ногами у меня нормально, но руки сейчас отвалятся. — В каждой руке у него было по два учебника.

— Беги, беги.

— Псих — вот ты кто.

Стручку было приятно это слышать.

Впереди показался перекресток Грин и Гейт. Видя, как устал Джерри, Стручок сбавил темп.

— Говорят, после того случая с его классом он так толком и не оправился. Говорят, он совсем сдал. Ни есть, ни спать не может. Такой шок.

— Брехня, — с трудом отозвался Джерри. — Струч, у меня все в груди горит. Сил больше нет.

— Я знаю, каково ему, Джерри. Знаю, что от такого можно по-настоящему свихнуться. — Ветер дул ему в лицо, так что приходилось кричать. Они никогда не обсуждали разгрома класса номер девятнадцать, хотя Джерри знал, что Стручок к этому причастен. — Бывают люди, которые не переносят жестокости. И поступать так с человеком вроде Юджина было жестоко...

— Какая связь между братом Юджином и футболом? — спросил Джерри. Теперь он уже по-настоящему задыхался — ему казалось, что его легкие вот-вот разорвутся. Кроме того, с него ручьями лил пот, а руки нещадно ныли от тяжести книг.

Стручок включил тормоза, замедлил бег и вскоре остановился совсем. Джерри, отдуваясь, рухнул на обочину лужайки перед ближайшим домом. Грудь его ходила ходуном, как кузнечные мехи.

Стручок присел на бордюр, опустив ноги в сточную канавку, и уперся взглядом в палые листья, устилающие ее дно. Он пытался придумать, как объяснить Джерри связь между братом Юджином, хозяином разгромленного класса номер девятнадцать, и тем, что он сам не может больше играть в футбол. Он знал, что эта связь существует, но облечь ее в слова было трудно.

— Я вот о чем, Джерри. В этой школе есть что-то гнилое. Хуже того. — Он поискал нужное слово и нашел его, но не хотел произносить. Оно не сочеталось с тем, что их окружало, с ярким

октябрьским солнцем и погожим днем. Для этого слова больше подошли бы полночь и завывания холодного ветра.

— Стражи? — спросил Джерри. Он улегся на лужайку и смотрел в голубое небо, по которому спешили осенние облака.

— Они часть этого, — сказал Стручок. Ему опять захотелось бежать. — Зло, — сказал он.

— Что?

Бред. Джерри подумает, что он спятил.

— Ничего, — отметил Стручок. — В общем, я не смогу играть в футбол. Это личное, Джерри. — Он глубоко вздохнул. — И на соревнования по бегу весной не пойду.

Они помолчали.

— Да что с тобой стряслось? — наконец спросил Джерри с явной тревогой и участием в голосе.

— Ты посмотри, что они с нами делают. — Сейчас говорить об этом было легче, потому что они не смотрели друг на друга. Взгляд обоих был направлен вперед. — Что они сделали со мной тогда ночью в классе — я плакал как ребенок, а мне ведь казалось, что я уже никогда в жизни так не смогу. А с братом Юджином что сделали — искалечили его класс, его самого...

— Да брось ты.

— И с тобой что они делают — из-за этих конфет.

— Это же все игра, Струч. Народ развлекается. Ну и черт с ними. А брат Юджин, наверное, и так уже был на грани...

— Нет, Джерри, это не просто игра. Все, что может довести человека до слез и заставить учителя уехать — столкнуть его за грань, — это не просто игра, а кое-что похуже.

Они просидели так еще долго — Джерри на лужайке, Стручок на бордюре. Джерри понимал, что уже вряд ли успеет увидеть ту девушку, Эллен Баррет, но чувствовал, что сейчас Стручку нужно его общество. Знакомые ребята из школы проходили мимо и окликали их. Подкатил автобус и остановился рядом. Когда Стручок помотал головой, отказываясь в него садиться, водитель посмотрел на них с явным неодобрением.

Через некоторое время Стручок сказал:

— Начни продавать конфеты, ладно?

— А ты играй в футбол, — ответил Джерри.

Стручок покачал головой:

— Тринити от меня больше ничего не дождется. Ни футбола, ни бега — ничего.

Они посидели в грустном молчании. Потом наконец собрали книги, поднялись и медленно побрели к остановке.

Девушки там не было.

Глава двадцать четвертая

— У тебя неприятности, — сказал брат Леон.

Это у тебя неприятности, чуть не ответил Арчи. Но сдержался. Раньше он никогда не говорил с братом Леоном по телефону, и бестелесный голос на том конце провода застал его врасплох.

— Что случилось? — осторожно спросил Арчи, хотя он, конечно, знал ответ.

— Конфеты, — сказал Леон. — Их почти перестали продавать. Все мероприятие под угрозой. — Дыхание Леона заполняло паузы между словами, как будто он пробежал несколько километров. Неужто он на грани паники?

— А конкретно? — спросил Арчи, уже успокоившись и выгадывая время. Ситуация была известна ему во всех подробностях.

— Хуже не бывает. Расчетный срок прошел больше чем наполовину, и первоначальный энтузиазм угас. А конфет продано меньше половины, и дело практически буксует. — Леон помедлил. — Пользы от тебя немного, Арчи.

Арчи покачал головой в невольном восхищении. Ай да Леон — его приперли к стенке, а он даже не думает переходить к обороне! *Пользы от тебя немного, Арчи.*

— Вы хотите сказать, с финансами плохо? — спросил Арчи, начиная ответное наступление. Для Леона это могло выглядеть как выстрел наугад, но такой вывод был бы ошибкой. Вопрос Арчи опирался на информацию, которую он получил сегодня после уроков от Брайана Кокрана.

Кокран остановил Арчи в коридоре второго этажа и поманил его в пустой класс. Арчи пошел за ним с неохотой. Парень вел книги Леона и был, возможно, его прихвостнем. Но то, что он сообщил, опровергло подозрения Арчи.

— Слушай, Арчи, по-моему, Леон крупно влип. Тут речь идет больше чем о конфетах.

Арчи покорила фамильярность Кокрана, то, что он назвал его по имени. Но он промолчал: ему было любопытно, что Кокран хочет рассказать.

— Я подслушал разговор Леона с братом Жаком. Жак пытался загнать его в угол. Все повторял, что Леон вроде бы как превысил свои полномочия. Произвел перерасход школьных средств. Так он и выразился: перерасход. И в этом замешаны конфеты. Что-то про двадцать тысяч коробок и про то, что Леон заплатил за них вперед наличными. Всего я не слыхал... Удрал, пока они не заметили, что я околачиваюсь поблизости.

— И что ты про это думаешь, Кокран? — спросил Арчи, хотя ему и так все было ясно. Чтобы расплатиться со школой, Леону требовалось по меньшей мере двадцать тысяч долларов.

— Я думаю, Леон купил эти конфеты на деньги, которые ему не разрешалось использовать. Теперь продажа идет плохо, и он не знает, что делать. А брат Жак почуял, что запахло жареным...

— У Жака котелок варит, — сказал Арчи, вспомнив, как поступил учитель, получив его анонимную подсказку насчет слов «окружающая среда». В тот раз он всласть поиздевался над всем классом, и в том числе над Оби. — Хорошая работа, Кокран.

Услышав похвалу, Кокран расцвел. Вдохновленный, он извлек из книги, которую держал в руках, несколько листов бумаги.

— Взгляни на это как-нибудь, Арчи. Это данные по продаже, прошлогодней и нынешней. Сейчас все хреново. И Леон, по-моему, задержался...

Но Кокран плохо знает Леона, сообразил Арчи теперь, слушая вибрирующий в трубке голос учителя. Леон проигнорировал коварный намек Арчи на финансы и возобновил свою атаку:

— Я полагал, у тебя есть влияние, Арчи. У тебя и твоих... друзей.

— Это не моя продажа, брат Леон.

— Напрасно ты так считаешь, ох, напрасно, — вздыхая, сказал Леон. Это был фальшивый вздох, его обычная манера. — Ты же играл в свои игры с этим новичком Рено. Нет уж, ты сам заварил кашу, тебе ее и расхлебывать.

Рено. Арчи подумал о его отказе продавать конфеты, об этом нелепом бунте. Вспомнил о торжестве в голосе Оби, когда тот рассказывал ему о поведении Рено: а ну-ка, Арчи, поломай голову. Интересно, как ты теперь выкрутишься. Что ж, Арчи не привыкать — он выкручивался раньше, выкрутится и на этот раз.

И он принял решение.

— Минутку, — сказал он брату Леону. Положил трубку и принес из своей комнаты листки, вынутые Кокраном из учебника по истории США. — У меня здесь кое-какие цифры по прошлогодней продаже. Вы знаете, что в прошлом году еле-еле продали все конфеты? Ребятам уже надоело торговать. Тогда для того, чтобы заставить их продать двадцать пять коробок по доллару за каждую, понадобилась куча разных наград и бонусов. А сейчас у них по пятьдесят коробок на душу, за которые они должны получить по два доллара. Вот почему продажа буксует, а не потому, что кто-то играет в какие-то игры.

Дыхание брата Леона заполнило трубку, точно на другом конце линии находился не школьный учитель, а анонимный извращенец.

— Арчи, — сказал он угрожающим шепотом, словно информация, которую он хотел сообщить, была слишком ужасной, чтобы говорить о ней в полный голос. — Мне плевать на твои фокусы. Мне плевать, кто виноват — Рено, или твоя подпольная шайка, или общая экономическая ситуация. Я знаю только, что конфеты не продаются. А мне нужно, чтобы они были проданы!

— И как же, по-вашему, этого добиться? — спросил Арчи, снова пытаясь выиграть время. Странно: он ведь знал, что Леон сейчас в рискованном положении, и тем не менее всегда оставалась опасность недооценить учителя. За ним по-прежнему стоял авторитет школьных властей, а за Арчи была только его сообразительность да горстка ребят, которые без него ровно ничего собой не представляли. Чистые нули без палочки.

— Возможно, тебе надо начать с Рено, — сказал Леон. — Я полагаю, его следует заставить сказать «да» вместо «нет». Я убежден, что для тех, кто хочет провалить продажу, он стал своего рода живым знаменем. Симулянты, недовольные — они ведь всегда собираются вокруг мятежников. Рено должен продавать конфеты. И ты, и твои Стражи — да, я произношу это название вслух, — Стражи должны поддержать наше мероприятие всеми своими силами...

— Это звучит как приказ, брат Леон.

— Ты подобрал верное слово, Арчи. Приказ — именно так.

— Не очень понимаю, о чем вы говорите, брат Леон.

— Я объясню, Арчи. Если на продаже будет поставлен крест, на вас со Стражами тоже будет поставлен крест. Поверь мне...

Арчи подмывало ответить ударом на удар, заявить Леону, что он знает о его финансовых проблемах, но ему не дали такой возможности. Леон, этот сукин сын, повесил трубку, и Арчи в ухо ударили гудки отбоя.

8

Перевод Д. Орловской. Предполагают, что этот стишок появился в начале XVI в., когда шотландский король Яков VI стал английским королем Яковом I. В результате этого союза был составлен новый герб, где шотландский Единорог и британский Лев, соперничество между которыми длилось веками, поддерживают геральдический щит.

Глава двадцать шестая

— Алло.

Все его мысли куда-то разбежались.

— Алло!

Она ли это? Наверняка она: это были последние Барреты в книге, и голос звучал так звонко и соблазнительно — он вполне гармонировал со всей той прелестью, которую Джерри видел на остановке.

— Алло, — выдавил из себя он. Какое-то отвратительное кваканье.

— Это Дэнни? — спросила она.

Его мгновенно захлестнула безумная ревность к Дэнни, кем бы он ни был.

— Нет, — снова жалко квакнул он.

— А кто? — спросила она уже слегка сердито.

— Это Эллен? Эллен Баррет? — Странно было произносить это имя. Раньше он не произносил его так громко — только шептал, зато тысячу раз.

Молчание.

— Слушай, — начал он с отчаянно бьющимся сердцем. — Слушай, ты меня не знаешь, но я вижу тебя каждый день...

— Вы что, извращенец? — спросила она без всякого испуга, просто с добродушным любопытством, как будто собиралась крикнуть: «Эй, мам, тут какой-то извращенец звонит!»

— Да нет. Я парень с остановки.

— Какой парень? С какой остановки? — Ее голос сделался требовательным, даже недовольным.

Вчера ты мне улыбнулась, хотел сказать он. И позавчера, и на прошлой неделе. А еще я тебя люблю. Но не мог. Ему вдруг стало ясно, насколько все это бессмысленно, в какой нелепой ситуации он очутился. Не будет нормальный парень звонить девушке только потому, что она ему улыбнулась, и знакомиться с ней под этим соусом. Да она, может, улыбается за день целой сотне разных людей.

— Извини, что побеспокоил, — сказал он.

— А ты точно не Дэнни? Ты что, разыгрываешь меня, Дэнни? Слушай, я тебе честно говорю, ты меня уже задолбал...

Джерри повесил трубку. Он больше ничего не хотел слышать. Слово «задолбал», будто эхом отдающееся у него в мозгу, мигом разрушило все его иллюзии. Как если бы он встретил писаную красавицу и она улыбнулась ему, выставив напоказ гнилые зубы. Но сердце у него продолжало колотиться. *Вы что, извращенец?* Может, и так. Не в сексуальном смысле, а в другом. Разве отказ продавать конфеты нельзя считать своего рода извращением? Разве это не полная дурь — отказываться продавать их даже после вчерашнего последнего предупреждения, сделанного Арчи на сходке Стражей? И все же сегодня утром он продолжал гнуть свою линию и снова выдал брату Леону спокойное и решительное «нет». И в первый раз этот ответ вызвал у него прилив воодушевления, чуть ли не восторга.

Когда в его ушах еще звучало это последнее «нет», Джерри казалось, что сейчас разразится какая-нибудь катастрофа — рухнет школьное здание, например. Но ничего не случилось. Он видел, как Стручок сокрушенно покачал головой. Но Стручок не знал об этом его новом чувстве, об ощущении, что все мосты позади сожжены и теперь ему впервые в жизни действительно наплевать, что с ним будет. Он вернулся домой еще возбужденный — иначе ему не хватило бы смелости обзвонить всех Барретов из справочника и поговорить наконец с той девушкой. Конечно, эта затея с треском провалилась. Но он все-таки позвонил, сделал решительный шаг, нарушил серое однообразие своих дней.

Внезапно проголодавшись, он пошел на кухню, достал из морозильника коробку с мороженым и вывалил на тарелку щедрую порцию.

— Меня зовут Джерри Рено, и я не буду продавать конфеты, — сказал он пустой квартире.

И его голос, и сами эти слова прозвучали твердо и благородно.

Глава двадцать седьмая

Конечно, им не стоило вызывать на собрание Фрэнки Ролло. Одиннадцатиклассник, Ролло был известный нахал и смутьян. Он упорно отказывался участвовать в спортивных соревнованиях и других внеклассных мероприятиях, которые традиционно играли в Тринити важную роль. Он редко открывал учебник и никогда не делал домашних заданий, но благодаря своему природному чутью и сметливости умудрялся получать приемлемые отметки. Мухлевать он умел блестяще. Кроме того, ему еще и везло. В обычных условиях Арчи с удовольствием взял бы такого в оборот, чтобы согнуть или сломать. Как правило, очутившись перед Арчи и Стражами, эти так называемые крепкие орешки мигом превращались в большую порцию дрожащего желе. В напряженной атмосфере кладовки рядом со спортзалом вся их развязность и высокомерие куда-то улетучивались. Но Фрэнки Ролло оказался из другого теста. Он стоял перед Арчи спокойно и свободно, ни капли не робея.

— Имя? — спросил Арчи.

— Не смейся, Арчи, — отозвался Ролло, широко улыбаясь. — А то ты не знаешь, как меня зовут.

Наступила устрашающая тишина. Но перед этим кто-то успел изумленно ахнуть. Арчи по-прежнему сидел с каменным лицом, следя за тем, чтобы не выдать никаких эмоций. Но в душе он был потрясен. Раньше ему никогда так не отвечали. Никто не осмеливался дерзить Арчи, когда его вызывали для получения задания.

— Смотри, Ролло, допрыгаешься, — не выдержал Картер. — Быстро называй свое имя.

Молчание. Арчи ругнулся про себя. Вмешательство Картера было очень неприятно — как будто он бросился ему на выручку. Обычно собрания проходили под диктовку Арчи и он не терпел никакой самостоятельности.

Ролло пожал плечами.

— Я Ролло, Фрэнки Ролло, — нараспев провозгласил он.

— Думаешь, ты важная птица? — спросил Арчи. — Орел?

Ролло не ответил, но ухмылка на его лице была достаточно красноречивой.

— Орел, — снова повторил Арчи, точно смакуя это слово. Но на самом деле он растерялся и просто хотел выиграть время, чтобы собраться с мыслями. Он понимал, что сейчас придется импровизировать, чтобы как-то осадить этого наглеца.

— Ну, раз ты так считаешь... — самодовольно протянул Ролло.

— Мы здесь любим орлов, — сказал Арчи. — Это наше любимое занятие — делать из них воробышков...

— Завязывай, Арчи, — сказал Ролло. — Кого ты из себя корчишь-то?

И снова молчание — по комнате словно прокатилась ударная волна, ошеломившая всех. Даже Оби, который давно мечтал о том, как очередная жертва когда-нибудь бросит вызов великому Арчи Костелло, заморгал от удивления.

— Что ты сказал? — произнес Арчи, точно откусывая каждое слово и выплевывая его в Ролло.

— Слушайте, ребята, — сказал Ролло, отвернувшись от Арчи и обращаясь ко всем остальным. — Я вам не новичок, который готов обоссаться от страха из-за того, что его вызвали к себе большие злые Стражи. Несчастный девятиклассник и тот на вас кладет — вы не можете заставить его продать коробку конфет...

— Вот что, Ролло... — вставая, начал Арчи.

Но он не успел закончить, потому что Картер стремительно вскочил на ноги. Он ждал подобного момента годами — все это время у него чесались руки, а он вынужден был неделю за неделей сидеть здесь без движения, глядя, как Арчи играет с вызванными в кошки-мышки.

— Ну хватит, Ролло! — воскликнул Картер. В то же мгновение его кулак метнулся вверх и врезался Ролло в подбородок. Голова Ролло с хрустом откинулась назад, и он взвыл от боли. Его руки инстинктивно дернулись вверх, чтобы прикрыть лицо, и в этот же миг Картер с тошнотворной неумолимостью утопил другой кулак у него в животе. Ошеломленный, Ролло со стоном сложился пополам, хватая ртом воздух, пытаясь унять жестокие позывы к рвоте. Кто-то пнул его сзади, он рухнул на пол и стал ползать по нему на четвереньках, кашляя и отплевываясь.

Стражи приветствовали выпад Картера одобрительным гулом. Наконец-то состоялся переход от слов к действиям, наглядным и эффективным!

— Убрать его отсюда, — распорядился Картер.

Двое добровольцев подняли и наполовину вынесли, наполовину выволокли Ролло в коридор. Арчи наблюдал за этой молниеносной расправой с чувством, близким к испугу. Ему не нравилось, что Картер неожиданно очутился в центре внимания, не нравилось, что его выход на авансцену встретил у всех остальных такой теплый прием. Впервые Арчи как назначающий оказался в тени, а ведь он велел Оби вызвать Ролло только для затравки, ради того, чтобы немного оживить собрание, главная цель которого заключалась в другом — обсудить поведение Рено и решить, что делать с этим упрямым новичком, не желающим вести себя как положено.

Картер стукнул молоточком, призывая собравшихся к порядку. В наступившей тишине было слышно, как Ролло бросили на пол в спортзале, а потом оттуда донесся звук рвоты, как будто в туалете спустили воду.

— Все, тихо! — рявкнул Картер, словно требуя от Ролло, чтобы тот прекратил безобразие. Потом обернулся к Арчи. — Сядь, — сказал он. Арчи услышал в его голосе командные нотки. Сначала ему захотелось поставить Картера на место, но затем он подумал, что сейчас не время выяснять отношения. Стражам понравилось, как их председатель разделался с Ролло, и пока важнее всего было сохранять спокойствие. Арчи сел.

— Настал момент истины, Арчи, — сказал Картер. — И вот как я это понимаю — поправь меня, если я ошибаюсь. Когда такие недоноски, как Ролло, приходят сюда и осмеливаются выступать против Стражей, это значит одно: что-то не в порядке. Сильно не в порядке. Нельзя позволять таким, как Ролло, думать, что они могут нам возражать. Пойдут слухи, и организация развалится. — Картер сделал паузу, чтобы все осмыслили эту угрожающую перспективу. — Итак, повторяю: что-то не в порядке. И я скажу вам, кто в этом виноват. Мы.

Его слова были встречены всеобщим удивлением.

— Почему это мы виноваты? — спросил Оби, вечно готовый подыграть кому угодно.

— Во-первых, потому что дали связать свое имя с этой гребаной торговлей конфетами. Как будто нам очень надо, чтобы она прошла успешно. Во-вторых, как сказал Ролло, потому что позволяем задрипанному новичку делать из нас идиотов. — Он повернулся к Арчи: — Так или нет? — В его тоне сквозила угроза.

Арчи не ответил. Он вдруг очутился в комнате, полной незнакомцев, и решил вовсе ничего не говорить. Если тебя обуревают сомнения, лучше помолчи. Дождись своего шанса. Конечно, возражать Картеру было бы глупо. Это знала уже почти вся школа: Рено отказывается продавать конфеты вопреки прямому распоряжению Стражей. Ради чего они, собственно, здесь собрались?

— Оби! — окликнул Картер. — Покажи, что ты нашел сегодня утром на доске объявлений!

Оби с готовностью повиновался. Он сунул руку под стул и вытащил оттуда сложенный вдвое плакатик. Развернул его и поднял так, чтобы все видели. Надпись, сделанная корявыми красными буквами, гласила:

В ЖОПУ КОНФЕТЫ
И
В ЖОПУ СТРАЖЕЙ

— Я увидел его потому, что опоздал на математику, — пояснил Оби. — Он висел на доске объявлений в главном коридоре.

— Как ты думаешь, многие его видели? — спросил Картер.

— Нет. За минуту до того я пробежал мимо: забыл в шкафчике учебник. И тогда на доске его не было. Так что, может, и вообще никто не видел.

— По-твоему, это работа Рено? — спросил кто-то.

— Нет, — фыркнул Картер. — Рено незачем расклеивать плакаты. Он уже давным-давно посылает в жопу и конфеты, и Стражей. Но это симптом. Разговоры идут. Если Рено может нас послать, то и другие скоро попытаются. — Он наконец снова обернулся к Арчи. — Ладно, Арчи. Ты у нас самый умный. К тому же из-за тебя мы во все это и впутались. Как будем действовать?

— Для паники нет никаких причин, — сказал Арчи спокойно и небрежно. Теперь он знал, что ему делать: он должен восстановить

свой обычный статус, стереть память об истории с Ролло и доказать, что он, Арчи Костелло, по-прежнему все контролирует. Он должен показать им, что в его власти разобраться и с Рено, и с конфетами. И он это сделает. Пока Картер выступал с речами, а Оби размахивал своим плакатом, Арчи усиленно соображал, взвешивал, рассчитывал. В конце концов, под давлением ему всегда лучше думалось. — В-первых, нельзя ходить по школе и избивать всех подряд. Именно поэтому при назначении заданий я обычно стараюсь не прибегать к силовым методам. Если мы начнем махать кулаками, учителя нас мигом прикроют, да и ребята будут саботировать в открытую. — Заметив, как нахмурился Картер, Арчи решил бросить ему косточку: с председателем Стражей лучше поддерживать хорошие отношения. — Ладно, Картер, я признаю, что ты красиво отоварил Ролло и что он сам напросился. Но Ролло никого не волнует. Он может провалиться в своей блевотине до второго пришествия, и никто даже не почешется. Но Ролло — это исключение.

— Ролло — это пример, — возразил Картер. — Когда все узнают, что с ним случилось, никто больше не рискнет перед нами выдрючиваться и развешивать плакаты.

Предвидя тупик в этом направлении, Арчи сменил тему.

— Но конфеты от этого лучше продаваться не станут, — заявил он. — Ты сам сказал, что Стражи связали себя с этой торговлей. В таком случае решение просто: давайте покончим с ней как можно быстрее. Давайте продадим все конфеты. Если сейчас Рено превращается в героя, потому что он отказывается их продавать, как, по-вашему, он будет выглядеть, если продавать будет вся школа, кроме него?

Судя по одобрительным возгласам, некоторым из Стражей эта мысль пришлась по вкусу, но Картер еще не расстался со своими сомнениями.

— И как же ты заставишь всю школу продавать конфеты, Арчи?

Арчи позволил себе негромко и уверенно усмехнуться в ответ, но при этом сжал кулаки, чтобы спрятать свои взмокшие ладони.

— Да очень просто, Картер. Ты же знаешь, что простота — родная сестра гениальности. — Все замороженно затихли, как обычно, когда Арчи начинал разворачивать перед ними свои великолепные планы. — Мы сделаем так, что продавать их станет почетно. Объясним, что

торговля конфетами — это здорово. Мы развернем агитацию. Все спланируем. Мы привлечем на нашу сторону старост, членов студенческого совета, ребят, которые пользуются авторитетом. Продай или умри ради старой доброй Тринити! Все на продажу!

— Не каждый захочет продать пятьдесят коробок, — вмешался Оби, встревоженный тем, что Арчи, похоже, снова вернул себе власть и снова начал кормить их с ладошки.

— Захотят, Оби, все захотят, — твердо возразил Арчи. — Как это говорится — делай свое дело? Благодаря нам каждый школьник поймет, что его дело — торговать шоколадными конфетами. И Стражи, как всегда, выйдут из этой истории победителями. Вся школа будет носить нас на руках за то, что мы помогли ей избавиться от этих конфет. Мы сможем диктовать брату Леону и учителям свои условия. Ради чего я, по-вашему, обещал Леону нашу поддержку? — В мягком голосе Арчи звучала уверенность — эта интонация была его фирменным знаком, неизменно сопровождавшим свободное и головокружительное парение его мысли. Стражи оценили мощь Картера, который в два счета расправился с Ролло, но им было спокойнее повиноваться Арчи, великому Арчи, который умел удивлять их раз за разом.

— А как насчет Рено? — спросил Картер.

— О Рено не беспокойся.

— А я вот беспокоюсь, — язвительно отозвался Картер. — Он из нас дурачков делает.

— С Рено все уладится само собой, — сказал Арчи. Неужели Картер и остальные этого не понимают? Как можно до такой степени не разбираться в человеческой природе, не уметь оценивать ситуацию? — Позволь мне выразить это так, Картер. Еще до того, как мы продадим все конфеты, Рено будет кусать локти, жалея, что он отказался в этом участвовать. А вся школа будет радоваться, что он так поступил.

— Отлично, — сказал Картер и стукнул молоточком. Он всегда прибегал к этому средству, если чувствовал неуверенность. Молоточек был продолжением его кулака. Но, смутно ощущая, что Арчи каким-то образом вывернулся из его хватки и снова оказался победителем, Картер добавил:

— Но смотри, Арчи, если ничего не выгорит, если продажа провалится, виноват будешь ты, ясно? Тогда тебе конец без всякого черного ящика.

Щеки Арчи порозовели, а на его виске угрожающе забились жилки. Еще никто не осмеливался говорить с ним в подобном тоне — во всяком случае, вот так, у всех на глазах. Однако он остался стоять в непринужденной позе и сохранил на губах улыбку, точно ярлык на бутылке, пряча за ней свое унижение.

— Молись, чтоб тебе не ошибиться, Арчи, — сказал Картер. — Я считаю, пока не продана последняя конфета, ты у нас вроде как на испытательном сроке.

Последнее унижение. Испытательный срок.

Арчи продолжал улыбаться, пока не почувствовал, что у него сейчас треснут щеки.

Глава двадцать восьмая

Он отдал мяч, шлепнув его в живот Гилмету, и остался поблизости, дожидаясь, когда Картер кинется через линию. По игре Джерри должен был атаковать Картера и сбить его с ног — задача малопривлекательная. Картер был тяжелее как минимум килограммов на двадцать, и тренер специально выпускал его на поле против команды новичков, чтобы они узнали, почему фунт лиха. Но ведь не зря тренер всегда говорил: «Неважно, какое перед вами тело, — важно, что вы с ним сделаете».

Вскоре Джерри увидел, как Картер вынырнул из кучи игроков вслед за Гилметом, который уже ринулся к воротам. Картер мчался наперерез Гилмету на полной скорости, точно сошедший с рельсов товарняк, но он уже упустил момент. Джерри прыгнул ему под ноги, ориентируясь, по инструкции тренера, на самую уязвимую область — колени. Они с Картером столкнулись, как автомобиль с поездом. В глазах у Джерри вспыхнули разноцветные искры — Четвертое июля^[9] в середине октября. Оба полетели наземь одним клубком, все руки и ноги вперемешку. Это было по-футбольному честное, бодрящее столкновение — может быть, не такое чудесное, как удавшийся пас или обманный финт, который выводит соперника из равновесия, но все равно замечательное и притом смелое, по-мужски достойное.

Свежий влажный аромат травы и земли хлынул Джерри в нос, и он позволил себе на мгновение расслабиться, насладиться прелестью момента, зная, что ему удалось выполнить свое задание — сбить Картера. Подняв глаза, он увидел, как Картер встает на ноги, удивленно покачивая головой. Вставая вслед за ним, Джерри ухмыльнулся. Вдруг его ударили сзади — это был жестокий, тошнотворной силы удар по почкам. Колени у него подогнулись, и он невольно присел. Когда он попытался обернуться, чтобы посмотреть, кто его атаковал, на него обрушился второй удар, тоже сзади, и он вновь полетел наземь. На глазах у Джерри выступили слезы, потом он почувствовал, как они текут по щекам. Обернувшись, он увидел, что игроки занимают позиции для следующего розыгрыша.

— Шевелись, Рено, — окликнул его тренер.

Он встал на одно колено, потом кое-как поднялся на ноги. По телу разливалась тупая, ноющая боль.

— Живей, живей, — раздраженно, как всегда, поторопил тренер.

Джерри осторожно побрел на свое место. Он встал в общий круг, соображая, какую комбинацию объявить следующей, но какая-то часть его мыслей была занята другим. Он поднял голову и обвел поле взглядом, как бы прикидывая, что делать дальше. Кто напал на него таким образом? Кто снес его исподтишка, вложив в это столько ненависти?

Не Картер — Картера он хорошо видел. Тогда кто же? Да кто угодно. Это мог быть любой игрок, даже из его собственной команды.

— Ты как, нормально? — спросил кто-то.

Джерри снова сунул в круг голову и плечи. Назвал вариант игры, в котором он должен был сам бежать вперед с мячом — по крайней мере, при этом он будет у всех на виду и не так уязвим для подлой атаки.

— Начали, — скомандовал он как можно энергичней, давая товарищам понять, что с ним все в полном порядке, что он собран и готов к действию. Однако он заметил, что ребра у него болят даже во время ходьбы.

Заняв позицию позади центра, Джерри снова поднял голову и оглядел игроков. Кто-то поставил себе задачу с ним разделаться.

Боже, дай мне глаза на затылке, взмолился он перед тем, как подать стартовый сигнал.

* * *

Телефон зазвонил, когда он вставил ключ в дверной замок. Быстро повернув ключ, он распахнул дверь и бросил учебники на стул в прихожей. Телефон звонил не умолкая — одинокий крик в пустой квартире.

Наконец он схватил трубку висящего на стене аппарата:

— Алло!

Тишина. Даже гудка нет. Потом откуда-то издалека — слабый звук, понемногу приближающийся, словно кто-то тихонько посмеивался над чем-то не очень приличным, известным ему одному.

— Алло, — снова произнес Джерри.

Теперь смешки стали громче. Какой-то ненормальный, сдвинутый на половой почве? Но разве они звонят не только девушкам? И снова

смешки, еще более громкие и отчетливые, но по-прежнему со сквозящим в них тайным намеком: я знаю кое-что такое, чего ты не знаешь.

— Кто это? — спросил Джерри.

И тут — гудок, словно харкнули в ухо.

* * *

Тем же вечером, в одиннадцать, телефон зазвонил опять. Джерри подумал, что это отец — сегодня он работал в аптеке в позднюю смену.

Он поднял трубку и сказал «алло».

Нет ответа.

Вообще ни звука.

Он уже хотел повесить трубку, но что-то помешало ему отнять ее от уха, заставило ждать.

Снова тот же смешок.

Это было страшнее, чем в три часа дня. Темнота за окном, комната, исчерченная тенью от абажуров, — все это создавало более угрожающую атмосферу. Брось, сказал себе Джерри, ночью все кажется хуже.

— Алло, кто это? — спросил он, и звук собственного голоса вернул ему чувство реальности.

Ни слова в ответ — только кто-то продолжал посмеиваться со спокойной, почти зловещей издевкой.

— Ты что, псих? Больной на голову? Инвалид детства? — Разозлить его, вывести из себя.

В трубке насмешливо взвыли.

И опять гудок.

* * *

Он редко оставлял в своем шкафчике что-нибудь ценное. В школе всегда хватало любителей «занимать» вещи — они не то чтобы воровали, но подчищали все, что плохо лежит. Запирать шкафчик на замок смысла не было: его сорвали бы в первый же день. Такого понятия, как частная жизнь, в Тринити практически не существовало. Большинству ребят было плевать на чужие права, да и на свои тоже. Они лазили по партам, взламывали шкафчики, пролистывали учебники в нескончаемых поисках добычи — денег, травки, книг, часов, одежды и всего, что подвернется под руку.

Наутро после второго анонимного звонка Джерри открыл свой шкафчик и оторопел. Его плакатик был вымазан не то чернилами, не то синей краской. Надпись на нем почти исчезла. «Осмелюсь ли я потревожить вселенную?» превратилось в абсурдный набор не связанных между собой букв. Это был такой детский, бессмысленный вандализм, что Джерри не столько рассердился, сколько изумился. Кто способен на такую идиотскую выходку? Опустив глаза, он увидел, что его новые спортивные тапочки изрезаны в лапшу. Вчера он забыл унести их с собой, и это оказалось ошибкой.

Одно дело было погубить плакат — за этим стояла грубая, скотская агрессивность, а без скотов не обходилась ни одна школа, даже Тринити. Но уничтожение тапочек явно не было простым хулиганством — в нем читалось намеренное, серьезное предупреждение.

Телефонные звонки.

Нападение на футбольном поле.

А теперь — это.

Он быстро закрыл шкафчик, чтобы никто не увидел, что там творится. И непонятно отчего почувствовал стыд.

* * *

Ему снился пожар, огонь лизал неизвестные стены, и завывала сирена, а потом это оказалась не сирена, а телефон. Джерри соскочил с постели. В коридоре отец уже бросил трубку на рычаг:

— Ерунда какая-то.

Напольные часы проббили два.

Джерри не пришлось стряхивать с себя сон. Он очнулся разом и окончательно. По спине у него побежали мурашки, пол охлаждал ноги.

— Кто это? — спросил он. Хотя и знал, конечно.

— Да никто, — сердито ответил отец. — То же самое было и вчера, примерно в это же время. Только ты не проснулся. Какой-то слабоумный на том конце линии, хихикает, будто это самая смешная шутка на свете. — Он протянул руку и взъерошил Джерри волосы. — Иди спать, Джерри. В мире полно психов, которые делают что хотят.

Прежде чем Джерри погрузился в странный сон без сновидений, прошел не один час.

* * *

— Рено, — сказал брат Эндрю.

Джерри поднял глаза. Он был увлечен новым заданием по живописи: копировал двухэтажный дом с целью изучения перспективы. Простое упражнение, но ему нравились упорядоченные линии, аккуратность, чистая красота плоскостей и углов.

— Да, сэр?

— Ваша акварель. Ландшафт.

— Простите? — Озадаченно. Акварель, о которой шла речь, большое и важное задание, отняла у Джерри битую неделю напряженного труда, поскольку он не был силен в свободном творчестве. Ему легче давались работы с геометрическим и формальным уклоном, где композиция была определена заранее. Но от акварели наполовину зависела его оценка за целое полугодие.

— Сегодня последний день сдачи, — сказал учитель. — А вашей работы я что-то не вижу.

— Вчера я положил ее вам на стол, — ответил Джерри.

— Вчера? — спросил брат Эндрю таким тоном, будто никогда в жизни не слышал этого слова. Дотошный и пунктуальный, обычно он преподавал математику, но сейчас подменял постоянного учителя по искусству.

— Да, сэр, — решительно подтвердил Джерри.

Подняв брови, брат Эндрю начал просматривать стопку работ на своем столе.

Джерри тихо и обреченно вздохнул. Он знал, что учитель не найдет его акварели. Ему хотелось повернуться, обвести взглядом все лица в классе, найти то единственное, на котором написано злорадное удовлетворение. Да ты превращаешься в параноика, одернул он сам себя. Кому надо забираться сюда тайком и похищать твою акварель? Кто мог так внимательно следить за тобой, что заметил, как ты сдал ее именно вчера?

Брат Эндрю оторвался от стопки.

— Извините за банальность, Рено, но мы с вами стоим перед дилеммой. Вашего ландшафта здесь нет. Стало быть, либо я его потерял, а у меня нет обыкновения терять ландшафты... — он помедлил, словно всерьез рассчитывал услышать смех, и этот невероятный смех действительно прозвучал, — либо вас подвела память.

— Я сдал его, сэр. — Твердо. Без паники.

Учитель посмотрел Джерри прямо в глаза, и Джерри увидел в его глазах честное сомнение.

— Что ж, Рено, может быть, у меня все-таки появилось обыкновение терять ландшафты, — сказал он, и Джерри почувствовал прилив симпатии к этому добросовестному зануде. — В любом случае я еще проверю. Возможно, я оставил его в учительской.

По какой-то причине эти слова тоже вызвали смех, к которому присоединился и сам брат Эндрю. Урок уже кончился, к тому же он был последним, и у всех было желание наконец расслабиться, сбросить напряжение, не цепляться к мелочам. Джерри хотел обернуться, увидеть, в чьих глазах вспыхнуло торжество, вызванное исчезновением его акварели.

— Однако, Рено, как бы я вам ни сочувствовал, если ваш ландшафт не отыщется, я буду вынужден поставить вам в этом полугодии «неудовлетворительно».

* * *

Джерри открыл шкафчик.

Там ничего не изменилось. Он не стал снимать плакатик и выбрасывать тапочки, оставив их внутри как символы. Символы чего? Он и сам не знал. Задумчиво глядя на плакат, он размышлял над изуродованными словами: *Осмелюсь ли я потревожить вселенную?*

Его окружала обычная коридорная сутолока: хлопали дверцы шкафчиков, раздавались дикие вопли, свист и топот тех, кто торопился на занятия секций, боксерской и футбольной, или в дискуссионный клуб.

Осмелюсь ли я потревожить вселенную?

Да, наверное. Мне так кажется.

Джерри внезапно понял смысл плаката — этого одинокого человека на берегу, гордого и бесстрашного в своем одиночестве, замершего в миг, когда он дает о себе знать целому миру, целой вселенной.

Глава двадцать девятая

Потрясающе!

Брайан Кокран складывал числа снова и снова, играя с ними, развлекаясь, точно он был жонглером, а они — чудесными игрушками, от которых нет сил оторваться. Ему не терпелось доложить о результатах брату Леону.

За последние несколько дней темпы продажи подскочили до небес. Именно так — до небес. Брайан даже чувствовал себя слегка хмельным от этих чисел — голова у него была легкой и немного кружилась.

Что же произошло? А шут его разберет. У этого крутого разворота, удивительного скачка, неожиданного взлета эффективности торговли не было единственной причины. Однако свидетельства этой перемены не только лежали перед ним в виде цифр, но и наблюдались повсюду в самой школе. Брайан видел, как народ внезапно бросился торговать и как конфеты стали модой, повальным увлечением; так же было, когда в его другой школе, в начальных классах, все вдруг будто помешались на хулахупах, а еще через пару лет — на демонстрациях. Судя по слухам, Стражи развернули в защиту этого мероприятия особую кампанию. И это было вполне вероятно, хоть Брайан и не наводил дополнительных справок — он вообще старался держаться от Стражей подальше. И тем не менее он иногда замечал, как самые известные члены этой зловещей организации останавливают ребят в коридорах, проверяют, сколько они продали, и что-то угрожающе шепчут тем, кто не мог похвастаться серьезными результатами. Каждый день после уроков из школы выходили целые бригады, груженные коробками. Они заталкивали их в автомобили и разъезжались. Брайан слышал, что эти бригады буквально наводняют разные районы города, звонят и стучат во все двери подряд — массивный натиск, словно их всех наняли продавать дорогие энциклопедии за хороший процент с реализации. С ума сойти! Еще Брайан слышал, что четверым из этих энтузиастов удалось прорваться на одну из местных фабрик и загнать там за пару часов добрых три сотни коробок. Из-за всей этой лихорадочной активности Брайану

вздохнуть было некогда: он собирал данные, а потом бежал вывешивать их на больших досках в актовом зале. Теперь здесь всегда было полно любопытных. «Эй, гляньте-ка! — завопил кто-то, увидев очередные списки. — Джимми Димере продал свои пятьдесят коробок!»

Это была темная сторона торговли — как общие поступления распределяются между отдельными школьниками. Брайан не знал, честная там ведется игра или нет, но брата Леона интересовали результаты, а не методы их достижения, и Брайан решил не копать слишком глубоко. И все же ему порой становилось не по себе. Всего несколько минут назад к нему в кабинет вошел Картер с полной пригоршней денег. Брайан относился к Картеру с подчеркнутым уважением — он был главой Стражей.

— На, держи, — сказал Картер, вываливая на стол все деньги, бумажки вместе с монетами. Это за семьдесят пять коробок — стало быть, сто пятьдесят долларов. Посчитай-ка.

— Сейчас. — Под пристальным взглядом Картера Брайан кинулся пересчитывать. Пальцы у него дрожали, и он предупредил себя: только не ошибись. Должно выйти ровно сто пятьдесят. — Тютелька в тютельку, — подтвердил он.

И тут произошло неприятное.

— Дай сюда список, — велел Картер.

Брайан протянул ему лист с фамилиями, напротив каждой из которых была клеточка для новых поступлений. Потом все это переносилось в основные списки на больших досках в актовом зале. Минуту-другую Картер разглядывал список, а потом велел Брайану раскидать выручку на несколько учеников. Под диктовку Картера Брайан принялся записывать: «Хьюарт — тринадцать... Делилло — девять... Лемойн — шестнадцать...» И так далее, пока все семьдесят пять коробок не были распределены между семью или восемью ребятами.

— Эти парни хорошо поработали, — сказал Картер, глупо улыбаясь. — И я хочу, чтобы они обязательно получили по заслугам.

— Ага, — сказал Брайан, понимая, что не стоит гнать волну. Разумеется, он знал, что ни один из выбранных Картером ребят не участвовал в продаже этой партии коробок. Но это его не касалось.

— Сколько народу на сегодняшний день уже выполнило норму в полсотни? — спросил Картер.

Брайан сверился с записями.

— Шестеро, считая Хьюарта и Леблана. С теми коробками, которые они добавили сейчас, у них получилось превышение. — Брайану удалось произнести это серьезным тоном, без тени ухмылки.

— Знаешь что, Кокран? А ты умный малый. Молодец. Схватываешь на лету.

На лету? Да они мухлевали с результатами целую неделю, и в первые два дня Кокран даже ни о чем не догадывался. Сейчас ему очень хотелось спросить Картера, действительно ли эти конфеты стали для Стражей важным делом, чем-то вроде заданий Арчи Костелло, но он решил на всякий случай смирить свое любопытство.

Еще через час-другой он собрал деньги уже за четыреста семьдесят пять проданных коробок — все чистоганом, — и львиную долю этой выручки привезли торговые бригады, которые возвращались в школу с бодрыми гудками, возбужденные успехом.

Когда пришел брат Леон, они вместе подвели итоги и выяснили, что всего на настоящий момент продано пятнадцать тысяч десять коробок с конфетами. Осталось только пять тысяч — или, точнее, четыре тысячи девятьсот девяносто, как подчеркнул брат Леон, по своему обыкновению придирчивый и щепетильный. Но сегодня Леона можно было не бояться. У него тоже, кажется, голова шла кругом — это было видно по его влажным глазам, которые искрились от удовольствия.

Он даже назвал Брайана по имени, а не по фамилии.

Когда Брайан спустился в актовЫй зал, чтобы опубликовать последние результаты, целая орава учеников приветствовала его рукоплесканиями и выкриками. Раньше Брайану никогда не устраивали оаций, и он почувствовал себя настоящим героем, кем-то вроде футбольной звезды.

13

Стойте, или буду стрелять! (фр.)

Глава тридцать первая

— Куда торопишься, пацан?

Голос был знакомый — голос всех хулиганов в мире: Гарви Кранча, который поджидал Джерри у школы Святого Иоанна, когда он учился там в третьем классе, и Эдди Хермана в летнем лагере, который обожал делать больно младшим ребятам, и того абсолютно незнакомого парня, который как-то летом сбил его с ног у цирка и вырвал у него из руки билет. Именно этот голос и раздался сейчас — голос всей шпаны в мире, всех подонков и любителей поиздеваться над другими. Насмешливый, язвительный, подначивающий в расчете на конфликт. *Куда торопишься, пацан?* Голос врага.

Джерри поднял глаза. Владелец голоса стоял перед ним в вызывающей позе: крепкие ноги слегка расставлены, ладони лежат на бедрах, будто на поясе у него две кобуры и он готов в любую секунду выхватить из них пистолеты. Или будто он специалист по карате и его руки только и ждут приказа рубить и кромсать. Джерри ничего не смыслил в карате, если не считать тех бесшабашных снов, в которых он без капли жалости разделялся со своими врагами.

— Я задал тебе вопрос, — сказал парень. Теперь Джерри его узнал: это был известный забияка по имени Янза. Мучитель новичков, которого лучше обходить стороной.

— Я слышал, — вздохнув, ответил Джерри. Он знал, что будет дальше.

— И какой это был вопрос?

Ну, началось. Подкалывание, старая как мир игра в кошки-мышки.

— Тот, который ты задал, — парировал Джерри, понимая, насколько все это бесполезно. Было совершенно неважно, что он скажет и как. Янза искал повод и должен был так или иначе его найти.

— А конкретно?

— Ты хотел знать, куда я тороплюсь.

Янза улыбнулся: он настоял на своем, добился первой маленькой победы. По его лицу расплзлась презрительная самодовольная усмешка — хитрая усмешка, словно он знал все тайны Джерри, множество грязных секретов о нем.

— Знаешь что? — спросил Янза.

Джерри молчал.

— По-моему, ты думаешь, что ты самый умный, — сказал Янза.

Удивительно. Почему те, что считают себя самыми умными, всегда обвиняют в этом других?

— Почему ты решил, что я думаю, что я самый умный? — спросил Джерри, выгадывая время, надеясь, что кто-нибудь их увидит. Он вспомнил, как однажды Гарви Кранч загнал его за амбар мистера Панефа и старик-хозяин пришел ему на выручку. Но поблизости никого не было. Сегодняшняя футбольная тренировка была сплошным огорчением. Он ни разу не отдал хорошего паса, и тренер наконец отправил его домой. *Сегодня не твой день, Рено, иди прими душ.* Отвернувшись от тренера, Джерри увидел, как другие игроки тихонько ухмыляются в кулак, и сразу все понял. Они даже не старались блокировать его от соперников, нарочно роняли брошенный им мяч. Теперь, когда Стручок ушел из команды, он больше никому не мог доверять. Опять паранойя, осадил он себя, шагая по дорожке, ведущей с поля в спортзал. И тут наткнулся на Янзу, который тоже должен был заниматься физкультурой, но вместо этого поджидал его.

— Почему я решил, что ты думаешь, что ты самый умный? — переспросил Янза. — Потому что ты ловко притворяешься, пацан. Делаешь вид, что ты такой простой и честный. Но меня не обманешь. Ты живешь двойной жизнью. — Янза снова улыбнулся — хитро, понимающе, почти доверительно, будто говоря: это только между нами, уж мы-то с тобой знаем. У Джерри поползли по спине мурашки.

— Какой еще двойной жизнью?

Янза рассмеялся, довольный, и тронул Джерри за щеку — легкое, мимолетное касание, словно они были старыми приятелями, затеявшими дружеский разговор в славный октябрьский денек, среди палых листьев, которые кружились вокруг, как подхваченное ветром гигантское конфетти. Джерри показалось, что он понял причину этого жеста: Янзе не терпелось перейти к активным действиям, ударить, избить. Но Янза не хотел начинать драку сам. Он пытался спровоцировать на нее Джерри — так всегда поступают хулиганы, чтобы никто потом не обвинил их в умышленной жестокости. *Он первый начал*, заявляют они потом. Как ни странно, у Джерри было чувство, что в драке он может взять верх над Янзой. В нем понемногу

вскипала ярость, обещающая силу и упорство. Но он не хотел драться. Ему не хотелось возвращаться к примитивным законам начальной школы, к борьбе за лавры дворового победителя, которые не были настоящими лаврами, к необходимости доказывать свою правоту выбитыми зубами, синяками под глазом и окровавленными носами. А в первую очередь он не желал драться по той же причине, по какой отказывался продавать конфеты: он хотел сам принимать решения, делать то, что нравится ему, а не кому-то другому.

— Да такой вот двойной жизнью, — сказал Янза, и его рука снова вскинулась вверх, дотронувшись до щеки Джерри, но теперь на какую-то долю секунды задержавшись там в притворной ласке. — Ты просто прячешься, пацан.

— От кого прячусь? Зачем?

— От всех. Может, и от себя. Прячешь свою маленькую стыдную тайну.

— Какую еще тайну? — уже в смятении.

— Таковую, что ты гомосек. Голубой. Вот ты и прячешься, живешь двойной жизнью.

В горло Джерри толкнулся изнутри тошнотворный гейзер, который он едва смог сдержать.

— Ой, да ты покраснел, — сказал Янза. — Покраснел, голубочек...

— Слушай... — заговорил было Джерри, но растерялся, не зная, как и с чего начать. Нет на свете ничего хуже, чем услышать такое обвинение.

— Нет, это ты слушай, — сказал Янза, на сей раз спокойно, зная, что попал в уязвимую точку. — Ты отравляешь Тринити. Сначала отказался продавать конфеты назло всем остальным, а теперь мы узнаем, что ты еще и голубой. — Он покачал головой в деланном, преувеличенном восхищении. — Ну ты и даешь! В Тринити умеют проверять и отсеивать гомосексов, но тебе удалось сюда проскользнуть, да? А сейчас, наверно, уже все штаны себе обтрусил: как же, четыреста молодых ребят, об которых можно потереться...

— Я не гомосек! — закричал Джерри.

— Поцелуй меня, — сказал Янза, карикатурно выпячивая губы.

— Сволочь! — вырвалось у Джерри.

Слово повисло в воздухе, точно боевой стяг. И Янза улыбнулся — радостной, торжествующей улыбкой. Конечно, именно этого он и добивался. Ради этого ждал Джерри и оскорблял его.

— Как ты меня назвал? — спросил Янза.

— Сволочь, — произнес Джерри медленно и внятно, теперь уже сознательно, готовый к битве.

Янза запрокинул назад голову и захохотал. Это удивило Джерри: он думал, что противник ринется в атаку. Но Янза стоял перед ним абсолютно непринужденно, уперев руки в бока, и явно забавлялся.

И тут он увидел их — увидел, как из-за ближайших кустов вынырнули то ли трое, то ли четверо и побежали, пригибаясь к земле. Они были маленькие, похожие на пигмеев, и двигались в его сторону так быстро, что он даже не сумел как следует их рассмотреть — перед ним только мелькнули смазанные пятна злобных, ухмыляющихся лиц. Затем появились и другие, еще пять или шесть; они выскочили из-за кучки сосновых деревьев неподалеку, и прежде чем Джерри успел изготавиться к бою или хотя бы поднять руки, они уже облепили его, осыпая ударами выше и ниже пояса, и опрокинули наземь, словно беспомощного Гулливера. Его тело месили десятки кулаков, чьи-то ногти впились ему в щеку, чей-то палец ткнулся в глаз. Они хотели ослепить его. Убить. В паху вспыхнула боль — кто-то пнул туда ногой. Удары сыпались на него без пощады, без передышки; чтобы стать как можно меньше, он свернулся калачиком, пряча лицо, но кто-то безжалостно колотил его по голове, *хватит, хватит*, новый пинок в пах, и он уже не мог сдержать рвоту, она была близко, и он попытался раскрыть рот, чтобы извергнуть ее подальше. Когда его вытошнило, от него отскочили, кто-то с отвращением воскликнул: «Фу!», и все разбежались. Он слышал их удаляющееся пыхтенье, топот их ног, но кто-то все-таки задержался, чтобы еще раз дать ему пинка, теперь сзади в поясницу, — заключительная вспышка боли, после которой его глаза будто задернуло черным занавесом.

15

Лес Прекрасной дикарки (фр.).

Глава тридцать третья

— Слушай, Янза. Ты что, ничего не можешь сделать правильно?

— Да о чем ты? Я что-то не пойму. Когда мы с ним закончим, он готов будет торговать конфетами хоть всю жизнь.

— Я об этой твоей своре. Я не велел устраивать мордобитие.

— Это была моя гениальная находка, Арчи. По крайней мере, я так подумал. Отделать его хорошенько всем скопом. Разве это не та самая психология, о которой ты всегда толкуешь?

— Откуда ты их взял? Я не собирался подключать к нашим делам посторонних.

— Есть у нас в квартале такие кадры. За четвертак бабку родную отметелят.

— А голубым ты его называл?

— Ты был прав, Арчи. Это ты здорово придумал. Он прямо язык проглотил. Слушай, Арчи, он же не голубой, а?

— Нет, конечно. Потому он и растерялся. Если хочешь кого-то достать, обвини его в том, чего нет. Иначе ты просто скажешь ему то, что он и так знает.

Молчание в трубке свидетельствовало, что Эмиль оценил гениальность Арчи.

— И что дальше, Арчи?

— Пока отдохни, Эмиль. Ты у меня будешь в резерве. Сейчас у нас другие планы.

— А я только начал по-настоящему развлекаться.

— Не волнуйся, у тебя еще будут шансы.

— Алло, Арчи.

— Да, Эмиль?

— Так как насчет той фотки?

— А если я скажу тебе, что никакой фотки нет, Эмиль? Что в тот день у меня в аппарате не было пленки...

Ну и ну! От этого Арчи только и жди сюрпризов. А может, он врёт? Или все-таки говорит правду?

— Не знаю, Арчи.

— Главное, Эмиль, — держись меня. Всегда. И ты не пожалеешь. Нам нужны такие люди, как ты.

У Эмиля захватило дух от гордости. Уж не о Стражах ли речь? И фотография — может, ее действительно нет? Какое это было бы облегчение!

— Можешь на меня рассчитывать, Арчи.

— Я знаю, Эмиль.

Но, когда в трубке зазвучали гудки отбоя, Эмиль подумал: ну и хитрая же сволочь этот Арчи!

17

Покупать... деньги (фр.).

Глава тридцать пятая

Рехнуться можно.

Лотерея — но какая!

Такой лотереи еще не бывало ни в Тринити, ни в других школах.

Арчи, организатор и вдохновитель всего мероприятия, следил за его подготовкой: за тем, как наполняется стадион, как идут сплошным потоком зрители, как в свете прожекторов, чуть согревающих прохладный вечерний воздух, продаются и меняют владельцев бумажные лоскутки. Он стоял рядом с импровизированной сценой, которую под его руководством воздвигли сегодня после уроков Картер и остальные Стражи. Это был старый боксерский ринг — его извлекли из недр трибуны и вернули в прежнее состояние, если не считать отсутствия канатов. Платформа располагалась прямо на пятидесятиардовой линии, перед самыми трибунами, чтобы каждый зритель мог видеть представление во всех подробностях и ничего не пропустил. Такой уж он, Арчи, — деньги, отданные за билет, должны окупиться до последнего цента.

Футбольное поле находилось по меньшей мере за четверть мили от школы и здания, в котором жили учителя. Но Арчи позаботился и о дополнительной страховке. Он выдал это сборище за футбольное состязание, закрытое для взрослых — якобы потому, что они смущают болельщиков. Разрешение добывал Карони — любимчик учителей, похожий на ангелочка или певчего из церковного хора. Ну кто такому откажет? И вот наконец все готово: народ собрался, в воздухе разлита бодрящая свежесть, он словно наэлектризован зрительским нетерпением — а в ринге, тревожно поглядывая друг на друга, стоят Рено и Янза.

Арчи всегда дивился, глядя на то, что он сам задумал и организовал. Вот, например, все эти ребята делали бы сегодня вечером что-то другое, если бы Арчи не сумел круто изменить их планы. И все, что для этого понадобилось, — капелька его воображения и два телефонных звонка.

Первый звонок — Рено, второй — Янзе. Но Янзе он звонил, можно сказать, для порядка. Арчи знал, что в его власти придать

действиям Янзы любую форму, как комку глины. А вот звонок Рено требовал правильной тактики, изобретательности и толики того особого искусства, которым он, Арчи, так хорошо владел: действовать издалека, обходом, стороною. Как шекспировский Полоний, усмехнулся Арчи.

Телефон прозвонил, должно быть, раз пятьдесят, и Арчи не винил парня за то, что он не кидается к аппарату сломя голову. Но терпение принесло свои плоды, и наконец в трубке раздался голос Рено — невозмутимое «алло», в котором, однако, сквозило нечто еще. Арчи распознал это нечто — ледяное спокойствие, решимость. Прелестно. Теперь его можно брать голыми руками. Арчи почувствовал прилив торжества. Парень готов на все. Он хочет действовать, рвется в бой.

— Хочешь поквитаться, Рено? — подстегнул его Арчи. — Отомстить? Ответить ударом на удар? Показать всем, что ты думаешь об их дерьмовых конфетах?

— И как же я это сделаю? — Рено говорил осторожно, однако Арчи уловил в его голосе явную заинтересованность.

— Да запросто, — сказал Арчи, — если, конечно, в штаны не наложишь. — Подначка — первое оружие.

Рено молчал.

— Есть у нас в школе такой Янза. В общем-то, пустое место, дрянь дрянью, честно говоря. Натуральная скотина. И я слышал, ему понадобилась помощь целой банды дружков, чтобы тебя приструнить. Вот я и подумал, почему бы вам с ним не разобраться? На стадионе, у всех на глазах. В боксерских перчатках. Цивилизованно. Это способ расквитаться со всеми, Рено.

— С тобой тоже, Арчи?

— Со мной? — голосом изумленной невинности. — Черт, да я-то тут при чем? Я просто делал свою работу. Дал тебе задание — не продавать конфеты, а потом другое — продавать их. А все остальное ты сделал сам, приятель. Я тебя не бил. Я вообще не люблю насилия. Но ты, что называется, разворошил осиное гнездо...

Снова тишина в трубке. Арчи заговорил еще мягче, продолжая давить, улещивать, убеждать:

— Слушай, Рено, я даю тебе этот шанс, потому что верю в честную игру. Шанс покончить со всей этой дурацкой историей и вернуться к нормальной жизни. Ну не сошелся же весь свет клином на

каких-то паршивых конфетах! Вы с Янзой на ринге — одни, лицом к лицу, без всякого жульничества. И на этом конец, точка, финиш. Я тебе гарантирую. Слово Арчи.

И парень повелся на это — проглотил и крючок, и грузило с леской, хотя разговор еще некоторое время не клеился. Но Арчи был терпелив. Терпение всегда приносит плоды. И он, конечно же, выиграл.

Теперь, обозревая результаты своих трудов — полные трибуны, толчею, в которой азартно продавались и перепродавались лотерейные билетки с нацарапанными на них указаниями, — Арчи тихо ликовал. Он успешно обвел вокруг пальца и Рено, и Леона, и Стражей, и всю эту жалкую школу. Я могу охмурить кого угодно. Я — Арчи.

* * *

Представь себе, что ты прожектор, сказал себе Оби, и водишь своим лучом по всему стадиону, останавливаясь то там, то сям, высвечивая отдельные места, выхватывая самое важное из происходящего. Потому что — давай это признаем — событие действительно важное, и Арчи, этот сукин сын, эта хитрая, хитрющая сволочь, снова попал в десятку. Вон он, стоит около ринга с такой физиономией, словно все, что он видит, ему подвластно. Да так оно, собственно, и есть. Он заманил сюда Рено, бледного и напряженного, как будто его вывели на расстрел, и этого урода Янзу, похожего на зверюгу, который ждет не дождется, когда его спустят с цепи.

Оби-прожектор направил свой луч на Рено. Бедный, глупый обреченный сосунок. Он не может победить, хоть и не знает этого. Кого победить — Арчи? На это никто не способен. Арчи, которому грозит поражение, — ах, какое это было восхитительное зрелище, там, на последней сходке Стражей, когда он стоял перед ними униженный, — но теперь он снова на коне, все конфеты благополучно распроданы, и он опять рулит, опять держит в узде всю школу. Из чего следует, что кроткие вовсе не наследуют землю. Тоже мне, открытие! Должно быть, Арчи это уже когда-то говорил.

* * *

Не шевелись. Чтоб ни одна мышца не дрогнула. Выждидай; смотри и жди.

Левая нога у Джерри заснула.

Как твоя нога может заснуть, если ты стоишь?

Не знаю. Но заснула.

Нервы, скорее всего. Напряжение.

Как бы то ни было, в его ногу впивались крошечные иголки, и он сохранял неподвижность только ценой больших усилий. У него было такое чувство, что пошевелись он — и все его тело рассыплется на кусочки.

Теперь он понимал, что зря согласился прийти сюда, что Арчи перехитрил его, надул, как последнего дурака. На какой-то миг, когда вкрадчивый голос нашептывал ему в ухо о сладкой мести, Джерри и впрямь поверил, что это возможно — побить Янзу, и всю школу, и даже самого Арчи. Он вспомнил недавнюю ночь, когда их с отцом донимали звонками, и то, с каким несчастным, расстроенным видом отец положил трубку на столик, признавая свое поражение. Но я не сдамся, решил Джерри, слушая уговоры Арчи. Кроме того, ему хотелось сойтись один на один с Янзой — с Янзой, который назвал его гомосексом.

Так что он согласился на поединок с Янзой, позволив Арчи обмануть себя. Арчи обманул не только его, но и Янзу. Это из-за него они стоят здесь, на платформе, голые до пояса, чуть дрожа от вечерней прохлады, в боксерских перчатках. И только теперь Арчи, в глазах которого блестело злорадное торжество, огласил наконец правила боя. Ну и правила!

Джерри уже хотел было заявить протест, но Янза первым открыл рот:

— Мне годится. Я побью его любым способом, каким хотите.

И Джерри, к своему отчаянию, понял, что Арчи рассчитывал на такую реакцию Янзы, рассчитывал на ребят, заполнивших стадион. Он знал, что Джерри не сможет пойти на попятный, поскольку зашел уже слишком далеко. И Арчи улыбнулся ему своей гнусной приторной улыбочкой:

— А ты что скажешь, Рено? Принимаешь правила?

Что он мог сказать? После всех этих звонков, после того, как его избивали. После того, как разорили его шкафчик, устроили ему бойкот, чуть не сшибли с ног на лестнице. После того, что они сделали со Стручком и с братом Юджином. Что такие, как Арчи и Янза, сделали со всей школой. Что они сделают с миром, когда покинут Тринити.

Джерри напрягся, преисполненный решимости. По крайней мере, он сможет нанести ответный удар, хоть раз да отведет душу. Пусть даже правила, установленные Арчи с помощью лотерейных билетов, практически исключают вероятность его победы.

— Ладно, — сказал Джерри.

И тогда, стоя на ринге — одна нога наполовину спит, в животе муторно, кожа в пупырышках от вечернего холода, — Джерри подумал, не проиграл ли он в тот самый момент, когда сказал «ладно».

* * *

Лотерейные билеты расходились бойко, как порнографические открытки.

Брайан Кокран не мог справиться с удивлением, хотя, казалось бы, ему пора уж было привыкнуть к тому, что действия Арчи Костелло всегда удивительны. Сначала невероятный успех конфетной распродажи. А теперь — эта шизоидная лотерея. Никогда в Тринити не видели ничего подобного. Да и не только в Тринити — нигде. И он вынужден был признать, что смотрит на все это не без удовольствия, хотя сегодня после уроков, когда Арчи предложил ему руководить лотереей, он попробовал было отказаться. «С конфетами у тебя все прошло здорово», — сказал Арчи, и этот комплимент растопил сопротивление Брайана. Вдобавок Арчи с его Стражами нагонял на него непобедимый ужас. Личное выживание — вот что Брайан избрал своим кредо.

Правда, когда Арчи объяснил, как будут организованы лотерея и поединок, Брайана снова одолели сомнения. Разве удастся заставить Рено и Янзу на такое пойти? Вот что смущало Брайана. Запросто, уверил его Арчи. Рено жаждет мести, а Янзе лишь бы с кем-нибудь подраться. Да и не смогут они дать задний ход на глазах у всей школы. Потом голос Арчи снова похолодел, и у Брайана внутри все съежилось. «Ты знай свое дело, Брайан, продавай билеты. А подробности оставь мне». И Брайан отправился набирать ребят, чтобы помогли с продажей. И Арчи, конечно, оказался прав, потому что вон они на арене, Рено и Янза, и торговля билетами идет так, словно народ рассчитывает увидеть самое увлекательное шоу на свете.

* * *

Эмилю Янзе надоело, что его считают каким-то отребьем. Во всяком случае, такое впечатление возникало у него, когда он общался с

Арчи. «Эй, зверь», — говорил Арчи. Но разве он зверь? У него тоже есть чувства, как и у всех остальных. Как у того купца из пьесы Шекспира, которую они проходили по литературе: «Если меня уколоть, разве у меня не идет кровь?» Ну да, он любит малость поприжать кого-нибудь, пощекотать нервы — так это же человеческая природа, верно? Себя-то он должен защищать. Достань других раньше, чем они достанут тебя. Заставляй людей гадать, что и как, — и держи их в страхе. Как Арчи с этой чертовой фоткой, которой, оказывается, вовсе и не существовало. В конце концов Арчи все же убедил его в том, что ее не было. Подумай сам, Эмиль, говорил он. Откуда она могла взяться? Помнишь, как темно тогда было в туалете? А вспышки ведь ты не видел. И пленки в аппарате тоже не было. Да если бы и была, когда бы я успел навести его на резкость? Узнав правду, Эмиль, с одной стороны, вздохнул свободно, а с другой — разозлился как черт. Но Арчи заметил, что злиться Эмилю следует на таких, как Рено. Разуй глаза, Эмиль! Твои враги — это парни вроде Рено, а не парни вроде меня. Эти маменькины сынки отравляют нам жизнь, они сдают нас учителям, они устанавливают правила. И потом — самое главное, решающий аргумент: а кроме того, в школе начинают поговаривать о том, как разделались с Рено, о том, что тебе понадобилась помощь других, а один бы ты не справился...

Эмиль взглянул на стоящего напротив Рено. Ему не терпелось начать бой. Показать себя перед всей школой. К черту всю эту вшивую психологию по методу Арчи — больше он не будет обзывать Рено голубым. Вместо языка он пустит в ход кулаки.

Эх, поскорей бы! Он размажет Рено по этой площадке у всех на глазах, и плевать, что там написано на билетах.

Но где-то в дальнем уголке его сознания еще пряталась крохотная неуверенность: а вдруг у Арчи все-таки есть его фотография в сортире?

Глава тридцать шестая

Итак, лотерейные билеты.

Ого! Блеск!

Арчи еще не видел ни одного заполненного и потому остановил пробежавшего мимо продавца из команды Брайана Кокрана.

— Дай-ка взглянуть, — сказал Арчи, протягивая руку.

Парень тут же повиновался, и Арчи польстила такая безропотность. Я — Арчи. Каждое мое пожелание становится приказом.

Под беспокойный гул трибун Арчи внимательно изучил бумажку. На ней было накорябано:

*Янза
Правой в челюсть
Джимми Димерс*

В этом и заключалась простая и ошеломительная красота лотереи — именно такие неожиданные ходы и прославили Арчи Костелло, создав ему репутацию человека, способного прыгнуть выше собственной головы. Одним махом Арчи заставил Рено появиться здесь, стать частью конфетной распродажи, и при этом отдал Рено на милость школы, его однокашников. Бойцы на ринге были лишены своей воли. Им предстояло драться так, как пожелают зрители. Каждый, купивший билет, — а кто бы нашел силы от этого отказаться? — имел возможность поучаствовать в битве, спокойно, без всякого риска понаблюдать с безопасного расстояния, как двое соперников избивают друг друга. Трудность была только одна: заставить Рено выйти на ринг. Арчи знал, что, очутившись там, он уже не сможет отказаться от поединка даже после того, как узнает про билеты. И все его расчеты оправдались. Прелестно!

К Арчи приблизился Картер.

— Продаются со свистом, — сообщил он. Картеру понравилась идея боксерского матча. Он обожал этот вид спорта. Сам он купил целых два билета и с удовольствием выбирал, какие удары назначить, остановившись в конце концов на правом кроссе в челюсть и

апперкоте. В последний момент он чуть не отдал эти удары Рено — и так уж замордовали парня, пусть вздохнет. Но рядом стоял Оби, большой любитель совать нос в чужие дела. И Картер проголосовал за Янзу — за этого послушного Арчи пса, всегда готового прыгнуть туда, куда прикажет хозяин.

— Похоже, вечер удался, — ответил Арчи с той самодовольной, всезнающей улыбочкой, которую Картер так ненавидел. — Видишь, Картер, я же говорил, что вы зря подняли панику.

— Не пойму, как ты это проворачиваешь, Арчи, — неохотно признался Картер.

— Да очень просто, Картер. Элементарно. — Арчи помедлил, наслаждаясь недоумением Картера, того самого Картера, который унижил его на последней сходке Стражей. Когда-нибудь он с ним поквитается, но пока довольно и того, что Картер смотрит на него с восхищением и завистью. — Видишь ли, Картер, людям свойственны две вещи: жадность и жестокость. Так что у нас здесь идеальный расклад. По части жадности: каждый платит доллар в надежде выиграть сотню. Плюс пятьдесят коробок конфет. По части жестокости: приятно смотреть, как два дурака бьют, а то и калечат друг дружку, если ты сам в это время спокойно сидишь на трибуне. Вот почему мой замысел сработал, Картер, — потому что мы все скоты.

Картер постарался скрыть отвращение. Арчи был противен ему по многим причинам, но в первую очередь потому, что он умудрялся выставлять всех людей в таком свете — как грязных, развращенных, испорченных. Слово в мире вообще нет ничего хорошего. И однако Картер не мог не признать, что ожидает начала боя с нетерпением, что он сам купил даже не один, а два билета. Допустим, что Арчи прав, — тогда выходит, что и он тоже, как и все, жадный и жестокий? Этот вопрос изумил Картера. Черт возьми, он ведь всегда считал себя порядочным человеком. Он часто пользовался своим положением председателя Стражей, чтобы не позволять Арчи зарываться во время назначения заданий. Но достаточно ли этого для того, чтобы называться порядочным? Это беспокоило Картера. Вот за что он ненавидел Арчи. Из-за него ты всегда чувствовал себя в чем-то виноватым. Не может же мир и вправду быть так плох, как он рисует! Но гомон заполнивших трибуны зрителей, которые требовали поскорее начать бой, заставлял Картера сомневаться на этот счет.

Арчи смотрел, как Картер удаляется от него озадаченный и встревоженный. Отлично. Сгорает от зависти. Да и кто бы на его месте не завидовал Арчи, умеющему всегда в конечном счете брать верх?

— Все билеты проданы, — подойдя, доложил Кокран.

Арчи кивнул, принимая на себя роль молчаливого героя.

* * *

И вот настал решающий миг.

Подняв голову, Арчи окинул стадион взглядом, и это послужило своего рода сигналом. По трибунам пробежал ропот, зрители зашевелились еще оживленнее, градус ожидания ощутимо вырос. Все глаза были обращены на арену, в углах которой, друг напротив друга, стояли Рено и Янза.

Перед рингом возвышалась пирамида, сложенная из последних пятидесяти коробок с шоколадными конфетами. Проектора заливали стадион ярким светом.

На середину арены вышел Картер с молоточком в руке. Ударить было не по чему, и Картер просто поднял его вверх. Зрители откликнулись на это нетерпеливыми криками, свистом, аплодисментами. «Давай уже!» — завопил кто-то.

Картер жестом попросил тишины.

Но тишина наступила и так.

Подвигаясь поближе к платформе ради лучшего обзора, Арчи втянул в себя воздух, точно упиваясь ароматом этого сладчайшего из событий. Но он выпустил его обратно в изумлении и замер на месте, увидев, как на арену поднимается Оби с черным ящичком в руках.

* * *

Посмотрев на Арчи, который стоял у ринга опешив, с раскрытым ртом, Оби злорадно ухмыльнулся. Еще никому и никогда не удавалось так ошеломить великого Арчи, и Оби наслаждался своим минутным торжеством. Он кивнул Картеру, уже направляющемуся к Арчи, чтобы сопроводить его на арену.

Накануне, когда Оби предложил воспользоваться черным ящичком, Картер согласился не сразу. Дело будет происходить не на совещании Стражей, заметил он; так как же мы заставим Арчи тянуть жребий?

У Оби уже был наготове ответ — причем такой, какой дал бы, скорее всего, сам Арчи. «Там соберутся четыреста человек, и они

будут требовать крови. А чьей конкретно, им все равно. Про наш черный ящик знает вся школа — как Арчи сможет отвертеться?»

Но ведь нет никакой гарантии, что Арчи вытянет черный шарик, возразил Картер. Черный означал бы, что ему придется занять место одного из противников на ринге. Но в ящике пять белых шариков и только один черный. Арчи занимает *пост* назначающего уже очень долго, и до сих пор он ни разу не достал черный шарик.

«Есть же закон больших чисел, — ответил Картеру Оби. — Вдобавок Арчи надо будет тянуть два раза — один за Рено, второй за Янзу».

Картер уперся в Оби взглядом. «А может?..» — его голос вопросительно округлился.

«Нет, подстроить ничего не удастся. Где я, по-твоему, возьму шесть черных шариков? А кроме того, Арчи слишком умен — нам его не перехитрить. Но кто знает? Может быть, ему наконец перестанет везти».

И они пришли к соглашению. Оби выйдет с черным ящиком перед тем, как начнутся вытаскивание билетов и сам поединок. Именно это он и сделал сейчас — появился на ринге, в то время как Картер двинулся навстречу Арчи.

— Ну вы даете, ребята, — сказал Арчи, уворачиваясь от Картера, который хотел взять его за руку. — Я могу подняться туда сам, Картер. И заметь — скоро я спущусь обратно.

В груди Арчи холодным плотным комком сгустилась ярость, но внешне он сохранял спокойствие. Как всегда. У него было чувство, что все пройдет без сучка и задоринки. Я — Арчи.

При виде черного ящика зрителей охватила оторопь, и на трибунах наступила еще более глубокая тишина, чем несколько секунд тому назад. Прежде его видели только члены организации Стражей и их жертвы. В ярких лучах прожекторов маленький деревянный ящичек выглядел старым и жалким — наверное, когда-то это была шкатулка для украшений. И все же в школе о нем ходили легенды. Для потенциальных жертв он воплощал собой возможное освобождение, защиту, орудие против всемогущества Стражей. Кое-кто и вовсе сомневался в его существовании: Арчи Костелло никогда бы такого не допустил. Но теперь он был вынесен на свет божий — пожалуйста,

глядите. И вся школа глядела, вытаращив глаза. В том числе и Арчи, который уже протянул к нему руку, готовясь достать шарик.

Вся процедура заняла примерно минуту, не больше, поскольку Арчи решил покончить с ней побыстрее, прежде чем остальные успеют толком сообразить, что происходит. Нечего устраивать из этого целый спектакль, давать Оби с Картером лишний шанс покрасоваться. Поэтому, опередив любые возможные возражения, Арчи мигом сунул руку в ящичек и вытащил оттуда шарик. Белый. Оби разинул рот от удивления. Все развивалось чересчур стремительно. Он хотел, чтобы Арчи как следует подергался, а зрители поняли, что творится на платформе. Ему хотелось растянуть церемонию, выжать из ситуации как можно больше интриги и драматизма.

Арчи снова потянулся к ящичку, и Оби уже поздно было мешать этому движению. Он затаил дух.

Шарик был спрятан в кулаке Арчи. Он протянул руку в сторону зрителей и застыл, выпрямившись. Шарик должен был оказаться белым. Не для того он зашел так далеко, чтобы все сорвалось в последний момент. Арчи обратил к трибунам лицо, на котором играла легкая улыбка. Прикидываясь невозмутимым, он в это мгновение рисковал всем.

Он раскрыл ладонь и показал шарик так, чтобы его было видно каждому.

Белый.

20

Уоллес Эдгар (1875–1932) — английский писатель, автор авантюрных романов.

21

Шато де Л'Иль — замок на острове (фр.).

Глава тридцать девятая

— Когда-нибудь, Арчи, — сказал Оби с угрозой в голосе, — когда-нибудь...

— Завязывай, Оби. Хватит с меня проповедей на сегодня. Брат Жак мне уже одну прочел. — Арчи усмехнулся. — Спасибо, Леон пришел на выручку. Хороший малый этот Леон.

Они сидели на трибуне и смотрели, как несколько ребят убирают стадион. Это было то самое место, с которого они впервые увидели Рено в тот день, когда Арчи выбрал его для своего нового задания. С наступлением ночи заметно похолодало, и Оби никак не мог унять легкую дрожь. Он поглядел на стойки футбольных ворот. Что-то они ему напоминали. Но что, он так и не вспомнил.

— Леон — сволочь, — сказал Оби. — Я видел его на холме, вон там. Он следил за матчем, и притом с большим удовольствием.

— Знаю, — ответил Арчи. — Это я его предупредил. Анонимным звонком. Решил, пусть развлечется. А еще я подумал, что если он будет принимать в этом хотя бы косвенное участие, то после в случае чего нас защитит.

— Когда-нибудь, Арчи, ты свое получишь, — сказал Оби, но в его словах не было настоящей убежденности. Арчи всегда оставался на шаг впереди.

— Вот что, Оби, я готов забыть то, что вы с Картером сегодня устроили. Я имею в виду черный ящик. В конце концов, все вышло очень эффектно. И я понимаю ваши чувства. Ты ведь знаешь, Оби, — вы с Картером для меня прозрачнее стекла. — Он снова заговорил тем фальшивым тоном, на который сбивался, когда хотел порисоваться или поиронизировать.

— Может быть, в следующий раз черный ящик сработает, Арчи, — сказал Оби. — Или появится еще кто-нибудь вроде этого Рено.

Арчи не стал ему отвечать. Хочет человек помечтать — пускай помечтает. Он потянул носом воздух и зевнул.

— Слушай, Оби, а куда делись конфеты?

— Спер кто-то под шумок. А деньги за билеты — у Брайана Кокрана. Может, разыграем их как-нибудь на очередном собрании.

Арчи слушал его вполуха. Ему было неинтересно. Кроме того, он проголодался.

— Ты уверен, что ни одной коробки не осталось?

— Уверен.

— А может, у тебя «херши» есть?

— Нету.

Прожектора снова погасли. Арчи и Оби еще немного посидели молча, а потом встали и вышли со стадиона в темноте.

notes

23

Да, мой полковник (фр.).

2

Обучение в американской средней школе (high school) начинается с девятого класса и занимает четыре года.

3

Второе воскресенье мая.

В фильме «Кнут Рокни, настоящий американец» (1940) юный игрок в американский футбол (Рональд Рейган), умирая от пневмонии, говорит тренеру: «Однажды, когда команда будет в критическом состоянии... попросите парней... выиграть просто ради Джиппера».

27

Флит-стрит — улица в Лондоне, где находятся редакции газет.

6

Джимми Кэгни (1899–1986) — американский актер, прославившийся исполнением ролей гангстеров в кино.

Сэмми Дэвис (1925–1990) — американский танцор и музыкант.

«Шпион, пришедший с холода» — название знаменитого шпионского романа Дж. Ле Карре.

Четвертого июля в США отмечают День независимости. В честь праздника традиционно устраиваются фейерверки.

«Гран-Гиньоль» — театр в Париже, где ставились сенсационные драмы с ужасами.

Голконда — в XVI–XVII вв. государство в Индии в области Декан, славившееся добычей алмазов.